

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Урюпина Марина Анатольевна

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

специальность 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
(философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Бойко Павел Евгеньевич

Ростов-на-Дону – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. РОССИЙСКАЯ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	20
1.1. Философские и историко-культурологические основания исследований русской военно-патриотической песни.....	20
1.2. Этико-аксиологические принципы русской традиции военно- патриотической песни.....	36
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ КАК ФАКТОРА ДУХОВНОЙ САМОБЫТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	55
2.1. Нравственные ценности русской военно-патриотической песни в эпоху Романовых.....	55
2.2. Этико-аксиологическое содержание советской военно-патриотической песни как необходимого этапа развития духовной самобытности России	85
2.3. Духовная самобытность постсоветской России и этико-аксиологические особенности современной русской военно-патриотической песни	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	149
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	165

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования продиктована комплексом факторов, среди которых ключевым является насущная потребность современного общества в переосмыслении концепций культурной самобытности и национальной идентичности. Наблюдается возрастающий интерес российских граждан к вопросам собственной нравственной ориентации и гражданской принадлежности.

После распада Советского Союза в 1991 г. в обществе оформилась устойчивая тенденция к дезинтеграции на фоне утраты доверия к традиционным ценностным ориентирам, целенаправленной информационной пропагандой, сопровождавшейся систематическим искажением отечественной истории, а также критическим падением легитимности органов государственной власти в глазах населения. Становится важной потребность в философско-культурологическом изучении российской военно-патриотической песни, выявлении ее сущности и этико-аксиологических принципов, что станет одним из инструментов в формировании национальной идентичности.

Военно-патриотическая песня является одним из инструментов трансляции и конструирования национального самосознания российской цивилизации на протяжении различных исторических периодов, включая имперский период правления династии Романовых, советский период и современную постсоветскую эпоху. В этом случае песня способна выполнить функцию консолидации общества вокруг национальных ценностей и идеалов.

Анализ российской военно-патриотической песни (охватывающей дореволюционный, советский и постсоветский периоды) в контексте исторических событий выявил эволюцию общественного восприятия войны, смену ценностных ориентиров и трансформацию художественных средств.

В военно-патриотической песне заложена потенциальная возможность влиять на мировоззрение социума через формирование чувства преемственности с предшествующими поколениями и сопричастности историческому прошлому России. Именно эта способность транслировать ценностные установки

обеспечивает непреходящую актуальность избранной темы.

Кроме того, исследование военно-музыкальной культуры представляет собой научно обоснованную необходимость в контексте анализа её психологического и национально-патриотического влияния на процесс воспитания личного состава Вооружённых сил Российской Федерации.

Таким образом, **научная актуальность темы** обусловлена необходимостью изучения духовно-нравственных ценностей современной российской военно-патриотической песни, определяющих устойчивое мировоззрение граждан.

Аксиологический анализ российской военно-патриотической песни представляет собой одно из самых новых направлений в философско-культурологическом дискурсе.

Аксиология военно-патриотической песни заключается в том, что она, выступая носителем определённых ценностных ориентаций, одновременно сама конституируется как ценность. Эти ценности трансформировались в каждую эпоху: для античности они носили научный и эстетический характер, для средневековья – религиозный, для Нового времени – вновь научный и гуманистический, для Новейшего времени – утилитарно-практический и прикладной. В условиях постиндустриального информационного (цифрового) общества актуален вопрос о будущих аксиологических основаниях песни. Кризис представлений о её универсальности ставит под сомнение сохранение ценностного компонента в народном искусстве.

В данном исследовании военно-патриотическая песня и её нравственное содержание рассматривается в качестве необходимого художественного выражения духовной самобытности России.

Понятие духовной самобытности, рассматриваемое как духовная субстанциальность, представляет собой фундаментальную категорию философии культуры и социальной онтологии. В рамках гегелевской традиции дух народа определяется как объективное проявление абсолютного духа в конкретно-исторической форме, где субстанциальность выступает как самодостаточная основа национального бытия. Песня аккумулирует и транслирует эмоциональные,

социальные и культурные переживания, формируя коллективную идентичность и становясь «звуковым памятником» эпохи. Ключевой категорией для понимания этого феномена является дух народа, или народный дух.

В условиях современного культурно-исторического контекста, детерминированного ходом специальной военной операции, особую остроту приобретает проблема аксиологической сущности военно-патриотической песни. Данный жанр, традиционно выступающий инструментом трансляции ценностных ориентаций и национальной идентичности, претерпевает сущностную трансформацию в российском культурном пространстве. В данной связи актуализируется необходимость концептуального переосмысления аксиологической функции военно-патриотической песни как феномена, способного консолидировать общественное сознание и формировать устойчивые нравственные ориентиры в условиях цивилизационного вызова.

Степень разработанности темы исследования.

Совокупность научных трудов, в различной степени затрагивающих эволюцию российской военно-патриотической песни, может быть классифицирована на несколько групп.

Первую группу исследований составляют труды ученых, начиная с античных философов (Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека), мыслителей Средневековья (Августин Блаженный, Исидор Севильский, Боэций), Нового времени (Р. Декарт, Ж.Ж. Руссо) и Новейшего времени (Б.В. Асафьев, К.С. Чупраков, С.В. Хмелевский). Они обосновали роль песни в воспитании и формировании национального самосознания. Однако эти работы носили общий философско-эстетический характер и не рассматривали специфическое влияние военно-патриотической песни на духовную жизнь народа.

Значительное воздействие на развитие музыковедения и культурологии внесли ученые: Т. Адорно, В. Беньямин, Ю. Хабермас, К. Дальхаус, А. Эйнштейн, Л. Трейтлер, применявшие гегелевский подход к изучению песни, составляют вторую группу. Гегелевская диалектика, с ее акцентом на историческое развитие и взаимосвязь между идеей и ее материальным воплощением, представляет мощный

методологический инструмент для анализа эволюции музыкальных форм и их отражения в песенной культуре. Стоит отметить, что круг ученых, исследовавших музыкальное искусство сквозь призму гегелевской эстетики, невелик, а их работы, затрагивающие данную область, характеризуются наличием отдельных, не связанных между собой работ, что затрудняет формирование целостного представления об исследуемом предмете.

Влияние Гегеля прослеживается в работах славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), западников (В.Г. Белинский, А.И. Герцен), а также в философских построениях позднейших мыслителей, таких как В.С. Соловьев и Н.А. Бердяев.

А.Н. Ерыгин, представитель ростовской философской школы, рассматривал влияние Гегеля на русскую мысль, акцентируя внимание на трансформации гегелевской диалектики в условиях русской социокультурной среды XIX в. Гегель, с его акцентом на историческом развитии и рациональности, предоставил мощный интеллектуальный инструмент для осмысления русской идентичности и перспектив социального прогресса.

Третью группу составляют видные историки музыки, музыковеды, искусствоведы, культурологи и др., изучавшие песенную культуру СССР, России. Диапазон их научного интереса был достаточно широк, затрагивались проблемы от структуры музыкальной и поэтической составляющих песни до социокультурного контекста и идеологического воздействия. Они изучали фольклор (И.В. Бойко, М.К. Бурьяк, Л.В. Демина, Ю.А. Эмер, Н.С. Кузнецова, О.В. Рассохацкая, А.В. Грешникова, В.С. Девятков), массовую (А.Н. Сохор, Т.В. Попова, А.Н. Хасанова, В.В. Лелеко, В.В. Помещикова) и авторскую песни (И.А. Соколова, Е.А. Абросимова, И.Б. Ничипоров, Л.В. Макарская, Л.А. Купец). В советской историографии доминировал классовый подход: народные песни трактовались как манифест борьбы против самодержавия и гнета. Несмотря на идеологические рамки марксизма, исследователи, изучая воинскую песню, видели в ней выражение народного духа, что свидетельствует о признании преемственности духовного и эстетического развития России.

Четвертую группу образуют труды ученых (В.А. Котеля, Т.И. Кузуб, О.С. Ильичева, О.Л. Девятова, Л.А. Ганкин, Т.В. Букина), посвященные изучению состояния музыкального и песенного творчества в XXI в. В работах отмечена возрастающая роль музыки в социокультурной жизни, расширение границ музыкального языка и технологий его производства, а также изменение восприятия музыки в условиях цифровой среды. Подчеркивается, что музыкальное творчество, как процесс создания новых музыкальных произведений, подвержено влиянию как внутренних, имманентных музыке факторов (эволюция музыкальных форм, гармонии, ритма), так и внешних, обусловленных социокультурным контекстом. Наблюдаемая в настоящее время тенденция обращения среди молодежи России к русской народной песне связано с происходящими в мире сложными геополитическими процессами. Этот феномен еще не нашел своего отражения в научной исследовательской литературе, только лишь обсуждается в медиасфере. Вместе с тем, в этих исследованиях не находит отражения проблема манифестации духовной идентичности в песенном творчестве, отсутствует опыт изучения русской воинской песни как способа выявления эстетики народного духа и духовной идентичности России, что, при чрезмерном увлечении современными технологиями, потенциально может привести к утрате аутентичности. Вместе с тем, вопросы духовной идентичности, понимаемой как осознание и выражение принадлежности к определенной системе ценностей, верований и культурных традиций, приобретают особую актуальность в контексте глобализации и культурной интеграции. Изучение песенного творчества России XXI в. с точки зрения проявления духовной идентичности русской культуры представляет собой перспективное направление исследований, позволяющее углубить понимание роли музыки в формировании и трансляции культурных ценностей, а также в процессе самоопределения личности и общества.

Часть научных исследований посвящена военно-музыкальной культуре (Ю.Е. Бирюков, Н.А. Колесникова, Т.К. Маякин, С.В. Хмелевский, А.В. Звонов, К.С. Чупраков), роли искусства в периоды военных конфликтов (А.А. Строков, Ю.Е. Бирюков, А.В. Кулиш, Н.А. Лебедева, Е.А. Карапетян, А.А. Зорькин),

образующих пятую группу. В рамках данного направления детально анализируется, как патриотические песни воздействуют на укрепление национального самосознания, консолидацию общественных настроений и сохранение боевого духа личного состава. Исследование этих вопросов требует применения мультидисциплинарного подхода, включающего историческую, социокультурную и психологическую перспективы.

Следующую группу образуют работы, посвященные изучению очень близкой по духу к военной песне практике хорового пения и пляски (Б.В. Асафьев, В.П. Ильин, Э.К. Петри, А.Ю. Умнов, А.Р. Шарипова, А.В. Лебедева-Емелина), т.к. главное их предназначение «заключалось в предоставлении бойцам чувства коллективного единения, всеобщего боевого братства»¹. Но, к сожалению, практически нет работ по влиянию хорового пения и пляски непосредственно в армии. Отсутствие обширных исследований по данному вопросу можно объяснить объективными факторами, такими как, например, сложность организации и проведения эмпирических исследований в условиях военного режима, требующих соблюдения строгой дисциплины и конфиденциальности, недостаточной разработанностью теоретико-методологической базы для изучения влияния коллективных художественных практик на психофизиологическое состояние военнослужащих. Более того, в Вооруженных силах Российской Федерации коллективное вокальное исполнение в формате хора не регламентировано нормативными актами, однако реализуется в рамках художественной самодеятельности и функционирования творческих ансамблей, как правило, при гарнизонных домах офицеров и клубах воинских формирований (Приказ Министра обороны РФ № 150 от 1993 года «Об утверждении Положения о культурно-досуговых учреждениях Вооруженных сил Российской Федерации»).

Однако, несмотря на ограниченность эмпирических данных, существуют косвенные свидетельства, подтверждающие потенциально положительное влияние хорового пения и пляски на людей. Хоровое пение и пляска, согласно

¹ Карапетян Е.А. Песенное творчество в годы гражданской войны // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 120. – С. 813–822.

исследованиям в этой области, способствуют формированию чувства ответственности при принятии решений, от которых зависит жизнь и здоровье товарищей, формированию чувства взаимной поддержки, позволяют ощутить себя частью единого целого, повышают готовность к совместным действиям, являются эффективным способом релаксации и снятия стресса, способствуют развитию физической выносливости и координации движений, синхронные движения, характерные для хорового пения и пляски, развивают координацию движений, необходимую для успешного выполнения боевых задач, являются важным элементом культурной жизни военнослужащих, способствующим сохранению и передаче народных традиций.

Эволюция российской военно-патриотической песни изучена фрагментарно. Прежние работы, ограниченные рамками диалектического материализма, не дают комплексного понимания феномена. Отсутствуют исследования влияния военно-патриотической песни на национальное самосознание и идентичность, что особенно актуально в контексте СВО. Недостаточная разработанность темы обосновывает необходимость данной диссертации, опирающейся на критический анализ существующих концепций.

Объект исследования: феномен российской военно-патриотической песни.

Предмет: эволюция форм выражения духовно-нравственного ценностного содержания в российской военно-патриотической песне.

Цель диссертации: философско-культурологический анализ развития нравственных ценностей российской военно-патриотической песни.

Задачи исследования:

- 1) выявить и проанализировать философские и историко-культурологические основания исследований российской военно-патриотической песни;
- 2) определить аксиологические и духовно-нравственные принципы российской военно-патриотической песни;
- 3) эксплицировать этику и аксиологию военной песни России в эпоху Романовых;

4) рассмотреть нравственные ценности советской военно-патриотической песни как продолжения духовной самобытности России и ее субстанциальной нравственности – «народного духа»;

5) определить этико-аксиологические особенности современной российской военно-патриотической песни.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляет культурно-цивилизационный подход, рассматривающий войну как естественное субстанциальное состояние социумов в процессе их воспроизводства и социальной конкуренции, как метод насильственного разрешения антагонистических противоречий в цивилизационном процессе. Важнейшим методом рассмотрения темы является мировоззренческо-идеологический анализ, с особым акцентом на ценности российского социума и участников конфликта.

В нашем исследовании в качестве основных использованы культурно-типологический метод, включающий в себя исследование и типологию социальных объектов и социальных процессов; семиотический (социально-семиотический), рассматривающий социальные и культурные образования и процессы как знаки и знаковые системы; герменевтический метод позволил «расшифровать» скрытый (межстрочный) смысл фронтовой солдатской песни, осмыслить народную мудрость фольклора, приобщиться к истокам национальных культур, особенностям уникальных цивилизаций.

Изучение ценностной динамики военно-патриотических песенных произведений осуществляется в рамках общего культурно-философского дискурса, что даёт возможность обобщать и упорядочивать разнородные философские концепции ценностей применительно к военно-патриотической песне на основе философской компаративистики. С учётом специфики исследования применяются методологические инструменты различных дисциплин: философии, культурологии, истории и социологии, что обеспечивает комплексный и многоаспектный подход к объекту изучения.

Основополагающим фундаментом для исследования российской военно-патриотической песни послужили труды русских писателей, философов XIX в.,

заложившие концептуальные основания для осмысления национальной идеи и героического эпоса. Как отмечал В.Г. Белинский: «Вся наша народная поэзия есть живое свидетельство бесконечной силы духа»². Осмысля феномен культуры, они исходили из принципиального разграничения «цивилизации» и «культуры», где первая понималась как внешнее, инструментальное начало, а вторая – как духовное, нравственное и религиозное содержание народной жизни. Эта парадигма, заложенная славянофилами (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), была развита и радикализирована Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым и А.П. Чеховым, каждый из которых предложил собственную аксиологическую модель.

В XIX в. русская литературная философия сформировала особый дискурс, в котором эстетика и этика тесно переплетены. Культурное действие рассматривается как одновременно личный нравственный подвиг и религиозное служение. В противовес западной секулярной традиции русские авторы неизменно связывают культуру с понятием спасения, будь то индивидуальное или национальное.

Парадигма ростовской философской школы: Ю.А. Жданов, А.В. Потёмкин, М.К. Петров, В.Е. Давидович, Е.Я. Режабека, Г.П. Матяш, Г.В. Драч и др. – является ядром теоретико-методологического базиса диссертационного исследования. Философы этой школы предлагают комплексный и многоаспектный подход к изучению музыки и песни, раскрывая их онтологическое, феноменологическое, культурное и этическое значения. В.Е. Давидович и Ю.А. Жданов рассматривали искусство, как идеальную реконструкцию бытия, воплощаемого в предметных формах, в котором «мир природы и социальности в искусстве представлен в человеческом видении не как отлитая в металле или бронзе прециозно точная форма предметов, а как целостный «образ» действительности. Мир искусства “очеловечен”»³. В.Е. Давидович анализировал

² Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии. – [Б.и.], 1841. – 104 с. [Электронный ресурс] / URL: <https://rucont.ru/efd/2279> (дата обращения: 20.05.2026).

³ Давидович В. Е. В зеркале философии. Ростов-на/Д.: изд-во «Феникс», 1997. – 448 с. – С. 125, 126.

художественные произведения, воплощающие мировоззренческую парадигму всего человеческого рода. Согласно его позиции, в подлинно значимых творениях искусства репрезентация человечества достигается через изображение отдельной личности. Данный феномен, как отмечал философ, относится к сфере культуры⁴. В этот момент фиксируется сдвиг, который он описывает: переход от биологической и зоологической природы к форме, которая ознаменовала начало антропогенеза. При этом естественные побудители жизни заменяются социальными конфликтами.

Анализ военно-патриотической песни через концепцию К.Г. Юнга позволяет исследовать коллективное бессознательное, архетипы и их влияние на ценности авторов. Такой подход помогает глубже понять роль песни в формировании культурной идентичности личности.

Работы русских мыслителей М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева и др. приверженцев идеи о духовности, помогли в определении сущности и роли военно-патриотической песни. Каждый из них указывал на важность культуры и искусства в развитии моральных принципов, системы ценностей и духовного мира человека.

На ход данного исследования оказали влияние работы Ю.А. Кремлева, М.С. Друскина, Б.В. Асафьева, Н.А. Колесниковой и К.С. Чупракова, анализирующие влияние песни на духовное состояние военнослужащих, как инструмента эмоционального воздействия на человека и фактор, формирующий эстетические ценности. Авторы В.А. Матвеев, В.П. Матвейчук и Т.К. Маякин анализируют значение музыки для поддержания боевого духа солдат и укрепления дисциплины в войсках.

Изучение нормативно-правовых документов, регулирующих культурную деятельность Вооруженных сил РФ и военно-патриотическое воспитание, а также собранные эмпирические данные из сети Интернет, СМИ позволили выявить динамику и тенденции роль военной песни на эмоциональное состояние солдат, укрепление их морального духа.

⁴ Там же. – С. 229, 230.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

1. Определены философские и историко-культурологические парадигмальные принципы исследования феномена российской военно-патриотической песни в рамках классической философско-культурологической концепции абсолютного духа и эстетики Г.В.Ф. Гегеля, ее рецепции в европейской и русской философских традициях второй половины XIX–XX вв.; определена диалектика духовного содержания российской военно-патриотической песни в контексте культурно-исторической самобытности России.

2. Эксплицированы и концептуализированы аксиологические, этические и культурно-цивилизационные основания российской традиции военно-патриотической песни, выявлена диалектика взаимодействия принципов российской военно-патриотической песни и духовно-исторической самобытности России.

3. Установлена диалектическая необходимость трех ключевых этапов истории эстетического и культурологического развития российской военно-патриотической песни, началом которого выступает культура военной песни в эпоху Романовых.

4. Концептуализировано духовно-историческое, аксиологическое содержание советской военно-патриотической песни как необходимого этапа развития духовной самобытности России.

5. Выявлены художественно-аксиологические и культурно-цивилизационные основания военно-патриотической песни современной России в контексте специальной военной операции.

Положения, выносимые на защиту:

1. В качестве необходимого научного основания понимания российской военно-патриотической песни России выступает философско-культурологическое познание и гегелевская парадигма диалектики абсолютного духа, в которой песенное искусство является важнейшим моментом духовно-нравственной субстанциальности народа (военная песня как нравственно-аксиологическое выражение духа народа). Согласно гегелевской эстетической концепции, песня

выступает как «истинно мелодичное пение души» и представляет собой высшую форму поэтического искусства, в которой происходит диалектическое объединение слова (идеи) и музыки (чувства). Она является необходимым диалектическим синтезом двух иных романтических видов искусства – живописи и музыки, что делает её высшим проявлением художественного выражения народного духа.

2. Военно-патриотическая песня представляет собой фундаментальный механизм репрезентации национального самосознания и ценностно-мировоззренческой парадигмы. Данный жанр выступает в качестве конститутивного элемента аксиологического фундамента общества, фиксируя и ретранслируя базовые (традиционные) ориентиры, а также формируя и воспроизводя в социальной среде устойчивые модели когнитивной деятельности, выступающие как гносеологические принципы постижения бытия и человеческой природы. Указанный потенциал заложен в самой структуре жанра, основанной на этико-аксиологических принципах, которые детерминируют его содержательное наполнение, формальную организацию и характер воздействия на адресата. Военно-патриотическая песня выполняет роль медиатора между индивидуальным и коллективным опытом, воплощая в себе нормативные установки, санкционированные обществом.

3. Диалектика основных этапов и парадигм эволюции традиции военно-патриотической песни России показывает необходимость трех ключевых способов понимания ее духовной сущности: интуитивного, рефлексивного (рассудочно-аналитического), диалектического (интегрально-системного, разумного).

В рамках этих трех этапов развития традиции российской военно-патриотической песни были заложены общие теоретические и методологические основания изучения проблематики российской духовно-цивилизационной самобытности. Первый – интуитивный этап связан с эпохой романовской Российской империи. Эта эпоха заложила базовые интеллектуальные и этико-аксиологические принципы модели российской военно-патриотической песни. Второй этап – эпоха советской военно-патриотической песни, в рамках которого была произведена необходимая дифференциация российской военно-

патриотической песни на два общих направления: мировое и национальное. За счет этой рассудочной дифференциации советская модель, несмотря на все издержки гнета марксистско-ленинской коммунистической идеологии, достигла выдающихся успехов в мировом военно-песенном масштабе. Третий этап начался с постсоветского периода и связан с формированием всеобщей, разумной модели российской военно-патриотической песни, которая должна органично объединить необходимые моменты двух предыдущих парадигм – интуитивной («романовской», «имперской») и рефлексивной – советской.

4. Искусство, особенно музыка и песня, на протяжении всей истории, от античности до современных конфликтов, играло и продолжает играть ключевую роль в формировании патриотизма, гражданственности, укреплении морального духа и национального единства, а также в осмыслении и выражении переживаний людей в условиях войны и социальных перемен.

Музыкальное и песенное творчество на протяжении всей истории СССР выступало не просто сопутствующим элементом, а ключевым механизмом психологической регуляции, социальной консолидации и формирования идентичности в условиях военных конфликтов. Во время Великой Отечественной войны и Афганской кампании (1979–1989) искусство позволяло солдатам перерабатывать травматический опыт в коллективно значимые символы.

Изучение песен времен Великой Отечественной войны и «афганского» фольклора, основанное на эмпирических данных, показывает, что самодеятельное творчество воинов отличается от профессионального. Ключевым отличительным признаком творческой деятельности воинов-«афганцев» является её некоммерческая направленность⁵. Творчество воинов-«афганцев» явилось невероятным всплеском культурной энергии, превосходивший по своим масштабам достижения периода Великой Отечественной войны. Это было обусловлено продолжительностью конфликта, нахождением в инокультурной среде и отсутствием ясной идеологической цели этого конфликта.

⁵ Брейтвейт Р. Афган: русские на войне / пер. с англ. А. Ширикова. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 496 с. – С. 237, 238.

Исследование творчества военнослужащих времен Великой Отечественной войны и афганской кампании выявил некоторые различия: искусство в период 1941–1945 гг., выполняя мобилизационную и идеологическую функцию, стремилось к консолидации общества, утверждению победы, а в Афганистане оно носило характер альтернативного осмысления действительности.

Анализ песен воинов-«афганцев» способствует объективному пониманию социального контекста войны и ее последствий для общества.

5. Анализ эволюции военно-патриотической песни после 1991 г. выявил духовную самобытность аксиологических оснований, заложенных в военно-патриотических песнях постсоветской России, в условиях трансформации национальной идентичности и ценностных ориентиров.

Несмотря на произошедшие перемены в государственном устройстве после 1985 г. и 1991 г., армия сохранила боеготовность и верность нравственным идеалам защитников Родины. Исполнение приказов оставалось неоспоримым императивом, а служение Отечеству – фундаментальной аксиомой воинского долга.

Анализ материалов выявил два аспекта, повлиявших на сохранение порядка в армии после распада СССР и на протяжении двух военных кампаний в Чечне: способность военного руководства сохранить вертикаль власти и не допустить хаоса; проявление коллективного бессознательного через влияние архетипов, закреплённых в культурном коде нации. Во втором случае подсознательная мотивация военнослужащих, воспитанных на героическом прошлом истории страны, литературном наследии, укорененных в генетическом коде российского народа, позволила им сохранить не только боевую готовность, но и проявить стойкость и героизм, следуя неписаному кодексу чести русского солдата.

На современном этапе происходит движение военно-патриотической песни к синтезу ключевых моментов двух предшествующих этапов. От романовского этапа наследуется верность России, русской культуре, русскому воинству, выраженному в монархической форме; от советского этапа – верность государству, Родине, советскому народу, советскому строю. При этом происходит углубление романовских песенных опытов, наиболее полно воплощённых в песнях Первой

мировой войны. Третий этап, намеченный после 2014 г., знаменует борьбу России как государства-цивилизации, основанного на Русском мире. На этом этапе происходит объединение и развитие двух предшествующих традиций в новом историческом качестве.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы обусловлена ее актуальностью.

Во-первых, изучение художественных приемов, транслирующих идеи воинского и патриотического духа, расширяет горизонты философии культуры и культурологии. В работе анализируется воздействие песен на морально-волевые качества граждан, а также исследуются механизмы формирования таких ценностей, как героизм, самопожертвование и любовь к Отечеству.

Во-вторых, в данном исследовании акцент делается на понимание историко-культурного контекста формирования российской духовной идентичности. Развитие военно-патриотической песни на протяжении нескольких столетий – от народных былин и солдатского фольклора до песен советского и современного периода – дало возможность проследить изменения в ценностных установках и представлениях о национальной самобытности.

В-третьих, социально-политический потенциал диссертации способствует развитию гражданского сознания и патриотизма среди молодежи, что открывает перспективу ее применения в воспитательной и пропагандистской работе, направленной на укрепление национальных ценностей. В ходе исследования анализируются вопросы о применении песни для манипуляции общественным сознанием.

В-четвертых, данное исследование расширяет теоретические и методологические основы изучения военно-патриотической песни. Объединение историко-философских, эстетических и культурологических подходов анализа военно-патриотической песни явилось разработкой оригинальной методики, обладающей потенциалом для применения в исследовании других видов.

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, посвященных изучению духовной идентичности России, эстетики

военно-патриотической тематики и роли искусства в формировании национального самосознания. В частности, исследование может послужить отправной точкой для изучения влияния других видов искусства (литературы, кино, живописи) на формирование представлений о Родине и патриотизме.

Материалы и выводы диссертационного исследования обладают потенциалом для внедрения в образовательный процесс высших учебных заведений, в частности, при разработке и реализации учебных курсов по философии культуры, культурологии, политологии, социологии культуры и военно-патриотическому воспитанию молодежи. Разработанные концептуальные положения и методологические подходы могут быть интегрированы в программы повышения квалификации специалистов, занимающихся вопросами культурной политики, идеологической работы и военно-патриотического воспитания.

Достоверность полученных результатов исследования обусловлена опорой на апробированные теоретические концепции, использованием понятийно-категориального аппарата и методологии, соответствующих цели и задачам исследования, привлечением широкого круга источников, а также соблюдением принципов системности, научной объективности и историзма.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 16 статей, из которых 6 – в журналах из Перечня ВАК. Кроме того, выводы и положения диссертации представлены в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях: XI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, Кострома, КГУ, 23-24 апреля 2021 г.; Межвузовская научно-практической конференция «Идет война народная, Священная война!», посвященная 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, Краснодар, КВБАУЛ, 16-17 июня 2021 г.; Вторая международная научно-практическая конференция «У разрыва», Краснодар, КВВУ, 24 июня 2021 г.; Межвузовская научно-практическая конференции «Воздушный щит Отечества (к 110-летию военно-воздушных сил России)», Краснодар, КВБАУЛ, 28 апреля 2022 г.; Всероссийская научная

конференция «Первая мировая война в контексте конфликта цивилизаций», Краснодар, КГИК, 30 сентября 2024 г.; Международная научно-практическая конференция «Россия вчера, сегодня, завтра», посвященная Дню российской науки, Луганск, ЛГУ, 14 февраля 2024 г.; Всероссийская научно-практическая конференция «Творчество во имя Победы: культура и искусство в годы Великой Отечественной войны», Краснодар, КГИК, 25 апреля 2025 г.

Личный вклад автора диссертации заключается в самостоятельной разработке концепции исследования и постановке научной проблемы. Автором определены объект и предмет работы, проведен глубокий анализ фундаментальных и современных философско-культурологических источников. Итогом работы стали сформулированные положения, выносимые на защиту, которые отражают авторский подход к решению поставленных задач

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертационного исследования соответствуют научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки), в том числе следующим пунктам паспорта специальности: 18. Культурно-историческая память и культурное наследие; 68. Культурная идентичность и кризис культурной идентичности; 97. Идея культуры в русской религиозной философии; 122. Искусство Нового времени. Искусство России XVII – XIX веков; 125. Искусство СССР.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, состоящих из пяти параграфов, заключения и списка литературы, включающего 454 источника. Общий объем диссертации – 203 страницы.

ГЛАВА 1. РОССИЙСКАЯ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Философские и историко-культурологические основания исследований русской военно-патриотической песни

Философия культуры имеют особое значение для понимания сущности русской военно-патриотической песни, ее интеллектуальных и нравственных, этико-аксиологических оснований. Данная философская дисциплина сосредоточена на исследовании наиболее глубинных вопросов, касающихся природы культуры, её значимости в человеческом бытии и механизмов формирования мировосприятия. В отличие от исторической науки, преимущественно ориентированной на фиксацию событийной хроники, философия культуры проникает в сущностные принципы и концептуальные структуры, определяющие содержание духовного бытия народа, общества и государства, включая и основные механизмы его трансляции в обществе – систему университетского образования. Философия культуры стремится раскрыть всеобщие метафизические и эпистемологические основания, лежащие в основе культурных практик национально-государственной парадигмы военно-патриотической песни, как подчёркивал М.С. Каган⁶, исследуя культуру как системное целое.

Философия культуры занимается анализом того, каким образом всеобщие закономерности мирового развития проявляются в культурной сфере на наиболее фундаментальных уровнях её организации. Параллельно с этим она формулирует методологические принципы для построения теорий и изучения конкретных культурных явлений⁷. Она задает методологические рамки для изучения

⁶ Каган М.С. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб.: Издательство «Лань», 1998. – 448 с.

⁷ Бондаренко Л.Ф. Философия культуры как теоретико-методологическая область исследования культуры // Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 18 частях. – Тамбов. 2013. – С.24–25.

конкретных явлений, занимая «верхний» ярус в системе культурологического знания. Как отмечал В.М. Межуев⁸, функции этой дисциплины не ограничиваются абстрактным теоретизированием: философия культуры активно работает с сущностными характеристиками человеческого бытия.

В центре нашего исследования находится аксиология – философская дисциплина, изучающая природу ценностей. Как самостоятельное направление она оформилась на рубеже XIX–XX вв., поставив перед собой задачу разграничить «мир сущего» (факты) и «мир должного» (ценности). Основные подходы к пониманию ценностей представлены следующими школами:

1. Баденская школа неокантианства (Германия)

Данная школа по праву считается фундаментом аксиологии: её представители впервые выделили ценности в особую, автономную сферу реальности, несводимую к эмпирическому бытию. В. Виндельбанд ввёл сам термин «аксиология», определяя философию как учение о «всеобщих ценностях». Г. Риккерт, в свою очередь, разработал систематизированную теорию ценностей: согласно его концепции, ценности не «существуют» наподобие предметов и не «действуют» как физические силы, но «значат», образуя трансцендентный мир, который придаёт смысл и значимость культурному творчеству.

2. Феноменологическая аксиология

Представители этого направления утверждали, что ценности постигаются непосредственно – через эмоциональное переживание, или интуитивное «эмоциональное усмотрение». М. Шелер в работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» выстроил иерархию ценностей – от низших (приятное/неприятное) до высших (святое/несвятое), подчеркивая их объективность, независимую от субъективных предпочтений. Н. Гартман, развивая идеи Шелера, создал развёрнутую онтологию ценностей: он рассматривал их как идеальные сущности, которые требуют своей реализации в человеческой деятельности и творчестве.

3. Прагматизм (США)

⁸ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

В прагматической традиции ценности трактуются не как абстрактные идеалы, но как практические инструменты решения жизненных задач. Д. Дьюи считал ценности динамическим результатом процесса оценки, обусловленным социальным контекстом; ценность есть то, что способствует гармонизации человеческого опыта и адаптации личности к среде.

4. Экзистенциализм

Здесь акцент радикально смещается с объективных ценностей на субъективный выбор индивида. Ж.-П. Сартр утверждал: ценности не существуют до выбора. Человек сам творит их своими поступками, наделяя изначально лишенный ценностей мир смыслом и содержанием.

5. Русская философская традиция

Аксиология в России развивалась в неразрывной связи с этикой, религиозной метафизикой. В.С. Соловьёв рассматривал ценности через триаду «Истина, Добро и Красота», которые обретают свою полноту только в Боге. Н.А. Бердяев ставил свободу выше бытия, определяя ценности как творческие акты духа, преодолевающие «объективацию» мира – его отчуждённую, бездушную материальность. С.Л. Франк связывал высшую ценность со смыслом жизни, который открывается человеку в религиозном опыте.

Одной из базовых ценностей человеческой культуры является песня – фундаментальный элемент музыкальной культуры любого общества. По мнению Л.В. Малацай, именно она составляет основу отечественной музыкальной культуры⁹.

Особое место в песенном жанровом многообразии занимает военно-патриотическая песня. Несмотря на культурную значимость военно-патриотической песни, в современной науке до сих пор не выработано её общепринятого определения. В данной работе предпринята попытка восполнить этот пробел: автор формулирует смысл термина и систематизирует ключевые функции данного жанра.

⁹ Малацай Л. В. Гимн военно-патриотической песне: к юбилею Академического ансамбля песни и пляски Российской Армии имени А.В. Александрова // Образование и культурное пространство. – 2023. – № 3. – С. 79–88. – С. 80.

Определимся с некоторыми понятиями.

Военно-патриотическая песня – это уникальный жанр, выступающий инструментом формирования гражданской идентичности и национальной гордости. В философско-культурологическом контексте этот феномен представляет собой сложный смысловой конструкт, транслирующий фундаментальные ценности общества.

Ключевые характеристики жанра:

Тематическая широта. В центре внимания авторов находятся темы героизма, мужества, любви к Отечеству и сохранения исторической памяти о павших. Жанр обладает глубокой преемственностью: он охватывает как фольклорные традиции древних славян, так и современные произведения, посвященные участникам СВО.

Авторская специфика. Характерной чертой жанра является то, что авторами и исполнителями зачастую выступают сами участники боевых действий, что придает песням особую документальную достоверность и эмоциональную глубину.

Эмоциональный потенциал: песня воздействует на коллективное сознание, вызывая широкий спектр чувств – от воодушевления до глубокой скорби, тем самым формируя единое эмоциональное поле.

Функциональные признаки военно-патриотической песни описывают её роль и влияние в обществе, культуре и сознании человека. Основные из них:

Мобилизующая функция: песня способна объединять людей, поднимать боевой дух и мотивировать на действия в условиях кризиса или конфликта. Она создает чувство общности и готовности к защите.

Коммуникативная (смысловая) функция: песня передает исторические знания, культурные коды и ценности от поколения к поколению. Это живой архив народных эмоций и памяти о ключевых событиях.

Идентификационная функция: через прослушивание таких произведений человек укрепляет свою связь с национальной группой, чувствует себя частью большего целого «мы». Это формирует гражданскую и этническую принадлежность.

Регулятивная (воспитательная) функция: песни воздействуют на морально-этические установки слушателя, прививая такие качества, как патриотизм, долг, жертвенность, честь и товарищество. Согласно теории культурной памяти Я. Ассмана, подобные песенные формы выступают «фигурами воспоминания»¹⁰, цементирующими групповую идентичность через повторяемые ритуалы исполнения.

Компенсаторно-терапевтическая функция: в период послевоенной скорби или тяжелых испытаний песня помогает пережить утрату, выразить горе через коллективное сопереживание и найти душевное равновесие. Терапевтическая функция была исследована Дж. Александером в работе «Культурная травма и коллективная идентичность». Он рассматривал песню как инструмент «культурного кодирования» последствий войны¹¹.

Эстетико-эмоциональная функция: воздействие достигается через текст, музыкальное звучание, ритм и мелодию, которые напрямую обращаются к чувствам слушателям, вызывая сильный эмоциональный отклик.

Военно-патриотическая песня выходит за рамки музыкального творчества, становясь важной частью духовного наследия и инструментом сохранения национальной идентичности.

Военно-патриотическая песня, с точки зрения философии культуры, представляет собой форму коллективной репрезентации национальной идентичности, функционирующую на пересечении эстетического переживания и идеологического конструирования. В случае военно-патриотической песни этот инструмент направлен на создание эмоционально заряженного образа общности, где индивидуальное подчиняется коллективному, а историческое прошлое актуализируется в настоящем.

Философская антропология, основоположником которой был М. Шелер¹²,

¹⁰ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с. – С. 39.

¹¹ Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность / Д. Александер, Д.Ю. Куракин // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5-40. – С. 19.

¹² Шелер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Пер. Денежкина А.В., Малинкина А.Н., Филлипова А.Ф.; Под ред. Денежкина А. В. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 490 с.

впоследствии ее развивал С.Л. Франк¹³, интерпретирует военно-патриотические песни в качестве репрезентации иерархии ценностей, где высшие позиции занимают патриотизм и готовность к самопожертвованию. В этом случае песня выходит за рамки простого отражения исторических фактов, становясь инструментом передачи глубоких метафизических смыслов. Смерть за Родину интерпретируется как трансформация бытия.

При этом стоит упомянуть Т. Адорно, который предостерегал от возможности тиражирования музыки. Тиражирование значительно расширило аудиторию, однако этот количественный рост не привел к качественному развитию. Выступая против сведения музыки к статистике, ученый противопоставляет себя современной ему социологии: для него важна не популярность произведения, а дистанция между автономией искусства и обществом. Адорно подчеркивал: «Автономная музыка, как и все современное искусство, социальна прежде всего благодаря тому, что отстоит от общества»¹⁴. Эту дистанцию необходимо изучать, а не подменять иллюзией «ложной близости» или «непосредственности». По мнению философа, культурная индустрия обладает разрушительной силой, способствующей деградации как музыкальных вкусов, так и человеческой субъективности.

В этой оптике стандартизация музыки – не просто побочный продукт индустрии, а инструмент принудительной интеграции индивида в систему господства. «Легкость» восприятия, культивируемая индустрией, становится формой идеологического насилия: она лишает слушателя способности к рефлексии, подменяя подлинный эстетический опыт автоматизированным узнаванием привычных паттернов. В результате музыка превращается в «социальный клей», который не объединяет людей в свободное сообщество, а, напротив, атомизирует их, предлагая суррогат эмоциональной разрядки взамен критического осознания собственной несвободы.

Для Адорно подлинное искусство – это «негативный» объект, который своим

¹³ Франк С.Л. Смысл жизни. – М.: АСТ, 2004. – 157 с.

¹⁴ Адорно Т. Избранное: Социология музыки. – М.; СПб: Университетская книга, 1999. – 300 с. – С. 179

строением сопротивляется потреблению. В то время как массовая музыка стремится к прозрачности и комфорту, автономное произведение сохраняет свою «трудность» и герметичность, бросая вызов тотальности рынка. Отказ от этой дистанции ради «демократизации» искусства оборачивается триумфом товарной формы: музыка утрачивает субъектность и превращается в фоновое сопровождение повседневной рутины. В конечном счете, именно в упорном нежелании музыки быть «понятной» и «доступной» кроется ее единственная возможность сохранить человеческое достоинство перед лицом тотальной административной рациональности.

В российской философско-культурологической традиции, когда речь идет об изучении духовных явлений, таких как российская военно-патриотическая песня, особое значение имеет применение диалектической методологии, которая берет за основу гегелевское понимание. Как известно, философия духа Г.В.Ф. Гегеля явилась чрезвычайно важной и ценной для философско-исторического самосознания России еще в середины XIX в.

Гегелевское осмысление духа принципиально выходит за пределы любой абстрактной идеи. Дух у Гегеля – не умозрительная схема, не логическая конструкция, замкнутая в себе, а живая субстанциальная основа, обретающая подлинное бытие исключительно через рефлексивное самопознание¹⁵. Этот процесс двунаправлен: дух одновременно устремляется во внешний мир и возвращается в собственную глубину, обогащая себя через встречу с инобытием. Сознание, по Гегелю, не фиксирует наличное в пассивном созерцании, но непрестанно возвращается к себе самому, выстраивая фундамент нравственного порядка, который живёт не в отдельном индивиде, а в целостности народной жизни – в её укладе, обычаях и исторически сложившихся способах совместного бытия. Нравственность в этом контексте ни в коей мере не сводится к морализаторству или системе предписаний: это широкое культурное пространство, где обычаи, традиции и сама ткань народного существования становятся предметным воплощением духа. Именно потому дух в своей конкретности выступает как всеобщее начало, явленное

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – 495 с. – С. 233.

в коллективных формах бытия, – причём это всеобщее не растворяет и не подавляет личность, а, напротив, высвечивает её неповторимость, которая только в связи с родовой сущностью и обретает своё подлинное измерение.

Понять дух во всей его полноте невозможно, изучая лишь одну из его манифестаций. Искусство, религия, философия, наука, образование и нравственные нормы не изолированные сферы культурной деятельности, это живые, взаимопроникающие выражения единого всеобщего духа. Они пронизывают политику, хозяйство, конфессиональную жизнь и повседневность¹⁶, образуя многослойную среду, в которой дух постепенно осознаёт собственную глубину и своё место в универсуме. Ни одна из этих сфер не является более «духовной», чем другие: каждая представляет собой особый момент самораскрытия духа. Именно поэтому философия культуры не вправе ограничиваться изучением какой-либо одной стороны общественной жизни. Её задача – синтезировать всё многообразие форм, чтобы постичь духовное бытие народов в его исторической полноте и диалектической связности. Только через такой синтез возможно увидеть, как частные культурные явления соотносятся с универсальным движением духа.

В гегелевской системе объективный дух выступает не как статичная категория, а как нравственная реальность, способная к рекурсивному самопознанию. Движение духа осуществляется от непосредственной субстанции народной жизни к рефлексивно осознанной нравственности, прошедшей через стадию отчуждения. Данный процесс разворачивается в историческом времени и передается через образовательные практики, где индивидуальное сознание последовательно включается в коллективный опыт поколений. Диалектический метод выявляет единство всеобщего и особенного, показывая, как абстрактные определения сохраняются в преобразованном виде внутри конкретной единичности. Полная значимость каждого момента раскрывается лишь в целостной структуре, где тождество и различие взаимно пронизывают друг друга.

Самосознание функционирует в трёх модусах: абстрактной всеобщности,

¹⁶ Румянцева Т.Г. Философия Г. Гегеля: от «феноменологии духа» к «Энциклопедии философских наук». – Минск: БГУ, 2014. – 175 с. – С. 95.

обособленной особенности и конкретной единичности. Каждый модус обладает самостоятельным онтологическим статусом. Однако реализация самосознания в чистой универсальности невозможна. Абстрактная всеобщность, понимаемая в гегельянском ключе, остаётся бессознательной формой существования, в которой субъект ощущает собственное бытие без способности дифференцировать его от иного. Преодоление этой ограниченности требует перехода к опосредованным формам культуры.

В феноменологии духа песенная традиция рассматривается как исторически развёрнутый процесс движения национального самосознания от первичных интуиций к рациональному пониманию и всеобщей разумности. Национальное духовное творчество выражает живую душу народа, формируя культуру как органическое единство мысли, воли и чувства. Данные элементы неразрывны: мысль без воли теряет практическую силу, воля без чувства направляется вслепую, чувство без мысли остаётся стихийным импульсом. Именно в синтезе этих начал реализуется эстетическая функция песни.

Историческое познание, стремящееся к подлинному пониманию фактов, неизбежно переходит к универсализации выявления всеобщих закономерностей в рамках единичных явлений. В период ускоренных социокультурных изменений этот переход становится императивом, требующим применения философского аппарата вместо исключительно эмпирического описания. Применение этой парадигмы к анализу патриотического песенного канона позволяет обнаружить глубинные структурные связи между поколениями и идеологическими установками.

Движение духа в национальной традиции обусловлено мышлением и его материальной оболочкой – языком. Концепт представляет собой базовую единицу когнитивной деятельности, в которой кристаллизуется смысловой опыт исторического развития народа. Язык функционирует не как нейтральная коммуникативная среда, а как специфическая концептуальная система, формирующая горизонт восприятия. Слово сохраняет исторические смыслы, действующие вне рамок повседневного осознания. Российский культурный архетип базируется на православно-христианской духовной идентичности, которая

выполняет функцию нравственной основы государства и проникает во все уровни народного поэтического творчества, включая военно-патриотическую песню.

«Русская вера», отождествляемая с православием, несёт в себе особую двойственность, которую народ принял как живое единство, не как противоречие. Выбор Византийской веры – в ситуации, когда культурное превосходство Константинополя сочеталось с духовной силой и евангельской кротостью его традиции, – ставил перед крестителем Руси святым Владимиром две нераздельные цели¹⁷. Первая: сохранение мира и народной идентичности при одновременном включении Руси в горизонт мировой истории. Вторая: обретение истинной веры, соответствующей национальному духу, его глубинному влечению к внутреннему преображению и жажде святости. Христианство на Руси изначально предполагало встречу и напряжение греческого «Я» с родовым «мы» восточнославянских общин, однако в ходе столетий это взаимодействие переродилось в нечто органически самостоятельное – то, что можно назвать «русской верой», – которая в какой-то мере даже потеснила первоначальное византийское начало своим неповторимым духом. Именно уникальность этого «русского духа» и его культурно-философская основа стали главной причиной, по которой Запад возводил преграды его проникновению на собственную территорию. постижение этой самобытности требует не изучения внешних символов – иконографии, обрядности, фольклорных мотивов, – а глубокого погружения в диалектику всеобщего духа, способного видеть в особенном проявление универсального. Русский дух хранил свои ценности и транслировал их в иные культурные среды, гибко адаптируясь к другим религиозным традициям в пределах цивилизационных границ – о чём красноречиво свидетельствует гармоничное сосуществование разных верований на Алтае, в Татарстане и Башкирии.

Гегель полагал, что, несмотря на то что Россия ещё не вполне выразила себя в мировом историческом движении духа, её час непременно настанет – и тогда она

¹⁷ Устименко А.Л. Проблема двоеверия и идея тройственности «русской веры» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1(51). Ч. 1. – С. 194–198.

займёт достойное место среди народов, вносящих вклад в самопознание духа¹⁸. Бердяев, развивая эту мысль, подчёркивал: православие сформировало русскую ментальность настолько глубоко, что понятие «русской веры» оказывается несравненно шире любой вероисповедальной доктрины – оно охватывает культурно-исторические, экзистенциальные и нравственные измерения. По убеждению Бердяева, русский человек призван к созданию всеобъемлющего, живого христианского мира – не как теократической системы, но как реального духовного братства, – однако для осуществления этой миссии необходимо, прежде всего, сохранить и углубить национальную идентичность, не растворившись ни в западном рационализме, ни в безликом космополитизме¹⁹. Поэтому изучение уникальности России не может быть сведено к анализу отдельных явлений – оно должно сосредотачиваться на взаимодействии универсального духа и конкретной философии культуры, которая только в этом взаимодействии обретает своё подлинное значение²⁰.

Российская самобытность (самобытность – это природность, укорененность в культуре, постоянство существенного в человеке²¹) определяется не только внутренними силами, но и постоянным диалогом – нередко напряжённым – с Востоком и Западом. П.Я. Чаадаев, первый из русских мыслителей поставивший этот вопрос с остротой и ясностью, утверждал, что Россия обязана сочетать живое воображение Востока с дисциплинированным разумом Запада – только так она способна выполнить своё историческое предназначение²². Этот тезис вызвал острую дискуссию между западниками и славянофилами, при этом каждая сторона по-своему верно уловила реальную грань истины. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский ратовали за самобытный путь России и заложили основы философии, органически соединившей достижения европейской науки с глубинными структурами русской

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – СПб., Наука, 2000. – 477 с. – С. 368.

¹⁹ Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. – М. Мысль. 2002. – 446 с. – С. 242.

²⁰ Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М.: Изд-во МГУ 1990. – 240 с. – С. 45.

²¹ Самобытность. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург. В.С. Безрукова. 2000. [Электронный ресурс] / URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37412 (дата обращения: 04.08.2025).

²² Чаадаев П.Я. Философические письма. Статьи и письма. – М.: Юрайт, 2019. – 268 с. – С. 139.

ментальности²³. Славянофильская философия стала фундаментом национального самосознания, призванного сплотить общество вокруг всеобщего идеала: совершенного устройства жизни через нравственное и религиозное преображение. Это движение к идеалу, по мысли славянофилов, составляет подлинный смысл жизни – отдельного человека, народа и всего человечества. Особенным вкладом этого направления стало понятие соборности – уникальной русской формы единства, неразрывно связанной со свободой: соборность означает не принудительное слияние, но гармоничное сочетание личного и общего, где личность не растворяется в коллективе, но обретает в нём условие своей подлинной полноты²⁴.

Русская философия в своей совокупности представляет собой уникальное и вместе с тем универсально значимое духовное явление²⁵. Её предназначение – интегративная миссия: соединять отечественную духовную традицию с мировой философской культурой, не теряя при этом собственного лица.

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский²⁶ справедливо определял Россию как переходную страну, существующую на стыке цивилизационных миров, а философы-евразийцы – о параллельном развитии двух историй – европейской и азиатской, – которые в России сталкиваются и переплетаются, не сливаясь окончательно. Н.А. Бердяев объединил эти разнородные взгляды в единую картину, отметив, что Россия воплощает совмещение противоположностей и «прерывистость» истории – её способность к неожиданным разрывам и столь же неожиданным возобновлениям.

Уникальность России как самобытной цивилизации на протяжении веков проявлялась через диалектическое взаимодействие с западным миром, подчиняясь закону отрицания отрицания. Согласно концепции Н.Я. Данилевского²⁷, развитие культурно-исторических типов происходит через внутренние конфликты. В российском контексте каждый этап отторжения западных стандартов приводил к

²³ Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – 439 с. – С. 123.

²⁴ Широкова М.А. Философские основания культурно-исторической концепции ранних славянофилов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Широкова Марина Алексеевна. – Барнаул. 2013. – 45 с.

²⁵ Там же. – С. 3–20.

²⁶ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.

²⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

формированию уникального синтеза: петровская европеизация сменилась славянофильским неприятием чуждых духовных основ, а позже евразийство попыталось преодолеть этот дуализм. Гегелевская диалектика здесь трансформируется в историческую практику: отвергая Запад, Россия каждый раз обретала более глубокое понимание собственной идентичности. Оставаясь «иным» для Европы, страна не копировала чужие модели, а интегрировала их, сохраняя свою целостность. Выполняя функцию «восточного антипода» в рамках христианской цивилизации, Россия создавала необходимое напряжение, без которого европейская культура могла бы утратить динамику развития. В конечном счете, этот исторический диалог, полный противоречий, подводит человечество к идеалу всемирно-правового порядка, предсказанному классиками немецкой философии: И. Кант, И. Фихте и Ф. Шеллинг²⁸.

Этот исторический переход продолжается и сегодня: «снятие» отрицательности русского духа остается незавершенным процессом. Современные конфликты России с Западом – вокруг Украины, Крыма, Донбасса и санкций – не просто политические разногласия, а симптомы неразрешенного диалектического напряжения. Это столкновение Особенного (России с её цивилизационной самобытностью) и претендующего на роль Всеобщего (Западного мира с его универсализмом). Россия стремится воплотить всеобщее через уникальный «русский дух», однако неразрешенность этого противоречия тормозит не только её собственное развитие, но и движение Европы к подлинно свободному бытию. Истинная цель заключается не в победе одной стороны, а в синтезе, где противоположности не уничтожают, а взаимно возвышают друг друга.

Гегелевская диалектика позволяет понять военно-патриотическую песню как конкретное проявление «объективного духа», где абстрактные категории долга, чести и жертвенности обретают чувственно-эстетическую форму музыкально-поэтического произведения. В этом движении от абстрактного к конкретному

²⁸ Бойко П.Е. Идея российской государственности и глобальный кризис современности: философско-исторический анализ / П.Е. Бойко, И.В. Хвощевская // Будущее России: историко-культурные и духовно-нравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 26 мая 2023 года / Редколлегия: Н.Г. Денисов, К.М. Мартиросян, Е.С. Шавлохова. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2023. – С. 136–142.

песня выступает не просто иллюстрацией идеологических установок, но моментом самопознания духа, когда народ осознаёт свою нравственную сущность через коллективное эстетическое переживание. Как отмечал Гегель в «Лекциях по эстетике», музыка способна выражать «внутреннюю жизнь души»²⁹, что позволяет песне транслировать не только рациональные идеи, но и глубинные эмоционально-волевые установки, формирующие национальный характер. В этом контексте российская военно-патриотическая песня реализует гегелевскую триаду: тезис единства народа перед угрозой, антитезис жертвенного подвига и синтез в образе торжествующего духа, утверждающего себя через историческое событие.

Современные философско-культурологические исследования подтверждают, что военно-патриотическая песня выполняет функцию «культурного кода», описанного Ю.М. Лотманом в семиотике культуры. По Лотману, культура представляет собой «иерархически организованную систему кодов», где музыкально-поэтические тексты служат механизмами перекодирования и хранения коллективной памяти³⁰. Военно-патриотическая песня в этой парадигме является «вторичной моделирующей системой», которая накладывает на первичный язык повседневности идеологически и ценностно нагруженные структуры. Ритмическая организация марша, повторяемость припева, использование императивных глагольных форм – всё это создаёт «формулу» патриотического сознания, воспроизводимую в акте исполнения и слушания. Лотман подчёркивал, что ритуализированные формы культуры, к которым относится коллективное пение, обеспечивают «взрыв» семиотических систем, переводя привычные знаки в разряд сакральных³¹.

Философская антропология П.А. Флоренского позволяет углубить понимание онтологического статуса военно-патриотической песни. Для Флоренского культура есть «среда, растящая и питающая личность»³², а искусство является «преобразованием действительности» через символ³³. Песня, соединяя

²⁹ Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х томах. Т. 3 / Под ред. и с предисл. М. Лифшица. – М.: Искусство, 1971. – 620 с. – С. 180.

³⁰ Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с. – С. 400.

³¹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.

³² Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 446 с. – С. 346.

³³ Там же. – С. 120.

слово, музыку и ритм, создаёт символический образ Родины как «органического целого», где индивидуальное «я» включается в «мы» национального бытия. Процесс обретает черты флоренского «культа», поскольку военно-патриотическая песня начинает выполнять функции квазилитургического действия. Они объединяют участников в коллективном действии, которое по силе эмоционального воздействия и смысловой насыщенности напоминает религиозный ритуал. В песнях, посвященных павшим героям, смерть приобретает иной смысл: она не просто биологический конец, а акт самопожертвования, встраивающийся в метафизическую реальность. Это перекликается с христианским понятием «положить душу за други своя».

Философия культуры уделяет особое внимание проблеме «культурной травмы» и поиску путей её преодоления посредством эстетического выражения. Дж. Александер считает, что травматическое событие не имеет объективной реальности, а формируется с помощью культурных нарративов³⁴. Военно-патриотические песни играют важную роль в этом процессе: они преобразуют хаотичный опыт войны в упорядоченную структуру, придавая страданиям смысл через включение их в героическую историю. В послевоенный период в России песни, посвященные Великой Отечественной войне, претерпели значительную эволюцию. Они трансформировались из документальных свидетельств в нарративы о Победе, обладающие мифологической силой. Эти нарративы оказали существенное влияние на конструирование национальной идентичности в последующие десятилетия.

Следует отметить трансформацию военно-патриотической песни под влиянием современной цифровой культуры. В отличие от традиционной гегелевской модели, где дух находил выражение в государственных структурах и образовательной системе, современная песня функционирует в медиапространствах. Она подвергается постоянному переосмыслению, ремиксу и интеграции в новые смысловые рамки. По мнению М. Кастельса, цифровизация способствует гибкости и открытости культурных кодов, делая их доступными для

³⁴ См. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность.

переосмысления³⁵. В сети Интернет военно-патриотические песни претерпевают трансформацию: наряду с традиционными композициями появляются каверы, рэп-версии и видеоклипы, что в свою очередь влияет на восприятие этих песен. Несмотря на трансформации, остаются неизменными ключевые ценности: Родина, долг, самопожертвование, Победа и подобные им. Философия культуры помогает понять эту эволюцию не как упадок, а как диалектическое развитие – переход от жесткой государственной структуры к гибкой сети, где народ продолжает осваивать себя с помощью новых медиа, при этом сохраняя свою суть и основные принципы.

Важно подчеркнуть, что каждый элемент существования Российской Федерации неразрывно соединён с диалектикой абсолютного разума, которая проявляется в переходе от единичного к особенному, а затем от особенного ко всеобщему. Именно эта всеобщая диалектика и выступает, на наш взгляд, необходимым философско-культурологическим принципом разумного, т.е. системно-интегрального понимания феномена российской военно-патриотической песни, ее духовно-исторических предпосылок, эстетических и этико-аксиологических принципов.

Выводы параграфа 1.1.

Таким образом, в данном параграфе обоснован переход от узкоспециальных (фольклористических и музыковедческих) методов исследования к философско-культурологическому анализу жанра. В рамках гегелевской концепции объективный дух рассматривается как самопознающая нравственная реальность, а становление национального самосознания – как диалектический процесс, включающий стадии отчуждения и рефлексии.

Выявлен механизм культурной диалектики: напряжение между традицией и историческим вызовом не уничтожает компоненты, а порождает их синтез на качественно новом уровне. Это позволяет объяснить эволюцию тематики и поэтики

³⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – С. 492.

песни, сохраняя при этом смысловую преемственность сквозь эпохи.

Сформулированы три модуса самосознания: абстрактная всеобщность, обособленная особенность и конкретная единичность. Доказано, что духовный потенциал жанра раскрывается лишь при переходе от бессознательного ощущения к синтезу мысли, воли и чувства, где каждый элемент сохраняется в преобразованном виде.

Определена роль языка как когнитивной базы национального архетипа. Язык рассматривается не как нейтральный инструмент, а как живая среда, аккумулирующая исторический опыт. В российском контексте фундаментом самосознания выступает православно-христианская идентичность, пронизывающая музыкально-поэтические тексты на глубинном уровне.

Обоснована необходимость философской универсализации эмпирических данных. В условиях быстрых социокультурных трансформаций описательная историография уступает место объяснительной культурологии, ориентированной на выявление всеобщих закономерностей.

На основе этих положений разработан аналитический аппарат, позволяющий диагностировать диалектические оппозиции и механизмы их снятия. Данный инструментарий служит методологическим мостом между теорией Гегеля и предметным изучением российских военно-патриотических песен.

1.2. Этико-аксиологические принципы российской традиции военно-патриотической песни

В первой четверти ХХI в. перед философией и культурологией встает фундаментальная задача: переосмыслить историю философской мысли не как хаотичную смену доктрин, а как закономерный, непрерывный процесс становления философии в качестве универсального рационального метода познания. Как подчёркивал Гегель: «История философии показывает нам ряд благородных умов, галерею героев мыслящего разума, которые силой этого разума проникли в сущность вещей, в сущность природы и духа, в сущность бога, и добыли для нас

величайшее сокровище, сокровище разумного познания»³⁶. Именно в этом ключе современная мысль призвана выявить логику внутреннего движения философского познания, его имманентную диалектику и всеобщую значимость.

Сегодня перед российским обществом стоит задача переосмыслить свою эстетическую парадигму. Этот процесс требует отказа от слепого копирования западных моделей развития и обращения к глубинным истокам нашей культуры. Возрождение «Русского песенного Логоса» способно стать катализатором национального самосознания и укрепить нашу культурно-историческую идентичность. В этом контексте слова Христа о необходимости «родиться свыше» (Ин. 3:5-7) обретают новый смысл: они обращены не только к человеку, но и к народам, стремящимся к духовному суверенитету.

Современное состояние в российской философии свидетельствует о насущной потребности в реставрации духовных оснований, заложенных в классической традиции отечественной философской мысли, выраженной в поэзии, песне и музыкальной культуре. Текущее состояние философского дискурса в России требует целенаправленного восстановления тех «святынь», которые были утрачены в результате исторических катаклизмов XX в. Только через полноценное включение классического наследия русской поэзии, музыкальной культуры и песни в современный научный контекст возможно достижение подлинного синтеза национального и мирового духовного процесса.

Глубинные проблемы современности лежат глубже политики или экономики. Их корень – в кризисе рассудочного, технократического мышления, зародившегося в англосаксонской традиции и постепенно охватившего весь западный мир. Этот тип мышления, аналитический и прагматичный, привык дробить реальность на части, теряя из виду целое. Утрата органического взгляда на мир ведет к системному кризису: решения, принятые в одной сфере без учета их связи с другими, оборачиваются катастрофой для всей цивилизации. Фрагментация знаний, лишенных ценностных ориентиров, делает Запад

³⁶ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: [перевод с немецкого. Кн. 1. – СПб.: Наука, 1994. – 349 с. [Электронный ресурс] / URL. https://bookscafe.net/read/gegel_georg_vilhelm_fridrihlekcii_po_istorii_filosofii_kniga_pervaya-250155.html#p3 (дата обращения: 10.06.2026).

уязвимым перед вызовами, требующими целостного, философского подхода. Когда технический прогресс отрывается от нравственных и метафизических основ, он перестает быть инструментом и превращается в самоцель, которая рано или поздно начинает работать против человека.

В этом контексте современная Россия стоит перед задачей исключительной важности: преодолеть узость прагматического, потребительского мышления, которое за последние десятилетия проникло и в российскую культуру, и развивать взамен системно-интегральное, подлинно разумное мышление – то самое, которое Гегель называл *Vernunft* в отличие от рассудка (*Verstand*). Такое мышление основывается на достижениях классической философской культуры и подлинной образованности, которая охватывает не узкую специализацию, а широкий горизонт смыслов. Это предполагает прежде всего умение видеть внутренние связи между явлениями и диалектические переходы, в которых противоположности раскрывают своё глубинное единство; возврат к фундаментальным философским основаниям – но не в виде архивного изучения, а в виде живого продуктивного переосмысления в российской интерпретации. В условиях крушения прежнего миропорядка, когда распадаются казавшиеся незыблемыми институты и нормы, обращение к классическому наследию становится жизненной необходимостью – условием сохранения интеллектуальной идентичности и духовно-исторического суверенитета. Без прочной мировоззренческой основы невозможна долгосрочная стратегия культурного развития: любая программа, лишённая философского фундамента, обречена оставаться набором ситуативных реакций. Классическое философское образование с его энциклопедизмом, способностью соединять разные области знания в единую картину мира, должно стать ядром национальной образовательной концепции. В этом горизонте особый интерес и особую ответственность несут нравственные ценности, воплощённые в военно-патриотической песне – уникальном феномене, где духовное содержание и культурная идентичность народа выражены с предельной непосредственностью.

В современных условиях становится критически важным не только

обращаться к истокам российской духовности и наследию военно-патриотической музыкальной культуры, но и подвергнуть их глубокому теоретическому осмыслению. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью формирования единой мировоззренческой системы, консолидации национального самосознания и регенерации традиционных ценностных ориентиров. Реализация этих целей выступает фундаментом государственной стабильности и служит надежным барьером против деструктивных социальных процессов, возникающих вследствие утраты межпоколенческой преемственности. Как считает Т.А. Чикаева: «...современные российские философы находят проявление русской культурной оригинальности в национальном самосознании. Русская культура строилась на органическом единстве традиционных и новаторских начал и отличается, по определению, особым стилем общения, взаимоотношений в семье, обществе и политике, нормами морали»³⁷. Духовная самобытность песенного начала обладает непреходящим значением именно потому, что сопричастность культурно-национальным ценностям побуждает человека к служению Отечеству не из внешнего принуждения, а из внутренней потребности. Песня, и особенно военно-патриотическая, выступает мощнейшим средством передачи коллективной памяти, идеалов и эмоционального опыта – она объединяет поколения через общее переживание, которое не передаётся ни через учебник, ни через законодательный акт, но только через живое художественное слово. Междисциплинарные исследования подтверждают: русская культура носит выраженный словоцентричный характер. Идентичность российской цивилизации формировалась не столько на материальных артефактах или политических границах, сколько на уникальном языковом коде, веками транслирующем глубинные архетипы сознания. Как пишет В.В. Байдин: «Русский язык является главным и самым надежным хранителем древних смыслов, художественных образов и архетипов сознания. Это матрица русской культуры. <...> В

³⁷ Чикаева Т.А. Социально-философское понимание самобытности русской культуры / Т. А. Чикаева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-2(38). – С. 208–210. – С. 209.

древнерусской культурной антропологии язык заменял кровь, но не отменял кровное родство. В русском сознании издревле существовала стойкая потребность в родстве духовном и душевном. <...> Русский язык – живое наследие великой цивилизации. ... В глубинах языка, который связывает (religare) всех со всеми и все со всем, родилась древнерусская религия слова. Ее приверженцы, словяне, считали «живое» слово и родную речь божественными дарами, воспринимали небо источником речи и так же называли небо во рту»³⁸.

Россия обладает уникальной традицией: военно-патриотическая песня здесь исторически выступала мощным инструментом формирования творческих, интеллектуально развитых и нравственно устойчивых личностей, способных мыслить масштабно, видеть далеко за горизонт сиюминутного и понимать своё место в длинной цепи поколений. В условиях глобализации, когда внешние влияния проникают в любую культурную среду с беспрецедентной интенсивностью, воспитание молодёжи в духе патриотизма и сознательного принятия национальной традиции становится не риторическим лозунгом, но подлинно критической задачей. Без этого духовного воспитания экономические достижения и технологические успехи лишены ценностного фундамента: они могут быть использованы для чего угодно – в том числе для разрушения той самой цивилизации, которая их породила.

Духовная специфика российской военно-патриотической песни обусловлена ее диалектической природой. Этот феномен целесообразно рассматривать через призму философии культуры как процесс саморазвития национально-государственного духа. Такой подход позволяет выйти за рамки узкого фольклористического анализа и перевести дискуссию в плоскость философии истории и культурологии, где диалектический метод помогает раскрыть содержание национального самосознания и взаимосвязи внутри культурного поля

В рамках обозначенной парадигмы культура рассматривается как пространство непрерывного взаимодействия индивидуального и коллективного

³⁸ Байдин В. В. Основы русской самобытности / В. В. Байдин // Язык и текст. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 17-25. – С. 18.

начал, характеризующееся процессами взаимного конструирования и взаимного отрицания. Диалектика духа функционирует не как статичная категория, а как динамический процесс постоянного синтеза противоположностей. Напряжение между исходной нормой (тезисом) и новым историческим вызовом (антитезисом) не приводит к нивелированию компонентов, а порождает синтез на качественно новом уровне единства. Указанный механизм реализуется в сфере коллективного сознания, где происходит выработка социальных ценностей, институциональных норм и идеалов, которые затем фиксируются в устойчивых культурных формах, включая песенный репертуар.

Каждая аутентичная культурная форма содержит имманентное противоречие, выступающее катализатором ее эволюции. В контексте военно-патриотической песни данная закономерность проявляется через соотнесение традиционных и актуализированных значений, личного переживания и сверхличного смысла, утилитарного и сакрального начал. Данные оппозиции не исключают, а диалектически подразумевают друг друга. Индивидуальное восприятие формируется под воздействием социокультурной среды и исторического наследия, однако реципиент не выполняет функцию пассивного абонента этих сигналов. Субъект активно деконструирует и заново конструирует унаследованные установки, вступает с ними в смысловой диалог, что обеспечивает постоянную актуализацию и приумножение коллективного опыта.

Эволюция социально-экономических укладов неразрывно связана с принципом исторической обусловленности. В русле гегелевской философии ключевым двигателем прогресса признается диалектика личного и общественного сознания. Исторический путь человечества предстает как последовательное воплощение мирового духа, где смена идеологических парадигм происходит через преодоление внутренних противоречий³⁹. В контексте рассматриваемого жанра это позволяет утверждать: эволюция военно-патриотической песни – от её содержательного наполнения до художественных приемов – является прямым

³⁹ Хвощевская И.В. Философия всеобщего духа как теоретико-методологическое основание культурологического познания уникальности России / И. В. Хвощевская // Философия и культура. – 2024. – № 4. – С. 36–44.

отражением политических трансформаций и этапов формирования национальной идентичности.

Диалектическое знание об историческом существовании народа неизбежно требует осознания смысловых факторов всех сторон его жизни – общественной, государственной, хозяйственной и духовной. Для понимания российской культурной самобытности недостаточно оперировать абстрактными схемами и типологическими обобщениями: необходимо вникать в конкретные данные – в религиозные, этические и философские основания, которые формировали характер народа на протяжении столетий. Познание духовности народа и его аксиологии – системы ценностей, которая живёт не в декларациях, но в художественных образах, в обрядах, в песне – играет ключевую роль в определении цивилизационной самобытности России. Без глубинного постижения внутреннего мира нации невозможно адекватно оценить её место в истории человечества и её призвание в будущем. Постигание российской культуры во всей её полноте и противоречивости требует синтетического подхода. Только объединение теоретического и эмпирического, всеобщего и особенного, понятийного и образного, исторического и актуального позволяет раскрыть её подлинный облик и неисчерпаемую духовную глубину.

Песенная культура, особенно военно-патриотическая песня, является ключевым выражением народного духа и системы мировосприятия. Будучи сущностью национально-государственного духа, песенная традиция конституирует базовые и традиционные ценности определенного социума, формируя и воспроизводя, транслируя в нем вполне определенные способы мышления как принципы познания мира и человека. В этом смысле, вопрос об определении базовых духовно-исторических ценностей национального эстетического процесса и его воинско-песенной составляющей лежит в основе образа настоящего и будущего каждого развитого государства. Именно в этом интеллектуально-культурном, государственно-образовательном первоначале, воспроизводящем духовное бытие человека, коренится судьба каждого конкретного народа, особенно если речь идет о всемирно-историческом его

призвании.

Военно-патриотическая песня в российской традиции занимает особое место, являясь не просто музыкальным жанром, но и мощным инструментом формирования мировоззрения, воспитания гражданственности и сохранения исторической памяти. Ее значение выходит за рамки развлекательной функции, проникая в глубинные пласты национальной идентичности. Проблема идентичности является острой в современных условиях.

Широкое распространение термина «идентичность» и его введение в научный оборот во многом связано с именем Эрика Эриксона. Он определял: «Идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими. Но то, что я назвал "эго-идентичностью", имеет отношение не просто к самому факту существования; это как бы качество существования, придаваемое ему этим "эго". В таком случае «эго-идентичность» в его субъективном аспекте — это осознание того, что синтезирование "эго" обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль индивидуальности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придается значимым другим в непосредственном окружении»⁴⁰.

Таким образом, идентичность, по Эриксону, определяется, как тождественность человека самому себе, раскрывающуюся через индивидуальный опыт и знания об окружающей действительности. Понятие идентичности — это принятый собственный образ «я» во всех взаимоотношениях с окружающим миром.

С.Л. Соловьева определяет идентичность «как результат развития личности и как психологический механизм формирования чувства тождественности человека самому себе, ощущения целостности в меняющихся социальных

⁴⁰ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — 2-е изд. — М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. — 352 с. — С. 58, 59.

условиях»⁴¹. Д. Колесов рассматривает идентичность как переживание человеком своей принадлежности к чему-либо (принципу, делу, идее) или своего единения с кем-либо (другим индивидом, самим собой, группой). Этот феномен возникает в рамках глобальной проблематики существования человека, который становится «вполне человеком», осознавая свою идентичность⁴². Э. Тоффлер отмечал: «Миллионы индивидов напряженно ищут собственную идентичность или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок»⁴³. Т. Буякас считает, что «чувство идентичности создает условия для встречи человека со своей индивидуальностью (неповторимостью, самобытностью), на нем, как на фундаменте, вызревает и строится процесс личностного и профессионального самоопределения»⁴⁴.

С.П. Гурин подчеркивает, что для самоидентичности субъекта важно не только обладать идентичностью, но и осознавать ее. По Гурину, идентичность – это «самоопределение личности, самопознание и опознание себя как некоторой определенности, конкретности»⁴⁵. Он различает внешнюю и внутреннюю идентичность. Внешняя «основывается на внешнем подобии, наружном сходстве, видимой тождественности». В данном случае идентичность предстает «как константа, нечто статичное и неизменное»⁴⁶. «Внутренняя идентичность, – считает Гурин, – предполагает соотнесение с единой основой, причастность к общему основанию, совпадение по сути, по природе, по сущности»⁴⁷. С.П. Гурин акцентирует внимание на проблеме подмены «чего-либо настоящего его копией, моделью, клоном», в то время как «подлинная идентичность подразумевает внутреннее соответствие, сущностную тождественность, одинаковое

⁴¹ Соловьева С.Л. Идентичность как ресурс выживания / С. Л. Соловьева // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 1(48). – С. 5.

⁴² Там же.

⁴³ Цит. по Соловьева С.Л. Идентичность как ресурс выживания.

⁴⁴ Буякас Т.М. О проблемах становления чувства самоидентичности у студентов-психологов / Т.М. Буякас // Вестник МГУ. – Серия 14. – Психология. – 2000. – №1. – С. 56–62. – С. 57, 58.

⁴⁵ Гурин С. П. Философия идентичности / С.П. Гурин // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2010. – № 4. – С. 218–226. – С. 231.

⁴⁶ Там же. – С. 233.

⁴⁷ Там же. – С. 234.

происхождение»⁴⁸.

Остановимся подробнее на теоретическом осмыслении понятий культурной и духовной идентичности.

Культурная идентичность – это осознание человеком или группой своей принадлежности к определенной культурной традиции. Она формируется через усвоение ценностей, норм, языка, обычаев и искусства, передаваемых из поколения в поколение. Это чувство сопричастности, позволяющее человеку ответить на вопросы: «Кто я?», «Откуда мои корни?», «Какие ценности мне близки?».

Ключевые компоненты: язык, традиции и обычаи, ценности и верования, историческая память, территориальная принадлежность.

В контексте данного исследования культурная идентичность рассматривается через призму российской военно-патриотической песни как средства формирования единства с соотечественниками и сохранения национального наследия.

Духовная идентичность – это глубинная составляющая личности, связанная с поиском смысла жизни, высших ценностей и нравственных ориентиров. В отличие от культурной идентичности, опирающейся на внешние маркеры (язык, традиции), духовная идентичность – это результат внутренней работы души, личного выбора и рефлексии над вечными вопросами бытия. Она отвечает на вопросы: «Во что я верю?», «Что для меня по-настоящему важно?», «Каков мой путь развития?».

Ключевые аспекты духовной идентичности: мировоззрение, нравственные принципы, смысл жизни – осознанное стремление к реализации высших целей, духовные практики: формы рефлексии (молитва, медитация, созерцание), углубляющие внутренний мир; трансцендентность (ощущение связи с чем-то большим – природой, обществом или высшим началом).

В философско-культурологическом анализе военно-патриотической песни духовная идентичность проявляется в способности патриотических произведений затрагивать глубинные слои психики. Пробуждая чувства жертвенности,

⁴⁸ Там же. – С. 235.

сострадания и ответственности, песня становится «зеркалом», в котором человек обретает не только гражданское самосознание, но и осознание своей духовной сути.

Формирование идентичности является динамичным процессом, развитием, достигаемым посредством осмысления и переосмысления объективной реальности. В современном технологическом мире с его потоком разнообразной информации, общество, а особенно молодежь, как потенциал государства, находятся под влиянием деструктивной информации, остро встает проблема сохранения и укрепления национальной идентичности. Решение этой проблемы подразумевает применение комплекса мер, направленных на формирование у молодежи внутренней идентичности (Гурин). Первостепенная задача – обеспечить осознание молодым поколением своей неразрывной внутренней связи с историей, философией и культурой Отечества. Изучение, в том числе, российской военно-патриотической песни способно раскрыть глубинные механизмы формирования этой идентичности.

Военно-патриотическая песня в России служит «зеркалом» национальной идентичности. Она фиксирует подлинные чувства авторов и транслирует экзистенциальный опыт, пронизанный личными переживаниями и преодолением трудностей. Содержание таких песен нельзя свести к простой передаче информации: это «знание-переживание», обращенное к сокровенным глубинам человеческого духа. В. Беньямин в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» использует понятие «ауры» – «странного сплетения места и времени: уникального ощущения дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был»⁴⁹. Описывая работы Эжена Атже, Беньямин отмечает, что они «высасывают ауру из действительности, как вода из тонущего корабля»⁵⁰. Подобным образом и военно-патриотическая песня обладает онтологической глубиной: её главные темы – жизнь и смерть, отчаяние,

⁴⁹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости [Текст]: избранные эссе / Вальтер Беньямин; [предисловие, составление, перевод и примечания С. А. Ромашко]; Немецкий культурный центр имени Гете. – М.: Медиум, 1996. – 239, [1] с. – С. 81.

⁵⁰ Там же.

экзистенциальная заброшенность и подвиг – напрямую соотносятся с фундаментальными вопросами человеческого бытия⁵¹.

И.В. Гёте в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера» писал: «...в нас самих – лишь стихия, но в глубинах нашей души заложена творческая сила, способная создавать то, что быть должно, и не дающая нам ни сна, ни покоя, пока оно так или иначе не будет воплощено нами вне или внутри нас»⁵². Творческая сила, о которой говорил Гёте, воплощённая в военно-патриотической песне, способна стать ключом к пониманию национального самосознания.

Российская военно-патриотическая песня построена на определенных этико-аксиологических принципах, определяющих ее содержание, форму и воздействие на слушателя. Это сложная, организованная система ценностных ориентаций складывалась на протяжении тысячи лет.

Чтобы объективно проанализировать основные принципы военно-патриотической песни необходимо определить ключевые понятия.

Этика – раздел философии, изучающий мораль, нравственность, добро и зло, долг и совесть. В нашем исследовании мы проанализируем какие моральные ценности и нормы пропагандирует российская военно-патриотическая песня.

Аксиология – философское учение о моральных, этических, культурных и т.п. ценностях, общезначимых принципах, определяющих направленность человеческой деятельности, мотивацию человеческих поступков; теория ценностей⁵³. В данном исследовании мы проанализируем, какие ценности являются основополагающими для военно-патриотической песни.

Принципы – фундаментальные положения, руководящие идеи, которые лежат в основе определенной системы или традиции.

Таким образом, этико-аксиологические принципы военно-патриотической

⁵¹ Урюпина М. А. Лирика советских военнослужащих - участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979-1989): аксиологическое измерение / М. А. Урюпина // Наследие веков. – 2025. – № 2(42). – С. 13–41. – С. 20.

⁵² Гёте И.В. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Годы учения Вильгельма Мейстера. Кн. 1. – М.: Художественная литература, 1978. – 526 с. [Электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/book/gete_iogann/godi_ucheniya_vilgelma_meystera.html (дата обращения: 10.06.2026).

⁵³ Аксиология. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 11.06.2026).

песни – это основополагающие моральные и ценностные установки, которые определяют ее содержание, художественные средства и воспитательное воздействие.

Первым фундаментальным принципом выступает принцип служения Отечеству и долга. Центральное место в песнях занимает идея беззаветного служения Родине, исполнения воинского долга как высшей добродетели. Это не просто обязанность, а осознанный выбор, продиктованный любовью к Отчизне. Ценность служения Родине ставится выше личных интересов, комфорта и даже жизни. Герой песни готов пожертвовать всем ради защиты своей земли и народа.

Принцип любви к Родине и её земле. Сущность данного принципа заключается в глубокой, искренней привязанности к родной земле, её природе и народу, что составляет основу патриотизма. Радищев писал: «... отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предразсудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех»⁵⁴. Родина осознаётся не как абстрактная категория, а как конкретное, осязаемое пространство – место, достойное любви и обороны. Ценность родной земли, её эстетического совершенства и природных богатств подчёркивается как императив, требующий неуклонного охранения. А.Ф. Лосев писал: «Благородный гражданин любит свою Родину... не за то, что она везде и всегда, во всем и непременно велика, высока, богата, прекрасна и пр. Нет. Мы знаем весь тернистый путь нашей страны... Но для сына своей Родины все это – свое, неотъемлемое свое, родное; он с этим живет и с этим погибает; он и есть это самое, а это самое, родное, и есть он сам. Пусть в тебе, Родина-Мать, много и слабого, больного, много немощного, неустроенного, безрадостного. Но и рубища твои созерцаем как родные себе. И миллионы жизней готовы отдаться за тебя, хотя бы ты была и в рубищах. Веления этой Матери-Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери-Родины неотвратимы. У кого есть Родина, тот, умирая если не за нее, то хотя бы только в ней, на ней, умирает всегда уютно, как бы ребенок, засыпая в мягкой и теплой

⁵⁴ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. – 503 с. – С. 311.

постельке...»⁵⁵.

Принцип – героизм и самопожертвование. Героизм рассматривается как проявление высших человеческих качеств в экстремальных условиях. Жизнь, отданная за Родину, обретает высший смысл и становится примером для поколений. Самопожертвование – это не трагедия, а акт высшей доблести. Примерами служат песни: «На безымянной высоте» (муз. В. Баснера, сл. М. Матусовского, 1964), «От героев былых времён» (муз. Р. Хозака, сл. Е. Аграновича, из к/ф «Офицеры», 1971), песни воинов-«афганцев» (Ю. Кирсанов «В ту ночь»), участников чеченских кампаний и СВО.

Принцип – сакрализация жертвенности. В отличие от западноевропейской традиции, где акцент делается на индивидуальном героизме, российская военно-патриотическая песня неразрывно связывает гибель воина с искупительной жертвой. Эта концепция восходит к древнерусским летописным и фольклорным истокам («Слово о полку Игореве», былины киевского цикла), где смерть на поле брани интерпретируется не как трагическая случайность, а как высшая форма служения. Причем эта жертва, согласно Н.А. Бердяеву, представляет собой исключительно личный выбор, совершаемый в акте свободы; в противном случае, при насильственном принуждении, жертва утрачивает всякий онтологический смысл⁵⁶. Песня «"В землянке" (1941) – это камерная, лирическая, глубоко личная молитва. Ее пространство – «четыре шага до смерти». Герой один на один со своей тоской, любовью и страхом. И именно в этой интимности, в этой «предельной правде чувства»⁵⁷, заключается ее огромная сила. Она выразила не массовый порыв, а личную боль каждого, показав, что эта боль и есть основа того самого общего подвига. Жертвенность здесь – не абстрактная идея, а личный выбор "ради твоей улыбки"»⁵⁸.

⁵⁵ Лосев А. Ф. Родина // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496 с. – С. 420–428. – С. 426.

⁵⁶ Бердяев Н.А. Судьба России: книга статей / Николай Александрович Бердяев. – М.: Эксмо, 2007. – 638 с. – С. 492.

⁵⁷ Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын отечества // Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. – 503 с. – С. 78.

⁵⁸ Бойко П. Е. Песня как духовный феномен (на материалах отечественной военной песни): культурно-философский анализ / П. Е. Бойко, М. А. Урюпина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2026. – № 1(57). – С. 108-125. – С. 115.

Диалектика русского духа в контексте военно-патриотической песни представляет собой сложный процесс взаимодействия архетипических ценностей, исторического опыта и языковой репрезентации. «Русский дух» как философская категория включает в себя единство соборности, жертвенности и эсхатологического сознания, что находит прямое выражение в песенных текстах, начиная от былинного эпоса и заканчивая композициями XXI в.

Категория жертвенности раскрывается через метафору «поля боя» как сакрального пространства. В песне «Тёмная ночь» (муз. Н. Богословский, сл. В. Агатов, 1943) строка «Ты меня ждёшь и у детской кровати не спишь» сопрягает личную судьбу солдата с судьбой Родины. Эсхатологический аспект проявляется в образах «священной войны» и «смертного боя» – например, в песне «Вставай, страна огромная» (муз. А.В. Александров, сл. В.И. Лебедев-Кумач, 1941), трансформируя войну в экзистенциальное противостояние добра и зла.

Диалектика проявляется в оппозиции «смерть – бессмертие», которая в России берет свое начало в православной традиции: «... война – священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости, в защиту правды, веры, отечества. Подвизающийся в сей брани оружием совершает подвиг веры и правды, который христианские мученики совершали исповеданием веры и правды, страданием и смертью за сие исповедание; и, приемля раны, и полагая живот свой в сей брани, он идет в след мучеников к нетленному венцу»⁵⁹. Эта тема прослеживается от текстов древнерусской летописи до песен участников военных конфликтов XXI в.

Принцип – аксиологическая антиномия «свой–чужой», построенная не по этническому, а по нравственному критерию. Е.С. Сениявская так описывает данный феномен: «... в условиях вооруженного конфликта проблема ("мы и они", "свой–чужой" – У.М.) обостряется до предела, выступая в гипертрофированных формах: потенциально опасный "чужой" превращается в реального смертельного врага. "Они", всегда "чужие", иные, не до конца понятные и уже потому являющиеся

⁵⁹ Филарет (Дроздов), свт. Беседа к сердобольным вдовам, избранным для попечения о раненых и больных воинах действующей армии <17 ноября; 1854 г.> // Творения. Слова и речи. Т. 5. – С. 281–284. – С. 282.

источником мнимых или реальных опасностей, в экстремальной ситуации противостояния "не на жизнь, а на смерть" становятся прямым источником угрозы самому существованию общности "мы" и составляющих ее индивидов. Расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, исходящих от "чужого"⁶⁰. В песнях противопоставляются два полюса: «"родная земля" (дом, березы, любимый город) и "чужбина" (где "раскаленная рваная сталь", "огонь и дым")». Защита первого от второго – священный долг. Это прямое отражение цивилизационного противостояния "свой–чужой". Временная структура также бинарна: светлое, идеализированное «до войны» / трагическое «сейчас» и ожидаемое «после победы». Песня становится мостом между этими временами, хранителем памяти о мире и проекцией будущего»⁶¹.

Принцип братства и товарищества. Воинское братство, взаимовыручка, поддержка и единство солдат на поле боя являются неотъемлемой частью песни. Это чувство общности, где каждый готов прикрыть товарища. Ценность коллектива, единства и взаимопомощи подчеркивается как фактор, способствующий победе. Личные связи в армии приобретают особую значимость («Три танкиста», мюз. Д. и Д. Яковлевичи, сл. Б.С. Ласкин. 1939, «Войска небесной обороны», сл. и муз. В. Верстакова).

Принцип – инвариантность идеи «священной земли». Мир в целом и восприятие военной действительности происходило на основе крестьянского сознания и нравственных оценок человека труда, преданного земле и крестьянскому труду⁶². Поэтому терминологически закреплялось в концепте «земля-матушка». Российская военно-патриотическая песня наделяет территорию не просто географическим, а хтоническим, родовым значением. Земля – не нейтральное пространство, а «мать», «кормилица», «угодница Божья». Эта сакрализация земли восходит к дохристианским культам (Г.А. Глинка, «Древняя

⁶⁰ Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки / Москва. Институт российской истории РАН. 1997. – 230 с. – С. 32, 33.

⁶¹ Бойко П. Е. Песня как духовный феномен (на материалах отечественной военной песни): культурно-философский анализ / П. Е. Бойко, М. А. Урюпина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2026. – № 1(57). – С. 108-125. – С. 113.

⁶² Войтоловский Л.Н. По следам войны: [Походные записки. 1914-1917] / Л. Войтоловский; [Предисл. Демьяна Бедного]. – Л.: Изд-во «Ленинградская правда», 1931. – 548 с.

религия славян», 1804)⁶³, но в песенной традиции получает христианское переосмысление. Показательно, что даже в советский период, при официальном атеизме, лексика сохраняет религиозные коннотации: «Священная война», «святые могилы».

Принцип справедливости и защиты мира. Ф.М. Достоевский писал: «Дикая мысль, что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь»⁶⁴. Позитивный смысл войны для Ф.М. Достоевского заключается в идее жертвенности ради других, «...для того чтобы отстоять Отчизну, свободу. Человек готов пожертвовать собой ради высокой цели – отстоять Родину. Смерть и страх уходят на задний план, потому что есть цель более высокая – интересы Отечества. Человек не может быть человеком, если у него нет высоких идей, ради которых можно отдать жизнь, пожертвовать собой, и Отчизна – одна из таких идей»⁶⁵.

Российское государство формировалось в условиях перманентной внешней угрозы: непрерывные нашествия держав, стремившихся к порабощению народа и захвату природных ресурсов, обусловили его милитаризованный характер. Это предопределило восприятие войны не как инструмента экспансии, а как сакрального акта защиты родной земли – необходимого и вынужденного. Вследствие этого конфликты, разворачивавшиеся на территории России, традиционно осмыслились как справедливые и «священные». Более того, обращения народов к русскому царю или правительству с просьбами о защите суверенитета никогда не оставались без ответа. А.С. Хомяков считал, что Россия в войне несет особую, миротворческую миссию, она есть «божий меч»⁶⁶.

Ценностным фундаментом российской военно-патриотической песни являются этико-аксиологические принципы. Они обеспечивают не только мобилизационную функцию, но и формируют уникальную этическую матрицу, в

⁶³ Глинка Г.А. Древняя религия славян. / Сочинение Григория Глинки, профессора Дерптского университета. – Митава: В типографии у И.Ф. Штеффенгагена и сына, 1804. – 150 с.

⁶⁴ Достоевский Ф.М. Парадоксалист // Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – С. 18–25. – С. 19.

⁶⁵ См. Замаева Е.И. Феномен войны в русской философии: онтологические основания и аксиологические смыслы. – С. 108, 109.

⁶⁶ Замаева Е.И. Феномен войны в русской философии: онтологические основания и аксиологические смыслы / Е. И. Замаева // Соловьевские исследования. – 2025. – № 3(87). – С. 106–116. – С. 108.

рамках которой война – не исключительное состояние, а естественная форма бытия нации, а гибель – не прекращение существования, а переход в категорию вечного служения.

Выводы параграфа 1.2.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сформулировать ряд сущностных выводов, конституирующих философско-культурологическую программу возрождения российского песенного Логоса.

Во-первых, история философии, понятая в гегельянском ключе как закономерное развертывание абсолютного духа, задает методологический императив для осмысления национальной эстетики. Современная эпоха – первая четверть XXI в. – требует от российского самосознания не эклектичного заимствования, а имманентного синтеза собственных духовных оснований, кристаллизованных в военно-патриотической песне как высшей форме коллективного этоса.

Во-вторых, военно-патриотическая песня выступает не просто жанром музыкального искусства, но онтологическим феноменом, в котором диалектика единичного и всеобщего достигает своей конкретной полноты. Исследование показало, что песня становится формой, где через ритм, мелодию и слово транслируются фундаментальные ценности: жертвенность, служение, соборность, любовь и др.

В-третьих, можно констатировать, что российская военно-патриотическая песня представляет собой диалектическую триаду: тезис – исторический опыт национального самосохранения; антитезис – вызовы дегуманизации и культурной экспансии; синтез – новое качество духовного суверенитета, базирующееся на осознании всеобщности русской философии как этапа развёртывания мирового духа.

Следовательно, стратегической задачей национальной эстетики является не просто каталогизация песенных образцов, а разработка философски обоснованной герменевтики, позволяющей декодировать сокрытые в них метафизические

смыслы. Только через такое возвращение к «корням» – к софийной природе слова и звука – возможно преодоление духовного кризиса, о котором предупреждали философы Серебряного века.

Военно-патриотическая песня в российской традиции выступает не просто элементом культурного наследия, но и действенным механизмом конструирования и трансляции национальной идентичности. Являясь источником знаний об исторических событиях и переживаний ее авторов и героев способна обеспечить преемственность поколений через универсальные эмоциональные и ценностные коды.

Этико-аксиологические принципы российской военно-патриотической песни формируют систему ценностей, которые, по С.П. Гурину, соответствуют критериям внутренней идентичности и удерживает ее от подмены копией. Военно-патриотическая песня, являясь квинтэссенцией православных этических норм, имперских государственных идеалов и советских идеологических установок, становится средоточием многовекового опыта, адаптированного к вызовам современности.

Резюмируя, отметим, что этико-аксиологическая система российской военно-патриотической песни – это исторически обусловленная модель ценностной ориентации. Анализ материала (от эпохи Михаила Федоровича Романова до наших дней) демонстрирует устойчивость фундаментальных принципов: героизма как высшей доблести, сакрализации жертвенности, соборности, аксиологической антиномии «свой–чужой» и концепта «земля-матушка».

Диалектика русского духа, вербализованная в этих песнях, воплощает единство противоположностей: индивидуального выбора и коллективного долга, страха смерти и жажды бессмертия. Эта жесткая этическая матрица, основанная на идеологической конвергенции, выполняет мобилизационную функцию и задает уникальную систему координат, в которой война воспринимается как экзистенциальное противостояние добра и зла, а самопожертвование – как акт воскрешения духа.

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ КАК ФАКТОРА ДУХОВНОЙ САМОБЫТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1. Нравственные ценности российской военно-патриотической песни в эпоху Романовых

Российская военно-патриотическая песни формировалась на протяжении многих столетий, отражая глубокие исторические процессы. Она неразрывно связана с жизнью народа, вынужденного противостоять как суровым природным условиям, так и многочисленным внешним врагам. Именно благодаря этим испытаниям народ приобрел особую выносливость, способность к самодисциплине и напряженной работе, а также развил в себе интеллектуальные и моральные силы⁶⁷. В противостоянии внешним агрессорам, стремившимся к захвату плодородных земель, сформировались такие определяющие качества, как свободолюбие, готовность к самопожертвованию, любовь к семье и братство, что нашло отражение в генетическом коде народа.

Военные конфликты, занимавшие центральное место в истории России, закономерно нашли отражение в песенном творчестве, став важным фактором формирования национального самосознания. Особую роль здесь играют военно-патриотические песни, которые, по сути, являются логическим продолжением многовековой традиции русской литературы, зародившейся, согласно Д.С. Лихачеву, более тысячи лет назад⁶⁸. Произведения древнерусских писателей: Нестора, Иллариона, Симона, Поликарпа, Кирилла Туровского, Климентя Смолятича, Серапиона Владимирского, а также неизвестных авторов, создателей письменных памятников «Слово о полку Игореве» (XII век), «Слово о погибели Русской земли» (XIII век), «Житие Александра Невского» (XIII век), «Задонщина»

⁶⁷ Ключевский В. О. Сочинения: В 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред. В. Л. Янина; Предисл. В. Л. Янина, В. А. Александрова; Послел. и коммент, составили В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – М.: Мысль, 1987. – 430, [1] с. – С. 62.

⁶⁸ Лихачев Д.С. 1. Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси) / [Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева; [Вступ. статья Д.С. Лихачева]. – М.: Худож. лит., 1969. – 799 с. – С. 5, 7.

(конец XIV – начало XV века) и др., а также эпический фольклор Древней Руси формировали систему ценностей и нравственных ориентиров, укрепляли народное единство и патриотизм.

Центральными фигурами русского былинного эпоса являются богатыри. Их образ воплощает единство физической мощи и духовной стойкости, что находит отражение в их благородных поступках, самоотверженной защите родной земли и гуманном отношении к поверженному противнику. Эти олицетворения идеалов мужества и праведности, как справедливо отмечает исследователь В.Я. Пропп, являются выражением «национального самосознания» и «эпической нормы» древней Руси⁶⁹. В былинах запечатлены не просто подвиги воинов, но и моральные принципы, лежащие в основе русского мировоззрения.

Образы русских богатырей являются сложными и многогранными. Они не просто воины, они носители моральных ценностей, воплощающие в себе идеалы справедливости, милосердия и мужества. В былинах заложены основы представлений о добре и зле, долге и чести, которые актуальны и в современном мире. Эпические сказания и былины со временем трансформировались в новые жанры – например, в солдатские и казачьи песни. В этих произведениях отразился богатый внутренний мир их создателей, а также глубокие человеческие переживания, связанные с военными событиями⁷⁰. Изучение этих произведений предоставляет ценную информацию о ценностях, идеалах и моральных принципах эпохи, в которой они были созданы⁷¹.

Историческим рождением российской военно-патриотической песни можно считать время восшествия в 1613 г. на русский престол династии Романовых. Измученный Смутным временем народ, истосковавшийся по стабильности и законности, воспринял воцарение Михаила Федоровича, сына патриарха Филарета

⁶⁹ Пропп В.Я. Русский героический эпос. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) Комментирующая статья Н. А. Криничной. Составление, научная редакция, именной указатель С. П. Бушкевич. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 640 с. – С. 194, 215, 320, 325.

⁷⁰ Аникин ВЛ. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. – М., Изд-во МГУ, 1980. – 332 с. – С. 21.

⁷¹ Указ соч. Пропп В.Я. Русский героический эпос. – С. 26.

(Фёдора Никитича Романова), имевшего особое почитание у населения⁷², как предвестие долгожданного мира. Воцарение новой династии повлекло за собой укрепление структуры власти и способствовало установлению политической устойчивости и централизованного управления в стране, которое требует наличия сильной, концентрированной власти в лице монарха, поддерживаемой народом и армией.

В русском самосознании с древних времен сложились три понятия, которые имели особый сакральный смысл – это Вера, Государь и Отечество. Воины шли на смертный бой под лозунгами: «за землю Рускую» (Слово о полку Игореве); «за землю за Рускую и за веру християнскую» (Задонщина); «за Дом Пресвятыя Богородицы и за православную християнскую веру» (приговор Первого ополчения 1611 г.⁷³), за «государскую честь» (приговор Земского собора 1653 г.⁷⁴). В XIX в. он сформировался как воинский девиз «За Веру, Царя и Отечество!» в одну емкую имеющую важный идеологический смысл формулу⁷⁵. Рассмотрим, как эти три важных понятия, являясь нравственным основанием мировоззрения православного человека, нашли отражение в русской военной песенной культуре времен правления династии Романовых, т.к. именно в этот период были заложены основы современной России.

Вера. Православное христианство, по мнению А.А. Царевского, сыграло ключевую роль в формировании России, консолидируя политическую структуру и укрепляя могущество государства. Его влияние распространилось на все аспекты жизни русского народа, что позволило Православию стать «душою России»⁷⁶. Религиозный философ И.А. Ильин отмечал, что в русских людях «христианство

⁷² Симони П.К. Великорусские песни, записанные в 1619-1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1907. – 79 с. – С. 7, 8.

⁷³ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов. Т. 3 / отв. редактор – заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук А. Г. Маньков. – М., 1985. – 511 с. – С. 43.

⁷⁴ Там же. – С. 458.

⁷⁵ Гайда Ф. А. За Веру, Царя и Отечество: к истории происхождения знаменитого российского воинского девиза // История. Научное обозрение OSTKRAFT. Том 4. – М.: Модест Колеров, 2018. – С. 5–9. – С. 5.

⁷⁶ Царевский А.А. Значение Православия в жизни и исторической судьбе России [Электронный ресурс] / URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Carevskij/znachenie-pravoslavija-v-zhizni-i-istoricheskoy-sudbe-rossii/#0_5 (дата обращения: 05.08.2024).

воспитало здоровые и глубокие основы правосознания и государственности»⁷⁷. Основой государственной безопасности является боеспособная армия, эффективность которой определяется в первую очередь морально-психологическим состоянием личного состава, а затем – техническим оснащением. Наделять духовной силой русских воинов была призвана Православная церковь, чье учение стало методологической основой в формировании мировоззрения русского народа в целом и русской армии в частности⁷⁸. Библия, Священные Писания, учения православных святых отцов культивировали в народе понятия о моральных устоях, духовности и социальной справедливости. Эти тексты постулировали нормы поведения, устанавливали рамки дозволенного и недозволенного, формируя систему ценностей, ориентированную на любовь к ближнему, милосердие и добродетель⁷⁹.

Православная вера оказала глубокое и всеобъемлющее влияние на все сферы жизни Руси, включая военную организацию и практику. Для русского воина вера выступала не просто сводом религиозных догматов, но фундаментальным

⁷⁷ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996. 608 с. – С. 234.

⁷⁸ Юмакулов Н.Х. Роль и значение Русской Православной Церкви в системе воспитательной работы российской армии // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – № 3. – С. 140–143; Гришин О.Е. Война, защита Отечества и религия / О. Е. Гришин, В. А. Матвиенко, А. В. Толочко // Вестник Российской нации. – 2018. – № 1(59). – С. 79–94; Сухов Ю.Н. Отражение воинского долга в русской православной традиции, государственно-общественных и правовых памятниках: к анализу вопроса // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 67–76; Парфенова Г.В. Православие и русское воинство / Г.В. Парфенова, Е. И. Тимошкин // Красноярские военно-исторические чтения: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 20 ноября 2023 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. – С. 446–449; Парфенова Г.В. Роль Православия в патриотическом воспитании русского воинства // Эхо войны: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию начала Великой Отечественной войны, Омск, 25 июня 2021 года / Под общей редакцией К.В. Костина. – Омск: Омский государственный технический университет, 2021. – С. 290–293; Ромахин А.П. Влияние религиозного фактора на формирование ценностных ориентаций военнослужащих // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 137–142; Дежнев В.Н. Религиозный и нерелигиозный компоненты духовного фактора в войнах России первой половины XX века // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков: Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае, Иваново, 28–29 марта 2018 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2018. – С. 62–67; Ланцева И. Религия и армия в России // Общество и этнополитика: материалы Пятой Междунар. науч.-практ. Интернет-конф., Новосибирск, 01 апреля – 01 2012 года / СибАГС; под науч. ред. Л. В. Савинова. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2012. – С. 159–163.

⁷⁹ Православное отношение к войне и воинскому служению [Электронный ресурс] / URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Maksimov/pravoslavnoe-otnoshenie-k-vojne-i-voinskomu-sluzheniyu/ (дата обращения: 09.08.2025); Молитвослов. Псалом 26 [Электронный ресурс] / URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/psalom-26.html> (дата обращения: 09.08.2025); Творения, Афанасий Великий В 4 т., [Перевод]. Т. 3. – 1994. – 524, XIII, [2] с. – С. 369; Толкования на Евангелие от Матфея 5:9 [Электронный ресурс] / URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Mt.5:9&t> (дата обращения: 09.08.2025); Цит по: Свящ. Николай Гончаров. Воинское звание перед судом Слова Божия и разума святой Православной Церкви / Вестник военного и морского духовенства. №19, 1914. – С. 664–671. – С. 670; Исидор Пелусиот (ок.436). Творения Святаго Исидора Пелусиота. Ч. 3. М.: в Тип. В. Готье, 1859–1860, 1860. – 478, IX с. – (Творения Святых Отцев в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии). – С. 382.

нравственно-этическим основанием, формировавшим его мировоззрение и поведение на поле боя и в мирной жизни.

«Мы вперед, вперед, ребята,
С богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!»⁸⁰

Июль 1912 г. Ф.Н. Глинка

В солдатской песне «Дело полковника Волженского»⁸¹, написанной в 1832 г. во время боев под Гудермесом, где погиб командир гребенцов полковник Волженский, можно отметить практически многие христианские добродетели.

«Скачет, мчится, точно буря,
К Гудермесу поскакал,
Где Кази-Мулла с ордою
Десять тысяч его ждал».

Несмотря на многочисленное войско противника, гребенцы, уповая на Бога и веря в его участие, не дрогнули, принимая безропотно свою судьбу:

«Полк не дрогнул, увидавши
Эту силу пред собой.
Шашки вынул и помчался
На бой смертный с той ордой».

Полковник Волженский проявил истинное мужество, личным примером укрепив дух своих воинов:

«Храбрый Волженский полковник
Первым врезался в орду
И с полком он в ней метался,
Точно будто бы в чаду».

Воодушевленные командиром, казаки обратили врага в бегство, но, потеряв

⁸⁰ Глинка Ф.Н. Солдатская песнь [Электронный ресурс] / URL: <https://rustih.ru/fedor-glinka-soldatskaya-pesn/> (дата обращения: 15.08.2024).

⁸¹ Путилов Б.Н. Исторические песни на Тереке / Подгот. текстов, статья и примеч. Б. Н. Путилова / под ред. канд. филол. наук Б. Н. Двинянинова. – Грозный: Грозн. обл. изд-во, 1948. – 144 с. – С. 87, 88.

бдительность, попали в засаду. Примечательно, что даже в пылу сражения они отдают должное отваге и хитрости противника:

«Орда дрогнула, бежала,
Мы помчались за ней.
Но ждала нас там засада
Из отважных всех людей.
Справа, слева обходили
Храбрый полк наш Гребенской
Здесь Волженского убили,
Здесь-то кровь рекой».

В этом бою погиб полковник Волженский, однако его солдаты, опираясь на слова Писания – «ибо не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила» (1 Макк. 3:19)⁸², – проявили стойкость. Они отстояли воинскую честь и, несмотря на потерю командира, одержали победу над достойным противником:

«Полк рубился, насмерть бился
С тем бесчисленным врагом.
Враг от страха расступился,
Путь открыл перед полком».
Как говорил Святитель Афанасий Великий⁸³, победителю честь и слава:
«Там кричали нам солдаты:
«Честь и слава вам, ура!»».

Песня «Сражение за Баязет» (период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) является отражением системы ценностей того времени. В тексте произведения последовательно раскрываются темы религиозности, воинской присяги и стоического преодоления жизненных невзгод, исключая возможность отчаяния».

⁸² Православное отношение к войне и воинскому служению [Электронный ресурс] / URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Maksimov/pravoslavnoe-otnoshenie-k-vojne-i-voinskому-sluzheniyu/ (дата обращения: 09.08.2024).

⁸³ Творения, Афанасий Великий В 4 т., [Перевод]. Т. 3. – 1994. – 524, XIII, [2] с. – С. 369.

«А мы, братцы, с богом в бой
 На врагов своих пойдем,
 Станем твердою ногою,
 Гарнизон свой отобьем!»⁸⁴.

С именем Бога шли терцы на врага, в песне слышны призыв следовать подвигам предков и предостережение от нечестных поступков:

«Крикнул громко: – С богом, терцы!
 Шашки – вон, вперед за мной!
 Трусу – стыд в родной станице,
 Смелым – почесть и покой»⁸⁵.

Во второй половине XIX в. в русской армии сформировался жанр религиозно-монархической песни. В его основе лежали традиции народных и церковных гимнов, а также тексты молитв, таких как «Отче наш», «Спаси, Господи» и «Многолетие». Эти произведения воспевали триаду «Бог, Вера, Царь и Отечество», которая для солдат была незыблемой первоосновой российской государственности. Изначально возникнув в Кавказской армии, эта традиция постепенно распространилась на другие полки. «Усвоение такого обычая всеми русскими войсками принесло бы громадную пользу в нравственно-религиозном развитии солдата»⁸⁶.

«Чувство мужества нам сроду
 Не страшна нам смерть в боях!
 Богу храбрые угодны
 Им награда в Небесах!
 Жизни тот один достоин,
 Кто на смерть всегда готов.
 Православный русский воин,

⁸⁴ Там же. – С. 98, 99.

⁸⁵ Указ. Соч. Путилов Б.Н. Исторические песни на Тереке. – С. 98.

⁸⁶ Цицанкин, В.С. Музыкальная культура Российской армии и флота во второй половине XIX века: исторический аспект: дис. ... канд. ист. Наук: 07.00.02 / Цицанкин Василий Сергеевич. – Москва, 1997. – 269 с. – С. 186.

Не считая, бьет врагов!»⁸⁷.

Разразившаяся 28 июля 1914 г. Первая мировая война немедленно стала предметом пристального и глубокого осмысления в русской интеллектуальной среде. С.Н. Булгаков⁸⁸ смысл разразившейся войны видел в закате мещанской Европы и восхождении, возрождении Святой Руси. В.Ф. Эрн, придерживающийся славянофильских взглядов в период 1914–1915 гг., считал, что в тех глобальных военных катаклизмах, которые наступили, Россия сыграет особо значимую роль. Войну он оценивал, прежде всего, как «столкновение духа Германии и духа России», борьба религиозно-нравственных сил, стремление России к высшей правде через духовное возрождение⁸⁹. В.В. Розанов⁹⁰ положительно оценивал войну как оборонительную силу, возвышающую народ и государство. Все оценки войны в стиле традиционной русской философии носят в основном идейно-религиозный, нравственно-очистительный характер.

Начало Первой Мировой войны российское общество встретило с настроением патриотизма, её считали справедливой, освободительной⁹¹.

Популярным мотивом фольклора о войне был также патриотизм русского солдата. Однако этот патриотизм имел различные мотивы: в первый период войны доминировало чувство удали, храбрости.

«Собирайкотесь, ребята, кто к военной службе гож.

Зададим мы немцу перцу, пропадёт он ни за грош!»⁹².

Осознание справедливого характера войны усиливало уверенность русского солдата в божьей помощи:

⁸⁷ Православный русский воин [Электронный ресурс] / URL: <https://onesong.ru/16/Russkaya-Imperatorskaya-Armiya/tekst-pesni-Pravoslavnyy-russkiy-voin> (дата обращения: 09.08.2024).

⁸⁸ Булгаков С.Н. Русские думы // Антология журнала «Русская Мысль» (1910–1918): философия и политика. – Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта (БФУ), 2024. – С. 468–477.

⁸⁹ Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 575 с. – С. 301.

⁹⁰ Розанов В.В. Война 1914 г. и русское Возрождение. – М.: Книга по Требованию, 1915. – 243 с. – С. 4.

⁹¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: [Пер. с фр. / Морис Палеолог; Предисл. В. Сироткина]. – 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 236 с. – С. 35: «Всех объединил общий патриотический порыв. В стране проходили спонтанные манифестации – многотысячные толпы в разных городах России несли русские национальные знамёна, портреты Николая II, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы, звучали колокола, служились молебны, а русский национальный гимн «Боже, Царя храни!» непрерывно исполнялся и на улицах, и во всех собраниях. Почти вся печать заговорила о единстве нации перед лицом германской угрозы».

⁹² Симаков В.И. Частушки: Изд. по записям 1914–1915 г. / В.И. Симаков. – 2-е изд., испр. и доп. – Петроград: тип. Л.В. Гутмана, 1915. – 95 с. – С. 8.

«Не страшится русский витязь

Не страшится он никак

Ведь за ним семьи молитвы

С ним и Бог, и русский царь!»⁹³

В 1914 г в русском социуме превалировали «шапкозакидательские» настроения, а по завершении кампании 1915 г., настало осознание «Великой» войны как жестокой и разрушительной силы. И только «упование на Бога», помогающий просто «пережить страдания, мог послать «свою великую милость». Упование на бога проявлялось и в необходимости «драться до последнего солдата». Бог же обеспечивал храбрость, от него ждали не только спасения в войне, но и победы, и прекращения самой войны»⁹⁴.

Как отмечал А.Б. Асташов, в среде солдат зрели вопросы о смысле и цели этой войны, «за что льется кровь рекой» и «за какую свободу подготавливают к гибели». Одной из распространенных версий смысла войны было предположении о желании правительства «перебить больше народу», «подавить чувство самосознания» и т.п. Другим казалось логичным, что в такой войне «бог карает», но при этом было неясно, «за какой грех мучают?»⁹⁵.

К 1917 г. затяжная война и колоссальные людские потери привели к росту общественного недовольства, которое всё чаще адресовалось лично императору Николаю II и проводимому правительством политическому курсу:

«Что ты, белый царь, наделал,

Безо время войну сделал?

Безо время, без поры

Нас на бойню повели.

Что наделал, Миколаша?

Погибат Расея наша»⁹⁶.

⁹³ Ладыгин И.В. Песни русской армии [Электронный ресурс] / URL: <https://army.armor.photos/hist/muzika.php> (дата обращения: 01.09.2025).

⁹⁴ Асташов А.Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914-февраль 1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Александр Борисович Асташов. – Москва, 2018. – 363 с. – С. 100.

⁹⁵ Там же. – С. 168.

⁹⁶ Семеновский Д. Современные частушки // Красная вновь. – Москва: Гос. изд-во художественной литературы, 1921, № 1. – 321 с. – С. 53.

Согласно историческим данным, русский солдат, вопреки внешним влияниям, демонстрировал устойчивую религиозную идентичность: «Не хочу я без бога жить и не стану. Отменят – я себе своего заведу. Легче как будто, как знаешь, что не на двадцать лет стараешься, а на веки веков»⁹⁷, поскольку в нём была глубоко укоренена многовековая вера в спасительную силу Бога и в бессмертие души, достигаемое исключительно через смирение, жизнь в правде и честное бытие.

Самодержавие. Для решения экзистенциальных проблем в Российском государстве сложилась система сочетания местного самоуправления городов и сельских общин с центральной властью во главе с сильным государственным вождем – князем, царем, способным объединить все ресурсы страны для борьбы с внешними угрозами. Система была построена на полном подчинении подданных интересам государства в лице вождя. Власть, даже облечённая в абсолютную, накладывала на вождя обязательство уважать и сохранять институты местного народного самоуправления, сложившиеся как традиция. Целостность государственного организма обеспечивалась рядом ключевых факторов: относительно однородный этнический состав с доминированием русского населения, универсальный государственный язык – русский, объединяющая роль православной веры и принцип самодержавной монархии как несущая конструкция политического строя.

Предпосылки самодержавной (единодержавие⁹⁸) формы государства сформировались еще во времена правления Великого князя Иоанна III Васильевича (1440–1505), а в связи с отступничеством греков от Православия на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439), Москва осознала свою преемственность как единственной хранительницы истины Православия, великие московские князья ощутили себя преемниками Византийской империи. В итоге образовалось крупное централизованное православное государство с сильной самодержавной властью, которому для осмысления своего места в мире необходима была идеология.

⁹⁷ Федорченко С.З. Народ на войне: Фронтовые записи / С. Федорченко. – М.: изд. Советский писатель, 1990. – 400 с. – С. 140.

⁹⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж: YMCA Press. 1955. – 160 с. – С. 159.

Идеологическим базисом образования московского царства, по мнению Н.А. Бердяева⁹⁹, стала доктрина «Москва – Третий Рим»¹⁰⁰, что придает высокий смысл царской идеи на Руси и указывает государю на сущность его нового положения как единственного Царя всего православного мира: полагаться не на богатство, а иметь любовь к Церкви, Богу и своему народу, не нарушать заветов предков¹⁰¹.

Н.А. Бердяев писал, что под символикой мессианской идеи доктрины Филофея о Москве, как Третьем Риме собиралось и оформлялось московское царство, росло его могущество, а также «произошла острая национализация церкви», произошло слияние религиозного и национального. «Религиозная идея царства – писал Н.А. Бердяев, – вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть служебную роль»¹⁰².

В XVI в. происходит переход русской государственности от великокняжеской власти к царскому самодержавию. Титул Царь всея Руси (лат.: Caesar) был принят Великим князем Иваном IV (1547–1584) в 1547 г., который придавал ему статус помазанника Божьего, священного лица, представителя Бога на земле, самодержца, стоящего над всеми сословиями, издающего законы и следящего за их исполнением, с правом казнить и миловать своих подданных¹⁰³. Царь воплощал Родину и Государство, народ «добровольно передавал ему свою жизнь на общее благо. Народ оставлял за собой нравственную общественную свободу и вручал Царю бремя государства»¹⁰⁴. Царь Иван IV, будучи замечательным теоретиком самодержавной монархии, считал, что в его обязанности как царя входит кроме управления государством еще и спасение душ своих подданных. А.С. Хомяков отмечал, что органический строй государства основывался на

⁹⁹ Там же. – С. 9.

¹⁰⁰ Старец Филофей. Послание великому князю Василию // Памятники литературы Древней Руси: [сборник] / [сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева; вступ. ст. Д. С. Лихачева; подбор ил. О. А. Белобровой]. Конец XV – первая половина XVI века / [вступ. ст. Д. С. Лихачева, с. 5-18]. – М.: Художественная литература, 1978-1994, 1984. – 768 с. – 436–441 с.

¹⁰¹ Там же. – 438 с.

¹⁰² Указ. Соч. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 9, 10.

¹⁰³ Святая Русь. Большая энциклопедия Русского народа. Русский образ жизни. Гл. редактор, составитель О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – 944 с. – С. 879.

¹⁰⁴ Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. – М.: Алгоритм, 2010. – 944 с. – С. 126.

принципе: «Царь – глава, народ – члены, требующие для правильного действия своего «взаимодействия» и «органической» связи, при наличии которых «свобода» власти не исключает зависимости своей от общих всему народному организму начал; при ней же свобода власти – не произвол, а зависимость народа – не рабство»¹⁰⁵.

По мнению А.С. Хомякова, Царь «есть представитель целого комплекса понятий, из которого само собой складывается "бытовое" Православие», в пределах которого он полновластен, но он «связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной»¹⁰⁶, т.е. ограничен традициями и народным преданием, чтобы не нарушить традиционный государственный порядок, изменение которого чревато общественными потрясениями. Эту мысль поддерживает К.С. Аксаков: «Русский народ есть народ не государственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия ... Он (народ – У.М.) хотел оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт, жизнь мирную духа. ... Русский народ, отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе жизнь, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть: общество христианское»¹⁰⁷.

Русские философы-славянофилы, в том числе К.С. Аксаков и А.С. Хомяков, противопоставляли самодержавие западноевропейскому абсолютизму и азиатскому деспотизму¹⁰⁸.

Юридически формула самодержавия впервые была закреплена Петром I в

¹⁰⁵ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность / Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А.Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 576 с. – С. 159.

¹⁰⁶ Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А.Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 576 с. – С. 159, 160.

¹⁰⁷ Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», предоставленная Государю Императору Александру II. 1855 [Электронный ресурс] / URL: <https://philhist.spbu.ru/index.php/component/content/article/11-biblioteka/istochniki/25-aksakov-k-s-zapiska-o-vnutrennem-sostoyanii-rossii?Itemid=141> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁰⁸ Аксаков И.С. Русское самодержавие – не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм // Отчего так нелегко живётся в России? – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 1008 с. – С. 462, 463; Указ. соч. Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. – С. 160.

толковании к артикулу 20 Воинских уставов 1716 г., где указано: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»¹⁰⁹.

Особую роль в формировании концепции государя как служителя государства и народа сыграли реформы Петра I. Это выразилось в радикальной трансформации системы управления, нацеленной на повышение её эффективности и подчинённой интересам государства, а не личным амбициям монарха. Мировоззрение Петра I формировалось под влиянием идей западноевропейских мыслителей, таких как Р. Декарт, Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Д. Локк, П. Гассенди, Т. Гоббс, Г.В. Лейбниц, С. Пуфендорф, Г. Гроций. Их наследие обусловило предельный рационализм и практицизм в его подходе к управлению, жизни и оценке людей¹¹⁰. А потому и государство должно существовать согласно идеям рационализма, т.е. подчиняться действию начал разума, логики, порядка. Петр, исходя из этих начал, жил, показывая пример служения, службы, и, в соответствии с духом времени, формулировал идею обязанностей монарха перед подданными¹¹¹.

Политика Петра I не нашла всеобщего признания в кругах философского сообщества, о чем свидетельствуют взгляды таких мыслителей, как Д.А. Хомяков¹¹², К.П. Победоносцев¹¹³ и их последователей. Однако Н.П. Павлов-Сильванский как и Хомяков признавали, что Петр произвел переход от самодержавия к абсолютизму, совершив военную реформу, имевшую истинно важное значение для России с точки зрения коренного перелома, разрыва с прошлым и тесно связанное с ней усиление центральной власти, утверждения

¹⁰⁹ Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. Ред. заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук А. Г. Маньков. – 1986. – 512 с. – С. 331.

¹¹⁰ Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы / Евгений Анисимов. – М. [и др.]: Питер, 2009. – 446, [1] с. – С. 28–31.

¹¹¹ Анисимов Е.В.; Белецкий А.И. Реформа Петра I и русская литература XVIII века // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. – 1941. – 424 с.; Грушкин А.И. Петровская эпоха в фольклоре // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. – 1941. – 424 с.

¹¹² Указ. соч. Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. – С. 161.

¹¹³ Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева. – Изд. 5-е, доп. М.: Синодальная тип., 1901. – 366 с. – С. 248, 249.

императорского абсолютизма¹¹⁴.

Несмотря на противоречивость политики царя Петра I, в сознании народа он был законным монархом, кого следует почитать и кому следует подчиняться, т.к. она «была функцией политического сознания народа, и народ устанавливал и восстанавливал эту власть совершенно сознательно, как совершенно сознательно ликвидировал всякие попытки ее ограничения»¹¹⁵. Согласно Л.А. Тихомирову, русская монархия неразрывно связана с нацией, реализует национальное содержание, что подтверждается успешным освобождением от татарского ига, собиранием Руси, расширением территории, стремлением к европейскому просвещению и восстановлением страны после Смутного времени¹¹⁶.

Возникнуть и существовать государственность, по мнению В.С. Жидкова и К.Б. Соколова, могла только благодаря единой культуре, основу которой составляет «национальная картина мира, которая в ту пору представляла мир иерархически ориентированным сверху вниз, от неба к земле. На вершине этой пирамиды находился Бог – творец всего сущего, а в земной иерархии ему соответствовал царь как руководитель государства. Отсюда понятно преклонение перед носителем власти, на которого смотрели как на заместителя Бога»¹¹⁷.

Русский народ издревле питал глубокое почтение, уважение и любовь к своему Царю, воспринимая его как заместителя Бога на земле, оплот православной веры и олицетворение Родины и Государства. Свидетельством тому служит богатый русский фольклор, отраженный в многочисленных пословицах и поговорках, таких как: «Бог на небе, Царь на земле»; «Один Бог, один Государь»; «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»; «Никто против Бога, да против Царя»; «Никто, как Бог да Государь»; «Светится одно солнце на небе, а

¹¹⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / Н. П. Павлов-Сильванский; отв. ред. С.О. Шмидт; статьи С.О. Шмидта, С.В. Чиркова [с. 600-638]; примеч. С. В. Чиркова; [АН СССР]. – М.: Наука, 1988. – 690 с. – С. 144–147.

¹¹⁵ Солоневич И.Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с. – С. 485.

¹¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998, – 672 с. – С. 352, 353.

¹¹⁷ Жидков В. С. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть / В. С. Жидков, К. Б. Соколов; [Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ и РАН]. – СПб.: Алетейя, 2001. – 633 с. – С. 153.

Царь Русский на земле»; «Все по власти Божией, да Государевой» и др.¹¹⁸. Эти устойчивые языковые формы концентрированно выражают суть монархического мировоззрения, где Царь наделяется сакральным статусом и является гарантом порядка и благополучия в государстве.

Казачьи формирования, интегрированные в состав русской армии, транслировали в своих музыкальных произведениях оценку личности и деятельности Петра I. П.Н. Краснов писал, что добрая молва о молодом государе пошла по всему Дону, казаки говорили о нем: «Орел, настоящий орел», и «готовы были отдать за своего государя все»¹¹⁹. Свое отношение к царю донские казаки выразили в песне:

«Да не пусти Господь руки варвара
На Петра, Царя Белого, православного
Вы вставайте, други, пробудитесь.
Борзых коней, други, вы седлайте,
Под Азов город, други, поезжайте.
Сам сизый орел пробуждается,
Сам Петр Царь подымается»¹²⁰.

Казаки воспели обращение Петра к ним перед битвой под Азовом в 1696 г.:
«Я сам вас поведу на битву и на славу!
Да, с завтрашнего дня победою морскою
Впервые озарю свою отчизну я!»¹²¹.

В русском национальном сознании фигура Царя обладает всей совокупностью высших характеристик и венчает собой иерархию духовных ценностей русской цивилизации. Приверженность Петру I как государю была столь абсолютной, что подданные были готовы принести за него высшую жертву, воспринимая её не как трагическую необходимость, а как исполнение священного

¹¹⁸ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / [Соч.] Владимира Даля. Т. 1 / 2 т.; 18. – СПб.; М.: М.О. Вольф, 1879 (Санкт-Петербург). – LXIV, 685 с. – С. 286.

¹¹⁹ Краснов П.Н. История донского казачества. Очерки истории Войска Донского. – М; Яуза, Эксмо, 2007. – 576 с. – С. 206.

¹²⁰ Там же. – С. 206, 207.

¹²¹ Там же. – С. 210.

долга. Ярким историческим примером, подтверждающим эту идею, является эпизод времён Северной войны (1700–1721 гг.), описанный в источниках: молодой казак, имя которого не сохранилось, закрыл своей грудью Петра от вражеской пули. Этот самоотверженный поступок вызвал широкий народный отклик и был увековечен в современном ему фольклоре, где в стихотворной форме было выражено глубочайшее уважение и почтение к царю-реформатору.

«Камень тот священ для нас.

Где казак Петра нам спас,

И удар, летящий зря –

Грудью заслонил царя.

Пал казак, но подвиг жив.

Славной смертью он счастлив:

Он России спас царя»¹²².

Несмотря на глубокую противоречивость оценок правления и преобразований Петра I, известие о его кончине 28 января (8 февраля) 1725 г. вызвало в народных массах искреннюю горечь утраты. Таким образом, осознание масштаба личности императора, определившего новый вектор исторического развития России, породило в обществе сложное чувство, сочетавшее критическое отношение к методам его правления с ощущением невосполнимой потери.

«Ах ты, матушка сыра земля,

Расступися ты на все стороны,

Ты раскройся, гробова доска,

Развернися ты, золота парча,

И ты встань-проснись, православный царь,

Посмотри, сударь, на свою гвардию»¹²³.

Пётр I, благодаря своим личным качествам и преобразованиям, заслужил глубокое уважение и любовь русского народа, став для него воплощением национальных идеалов государственного служения и мощи.

¹²² Там же. – С. 215.

¹²³ Исторические песни: / (Вступ. статья, подготовка текстов и примеч. В.И. Чичерова). – Л.: Сов. писатель, 1956. – 408 с. – С. 237, 238.

В народном творчестве была воспета и императрица Екатерина II (1762–1796). Будучи по рождению этнической немкой и лютеранкой, она, по воспоминаниям современников, сознательно и всеми средствами стремилась завоевать любовь подданных. Для этого Екатерина приняла православие, усердно занималась изучением русского языка, истории и традиций России. Своей главной целью она провозгласила «содействие благу государства»¹²⁴. Период её правления вошёл в историю как Екатерининская эпоха, а в народных песнях её век именовали «славным», что связывалось с победами русского оружия в Русско-турецких войнах (1768–1774, 1787–1791 гг.) и разделах Речи Посполитой (1772–1793, 1795 гг.), существенно расширивших границы империи.

«Вспомним матушку-царицу,

Вспомним, век её каков.

Славный век Екатерины

Нам напомним каждый шаг,

Те поля и те долины,

Где бежал от русских враг»¹²⁵.

По мнению И.Л. Солоневича, сложившаяся в России «соборная монархия», как «совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты», являлась самой совершенной формой государственного устройства¹²⁶. И эта форма правления всегда была поддерживаема нацией, она «была продуктом русского национального творчества, она была создана "через народ", и она работала "для народа". Но она работала честно, ничем и никогда этот народ, не обманывая»¹²⁷.

В сознании русского народа вплоть до начала XX в. Царь был непререкаемым авторитетом, почитаемым как родной отец:

«Солдатушки, бравы ребятушки,

¹²⁴ Тальберг Н.Д. Русская быль. От Екатерины II до Николая II / Век золотой Екатерины. Императрица Екатерина II [Электронный ресурс] / URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Talberg/russkaja-byl-ot-ekateriny-2-do-nikolaja-2/3 (дата обращения: 19.08.2024).

¹²⁵ Указ. соч. Путилов Б.Н. Исторические песни на Тереке. – С. 84

¹²⁶ Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с. – С. 132.

¹²⁷ Там же. – С. 134.

А кто Ваш Родимый?

Наш Родимый – Царь непобедимый.

Вот кто наш Родимый»¹²⁸.

В первых десятилетиях XX в. в России произошли эпохальные события. Они сыграли для общественного сознания страны кардинальное значение. Возрастает недовольство властьюпридержащими, в том числе и царем. Уже в период Русско-японской войны солдатские песни наполнены другим смыслом и иной эмоциональностью:

«Нас бии продали войне,

Как скот на бойню, без пощады

Нас бросили, безгрешных, в ад»¹²⁹.

Следующими поворотными событиями были Первая мировая война и две, – Февральская и Октябрьская, – социальные революции 1917 г. Когда речь идет о начале Первой мировой войны и осознании ее сущности на основе российского традиционного самосознания, то отечественный патриотизм мыслится в неразрывном единстве с фигурой Царя. Патриотический подъем, приверженность к Николаю II, нашло отражение в словах марша:

«Ура, пойдем мы на границу –

бить Отечества врагов,

За Царя и за Царицу, и за родину отцов»¹³⁰.

На начальном этапе войны в солдатской среде преобладали оптимистические настроения, подкрепленные убежденностью в справедливости своего дела и скорой победе. Подобные умонастроения ярко отражены в народном творчестве того периода, в частности, в следующей частушке:

«Не плачь, моя ты женка, что иду я на войну,

Немца убьем и расколотим, опять к тебе приду»¹³¹.

¹²⁸ Цит. по: Цицанкин В. С. – С. 45.

¹²⁹ Песни народов Северного Кавказа / Вступ. статья, сост. и примеч. К. Кулиева и Н. Джусойты; Ред. поэтич. пер. Г. Регистана. – Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1976. – 558 с. – С. 158.

¹³⁰ Русская Императорская армия – Сигнальный марш [Электронный ресурс] / URL:<https://pesni.guru/text/русская-императорская-армия-сигнальный-марш> (дата обращения: 15.08.2024).

¹³¹ Лехно Б.В. Солдатские частушки, записанные со слов раненых. – М., 1915. – 36 с. – С. 5.

События военных лет привели к радикальной трансформации массового сознания, породив глубокий системный кризис, затронувший сферы мировоззрения, религиозной веры и легитимности государственной власти. Свержение в 1917 г. монархии меняет социальные оценки и настроения. Пробужденное войной нигилистическое революционное сознание осуществило акт самоуничтожения своих правителей и их наследников. Патриотизм и идентичность оказались оторванными от осознания корневых свойств российской верховной власти.

Отечество. Понятие «Отечество» особый идеологический смысл приобрело в Петровскую эпоху. Царь Петр I при обращении к своему народу, войску часто употреблял слово «Отечество» и призывал, как, например, перед полтавской битвой сражаться не за него, «но за Государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за Православную нашу веру и Церковь»¹³².

Отечество есть высшая ценность для патриота своей Родины. Но любить Отечество, как утверждал А.В. Васильев, можно только, если знаешь предмет своей любви, иначе это не любовь, а или привычка, или страх, или просто равнодушие¹³³. Для русского человека предметом любви является его неразрывная связь с прошлыми поколениями, бережным отношением к их наследию, что следует из самого определения слова «Отечество» – страна отцов, отеческая (отцова) честь, оно выражает «соединительный межпоколенческий смысл, оно являлось выражением соборной, т.е. коллективноличностной и межпоколенной принадлежности людей к большой патриархальной семье»¹³⁴. Отечество создавалось предыдущими поколениями, за счет опоры на базовые ценности, которые сохранялись, развивались и транслировались потомкам, способствовали устойчивости государства к внутренним и внешним негативным воздействиям, добиваясь свободы и величия державы. Об отеческом наследии, восходящем к богам, как об иерархии духовных ценностей, требующих почитания, писал еще

¹³² Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии / Военная Типография Главного Штаба Его Императорского Величества, СПб., 1821. Ч. 1. Т. 3. – 676 с. – С. 53

¹³³ Васильев А. В. Что такое Отечество? – н/Д: Изд. Н. Парамонова «Донская Речь», 1905. – 67 с. – С. 4.

¹³⁴ Чикаева Т. А. «Отечество» как философская категория // Вестник Омского университета. – 2018. – Т. 23, № 2. – С. 105-111. – С. 105.

древнегреческий писатель Лукиан Самосатский (125–180): «Слово «отечество» из всех слов – первое и для нас самое близкое. Ибо ничего для нас нет ближе отца! И кто воздаст отцу должную честь, как велят закон, и природа, тот почитит, конечно, еще больше отечество, ибо и сам отец – достояние отечества, и отец отца и за ним другие, все выше, пока не взойдем мы по лестнице отцов к богам отечественным»¹³⁵.

Обращаясь к современной философии, стоит рассмотреть многочисленные труды Т.А. Чикаевой, посвященные осмыслению ключевых категорий «Родина», «Отечество», «Государство» с опорой на работы мыслителей прошлого и настоящего. Используя различные методологические подходы, она стремится раскрыть их содержание и объём, чтобы владение знаниями о них помогало личности либо социальной группе принимать решения, ведущие «к положительным переменам, сохранению и приумножению культурного наследия»¹³⁶.

Свое исследование о содержании понятия Отечества, его места и роли в системе ценностей Т.А. Чикаева строит на четырех методологических подходах: пространственно-политическом, витальном, конструктивистском и духовно-нравственном.

1. *Пространственно-политический подход* позволяет рассматривать Отечество как географическое пространство, объединённое политической организацией, требующее высокого развития политической культуры, то есть государства, «как совокупность всех форм политической организации на определённой территории», «Отечество требует определённого, достаточно

¹³⁵ Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под общ. Ред. А.И. Зайцева. – СПб., Алетейя, 2001. – 480 с. – С. 46.

¹³⁶ Чикаева Т.А. Осмысление русской культурной идентичности как путь сохранения и развития русской нации: монография / Т.А. Чикаева. – М.: ИЭАУ, 2009. – 156 с.; Ее же. Родина или Отечество: разграничение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2017. – № 1. – С. 90–99; Ее же. Родина и Отечество. Функции Отечества // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы V Международной научной конференции, Москва, 23 апреля 2021 года. – М.: Учреждение высшего образования «Московский художественно-промышленный институт», 2021. – С. 46–52; Ее же. Русское и западное понимание того, что есть Родина // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2023. – № 33. – С. 38–41; Ее же. Родина. Отечество. Государство // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы III Международной научной конференции, Москва, 19 апреля 2019 года. – М.: Учреждение высшего образования «Московский художественно-промышленный институт», 2019. – С. 43–50; Ее же. «Отечество» как философская категория // Вестник Омского университета. – 2018. – Т. 23, № 2. – С. 105–111; Ее же. Философское понимание Отечества: монография / Чикаева Т.А. – М.: МХПИ, 2022. – 124 с. – С. 8.

высокого развития политической культуры личности и общества»¹³⁷.

2. Используя *витальный подход*, Т.А. Чикаева определяет «Отечество» как витальный субъект, рассматривает его как «живое существо», «реальный субъект», «особую личность», который обладает набором соответствующих характеристик и имеет соответствующие качества: гендерные, возрастные, поведенческие и др. Данный подход оформился еще в древнем мире в становлении «мифа о священном браке Матери-Земли и Великого Отца». Архетип «Отец», с маскулинными качествами является основой понимания «сущности Отечества». Следовательно, Отечество представляется как мужское и активное начало, активно участвующее в жизни общества и передаче ценностей¹³⁸.

3. *Конструктивистский подход* отрицает существование субъекта и объекта «Отечества», которое, согласно данному подходу, вводится заинтересованными социальными группами для управления обществом¹³⁹.

4. *Духовно-нравственный метод* объединяет концепции, рассматривающие Отечество как духовную категорию, обладающую положительной нравственной ценностью, и позволяет, по мнению Т.А. Чикаевой, сторонникам данного подхода получить целостное, всестороннее понимание категории «Отечество», которое не есть совокупность материальных или социальных объектов, процессов и действий людей и социальных групп. Она соглашается с Ю.А. Ждановым, утверждавшем, что «Отечество» – это эволюционирующие духовные ценности, находящиеся в центре особой цивилизации. Разделяет мнение Н.И. Губанова, что для правильного определения дефиниции категории «Отечества» необходимо учитывать и духовно-нравственные ценности и путем их реализации различными людьми или социальными группами¹⁴⁰.

Т.А. Чикаева указывает на важность духовно-нравственного метода в онтологически-аксиологическом исследовании сущности Отечества, не учитываемых в других подходах. В итоге она приходит к выводу, что «под

¹³⁷ Указ. соч. Чикаева Т. А. Философское понимание Отечества: монография. – С. 11–14.

¹³⁸ Там же. – С. 14–16.

¹³⁹ Там же. – С. 16–18.

¹⁴⁰ Там же. – С. 18–23.

Отечеством следует понимать всё, что было создано предками и передано на хранение потомкам. Это пространство, которое получило культурное оформление, земля, страна, которая была устроена согласно системе духовно-нравственных ценностей народа, которая стала местом приложения их усилий по созданию и развитию собственного организованного бытия, это условие для сохранения и развития народа, его культуры. Отеческое наследие – понятие наиболее широкое, здесь нет идеологических, политических, экономических или иных ограничений»¹⁴¹.

Далее Т.А. Чикаева приходит к выводу, что Отечество представляет собой соединение созидательной и духовной активности индивида, направленной на преобразование естественной природной и социальной среды, ее упорядоченностью и управлением с Родиной, которая выступает в качестве духовной ценности, святыни, существующей объективно и выполняющей роль порождающего начала¹⁴².

Исследуя жанр военно-патриотической песни, со всей очевидностью подтверждается базовый постулат о диалектической природе русского народа. Он выступает одновременно и продуктом своего Отечества, что лаконично и точно зафиксировано в строке («Дети русской мы земли»¹⁴³), и его креативной, созидательной силой. Данный творческий потенциал нации находит свое полномасштабное воплощение во всей системе национальной культуры: в поэтическом эпосе, в фольклорных сказочных нарративах, в классической и современной прозе, и, что существенно для нашего анализа, в песенно-музыкальном творчестве, выполняющем важнейшую социально-консолидирующую функцию.

В настоящем исследовании рассматриваются песенные памятники – песни солдат русской армии XVII – начала XXI вв., в текстовой ткани которых кристаллизовалось отношение воинства к Отечеству как к высшей духовной

¹⁴¹ Там же. – С. 18–19.

¹⁴² Указ. соч. Чикаева Т.А. «Отечество» как философская категория. – С. 109.

¹⁴³ Мякушин Н.Г. Сборник уральских казачьих песен: 162 песни и 18 стихотворений Урал. и др. казачьих войск / Собр. и изд. Н.Г. Мякушин. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890. – XVIII, – 289 с. – С. 100.

ценности. Сущность этой ценности складывалась из основополагающих элементов: родного языка, православной веры, образа родной земли, а также института семьи и прочих устоев национально-культурной идентичности.

Отечество неотделимо от своей столицы – исторического центра. Юрий Долгорукий, стремясь создать сильную и крепкую Русь, заложил основу для объединения русских земель, центром которого стала Москва¹⁴⁴.

«Что тогда-де Москва основалася.

И с тех пор великая слава»¹⁴⁵.

Значимость Москвы для русских земель, раздробленных и ослабленных монгольским нашествием, была усилена её статусом церковного центра Руси с переносом митрополичьей кафедры в 1325 г. Согласно концепции «Москва – Третий Рим», Москва осмысливалась как преемница Рима и Константинополя, а значит – как единственный и вечный центр православного мира

Москва, до революционных событий 1917 г., являлась духовным центром Российской империи, что наглядно выражалось в исключительной концентрации храмов и церквей. По данным историков, в городе к началу XX в. насчитывалось более тысячи православных храмов, часовен и монастырей. Эта уникальная плотность закрепила за столицей метафорическое название «город сорока сороков» – гиперболический образ, отражающий неисчислимое множество церковных глав. Другим широко известным эпитетом было «Златоглавая», обусловленным практикой покрытия куполов сусальным золотом, что создавало эффект сияния. Таким образом, дореволюционная Москва, с её доминирующим силуэтом из сверкающих куполов и крестов, визуальное и символически олицетворяла эстетическое величие, духовную мощь и центральное значение православной веры в национальной идентичности.

Есть получше, есть покраше, распрекрасна жизнь – Москва,

Распрекрасная Москва – в голова.

¹⁴⁴ Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения: в 2 кн. / С. О. Шмидт. М.: Книжница: Русский путь, 2013. – Кн. 1. – 2013. – 575 с. – С. 8.

¹⁴⁵ Указ. соч. Исторические песни: [Сборник]. Взятие Казанского Царства. – С. 95.

Всему свету голова – все земельки собрала!»¹⁴⁶.

«Что крута гора – то каменна Москва;

Бел-горюч камень – то наш Кремль-город;

А ракивов куст – то кремлевский дворец»¹⁴⁷.

В народных песнях Москву с любовью ласково называют «матушкой», возвышают ее значимость по сравнению с другими городами:

«По прозваньицу матушка Москва.

Всем губеренкам Москва красота»¹⁴⁸.

Об этом пели солдаты в ходе Семилетней войны во времена правления Императрицы Елизаветы Петровны:

«Не быть тебе, собаке, во каменной нашей Москве,

И не видать тебе, собаке, золотых крестов церквей»¹⁴⁹.

Упоминание о «золотых крестах церквей» Москвы аккумулирует в себе глубинный смысл восприятия Москвы, как политического, экономического и духовного центра, утрата которого была бы равносильна национальной катастрофе. Именно как катастрофу воспринимали во время Отечественной войны 1812 г. разорение и сожжение Москвы:

«Он стрелял-палил в матушку Москву.

Оттого Москва загорелася,

Мать сыра земля потрясалася,

Все божьи церкви развалилися,

Златы маковки покатилися»¹⁵⁰.

«Бонапарт-то, вот и он злодей наш,

Вот он ходит-гуляет,

По Москве он ходит-гуляет, –

Поразбил он, вот и разорил,

¹⁴⁶ Указ. соч. Исторические песни. – С. 277–278.

¹⁴⁷ Там же. – С. 277–278.

¹⁴⁸ Исторические песни XIX века / Подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин; Отв. ред. В. Г. Базанов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 283 с. – С. 51.

¹⁴⁹ Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О.Б. Алексеева, Л.И. Емельянов; Отв. ред. А.Д. Соймонов. Л., 1971. – 356 с. – С. 239.

¹⁵⁰ Указ. соч. Исторические песни. Как на горочке стояла. – С. 279.

Вот он, француз-варвар,
Разорил всю кременну Москву!»¹⁵¹.

Отдавая должное величию столицы империи, солдаты и офицеры сохраняли в сердце верность своему подлинному Отечеству – «матушке-России», демонстрируя беззаветную любовь к родной земле и глубокое, почти благоговейное восхищение ею. Военный историк А.А. Керсновский в труде «История русской армии» описывая события обороны Севастополя в 1854–1855 гг., приводит последние слова генерал-адъютанта, вице-адмирала В.А. Корнилова: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна. Благослови, Господи, Россию и Государя, спаси Севастополь и флот ...»¹⁵². Это патриотическое чувство, основанное на привязанности к почве, традициям и вере, являлось ключевым элементом морального духа войска.

«Наша матушка Россия –
Всему свету голова»¹⁵³.

Солдатская песня «Убить полковникъ», написанная во время Северной войны в битве за крепость Шлиссельбург в 1702 г., повествует о гибели русского офицера, молодого полковника:

«Она взрыла-разметала грудь всю бѣлую,
Она вынула румянецъ изъ бѣла лица»¹⁵⁴,

Две строки песни создают яркую картину гибели командира и горечи солдат о прерванной жизни на самом взлете. В этих же словах звучит его последнее желание – быть похороненным по православному обычаю – и просьба передать близким, что он принял смерть достойно, сражаясь за Отечество.

«Отнесите мое тело во белой шатер,
Вы обмойте мое тело горячой слезой,
Положите мое тело в гробовы доски,

¹⁵¹ Там же. – С. 291, 292.

¹⁵² Керсновский А.А. История русской армии: в 4-х т. / коммент. С. Нелиповича Т. 2. – М.: Голос, 1993. – 333 с. – С. 133.

¹⁵³ Указ. соч. Путилов Б.Н. Исторические песни на Тереке. – С. 85.

¹⁵⁴ Киреевский П.В. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8. – М.: В Типографии П. Бахметева, 1870. – [2], IV, [6], 344, СХІХ, [1] с. – С. 148.

И предайте мое тело мать-сырой-земл.
 Отпишите потом, братцы, в дом мой грамотку,
 Чтобы знали, что я умер за отечество»¹⁵⁵.

Того же периода песня «Выступ войска» о славном храбреце, который оставляет свою семью, детей, но весел и не кручинится, храбрость ему придает осознание, что он:

«Исполняет волю царскую,
 Вооружается за веру он,
 Идет ратью за отечество»¹⁵⁶.

Отечественная война 1812 г. породила обширный корпус солдатского фольклора. Слава о французском императоре Наполеоне Бонапарте, чья Великая армия считалась непобедимой в Европе, докатилась до самых удалённых регионов Российской империи. Ощущение священного долга по защите Отечества и опора на ратные традиции предков позволили русской армии преодолеть страх перед грозным противником.

«Солдатушки, бравы ребятушки,
 Где же ваши деды?
 Наши деды – славные победы,
 Вот где наши деды!»¹⁵⁷

В народном сознании эта война воспринималась как справедливая, как борьба за родную землю, за Отечество и свободу. Общий боевой настрой и глубокая уверенность в своем полководце ярко выражены в обращении «князя Кутузова-генерала» к войскам накануне Бородинского сражения, которое было подхвачено и воспето солдатами:

«К нам под утро хотел быть, ребята, со всей ратью Бонопарт.
 За Россию, за царя, за веру нужно гостеньку принять.
 Как на поле славном Бородинском поплотней дружка обнять!»¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Указ. соч. Киреевский П.В. Песни, собранные П. В. Киреевским. – С. 148.

¹⁵⁶ Та же. – С. 81.

¹⁵⁷ Солдатушки, бравы ребятушки [Электронный ресурс] / URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=soldatu1> (дата обращения: 16.08.2024).

¹⁵⁸ Указ. соч. Исторические песни XIX века. – С. 49, 50

Как явствует из текста данного произведения, военный девиз «За Веру, Царя и Отечество» уже бытовал в российской военной среде к моменту его создания.

В Отечественной войне 1812 г. принимали участие не только войска регулярной армии, но и казачьи формирования. Песни казаков очень реалистичны, как и большая часть солдатского фольклора, правдоподобны, их можно считать неким комплексом источников, отражающим реалии солдатской жизни. В.Г. Белинский считал, что песни донских казаков можно причислить к числу исторических, «в них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгулье нашли себе гнездо широкое и привольное...»¹⁵⁹.

Донские казачьи песни наполнены патриотизмом, любовью казака к своей матери-родине и к родному Тихому Дону. И как «славный храбрец» из песни петровских времен, на войну идет исполнять свой священный долг по защите Отчизны, а «для казака смерть за свою православную веру, за Родину не подвиг, а – венец всей жизни... Казак олицетворял в себе не жизнь тела, а жизнь души, вобравши в себя Веру, Честь и Совесть. Убить его физически не означало убить его душу и сознание, а изменить взгляды на противоположные означало убить его душу при живом теле»¹⁶⁰. Атаман М.И. Платов, уверенный в своих казаках, обращается к ним с призывом послужить России как служили их деды и отцы:

«Ой, да послужить вот вы, мои дети,

Как деды, деды, ваши отцы,

Послужите вы нашей России,

Кремненной-то матушке Москве!»¹⁶¹.

В песнях казаков мы слышим обращение к своей земле, к Дону, к его берегам, как к живым существам. В песне «Ой да, вот и, что не черничка в поле

¹⁵⁹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии, 1841–1844. – М., 1954. Т. V. – 863 с. – С. 471.

¹⁶⁰ Казачество – составная часть русского народа / Выступление Верховного атамана Союза казаков России П.Ф. Задорожного на конференции «Православие духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения» (г. Ставрополь, 16.08.2011) [Электронный ресурс] / URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2011/09/21/kazachestvo_sostavnaya_chast_russkogo_naroda/ (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁶¹ Игнатов В.И. Русские исторические песни. Хрестоматия. – М.: «Высшая школа», 1970. – 225 с. – С. 218.

зачернелася»¹⁶² описывается донская земля после войны, казак обращается к земле не иначе как «полюшка», «земелюшка» и плачет, что она распахана копытами, а не боронами, и засеяна она не семенами, а казацкими головами, и живут на Дону сейчас вдовы и сироты.

Примечательно, как казаки ласково и с уважением обращаются в своих песнях к Дону – «Славный Тихий Дон», «Дон-батюшка», «Дон Иванович», «Доночек», «государь Дон». Дон как ни одна река России воспет в устной народной лирике. В казачьих песнях образ Дона символизирует силу, мощь и свободу.

В казачьей культуре Дон и земля наделяются гендерными характеристиками: Дон олицетворяет мужскую силу, а земля – женское начало. Согласно витальному подходу, наделение природных объектов «живыми» чертами формирует архетипические образы «Дона-батюшки» и «земли-матушки». Они воспринимаются как родители, даровавшие жизнь и воспитавшие казака, что накладывает на него обязательство по их защите. В этом контексте война воспринимается не просто как внешняя угроза, а как трагическое осквернение родного дома, причиняющее казаку глубокую душевную боль.

Первая мировая война (1914–1918), которую многие западные мыслители именовали «великой войной», стала рефлексивным полем традиционной русской философии¹⁶³, в пространстве которой она и получила свое идейное завершение.

Войну, как правило, инициируют властные структуры, однако её осуществление ложится на плечи офицеров и солдат, через стихи, песни и

¹⁶² Листопадов А.М. Песни донских казаков в 5 т. Т. 1. Ч. 2. / Под общей редакцией Г. Сердюченко. – М.: Музгиз, 1949. – 479 с. – С. 395.

¹⁶³ Соловьев В.С. Смысл войны // Русские философы о войне / [сост. И.С. Даниленко]. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005 (Киров: Дом печати - Вятка). – 495 с. – С. 25–57; Его же. Три разговора о войне, прогрессе ... // Русские философы о войне / [сост. И.С. Даниленко]. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005 (Киров: Дом печати - Вятка). – 495 с. С. 58–207; Трубецкой Е.Н. Смысл войны: Вып. 1 / Кн. Евгений Трубецкой. – М.: Путь, 1914. – 18. Вып. 1. – 1914. – 46 с.; Его же. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. – С. 88–111; Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797–826.; Его же. Духовный смысл войны. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 48 с.; Булгаков С.Н. Русские думы // Антология журнала «Русская Мысль» (1910–1918): философия и политика / Составление М.А. Колерова; Предисловие М.А. Колерова. – Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта (БФУ), 2024. – 468–477; Война и русское самосознание: Война и русское самосознание: (Публ. лекция) / Сергей Булгаков. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 59 с.; Эрн В.Ф. Сочинения [сост., подгот. текста Н.В. Котрелева, Е.В. Антоновой; вступ. ст. Ю. Шеррер; примеч. В. И. Кейдана, Е. В. Антоновой; Журн. «Вопросы философии» и др.]. – М.: Правда, 1991. – 575 с.; Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. – С. 125–132; Бердяев Н.А. Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России / Николай Бердяев; [Послесл. К. Ковалева]. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.; Его же. Война и кризис интеллигентского сознания // Бердяев Н.А. Судьба России; [Послесл. К. Ковалева]. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.; Его же. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // Война и кризис национального сознания. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров. 1918. – 240 с.

частушки, выражающих своё «народное» мировоззрение. Важнейшими темами народного творчества стали патриотизм и защита Родины от врага. В песнях, маршах и частушках ярко отражались взгляды народа на войну и всеобщую мобилизацию, а также отношение солдат к командирам, генералам и правительству¹⁶⁴.

В первоначальный период войны в многочисленных частушках звучала бравада перед опасностями:

«Засосало сердце больно, не берут нас на войну.

Мне ли слюни распушшать, будем делу помогать:

День и ночь сверлить гранатки, нынче нам всерьез велят»¹⁶⁵.

Ситуация на фронтах Первой мировой войны в конце 1916 г. претерпела кардинальные изменения. Нарастающее влияние политических партий на массовое сознание, усугубляемое огромными человеческими потерями, привело к повсеместному росту недовольства затяжной войной. В период с 1914 по 1917 гг. в народном самосознании произошла коренная переоценка не только «Великой войны», но и войны как социального феномена в целом. Не только изменились взгляды русского народа на Первую Мировую войну с оптимистических на пессимистические. Ценность Мира, включавшего в себя достоинство и самосохранение народа, стала выше, чем ценность войны. Война как ментальный феномен стала бессмысленной, абсурдной, абсолютно негативной оценкой. В народе стали говорить, что война выгодна врагам, война стала пониматься как тяжкое, опасное бремя для народа и ценность императора России, как энтузиаста этой войны, стала оцениваться отрицательно, поскольку царь повел народ на гибель. Народ осознал, что Россия попала в глубокий кризис всего жизненного мира страны. Как утверждает Т.А. Чикаева: «В истории и современности России присутствует рациональное и иррациональное разделение Отечества и государства в сознании людей, что проявляется в противоположном отношении к ним.

¹⁶⁴ Урюпина М.А. О чем поют солдаты // Творчество во имя Победы: культура и искусство в годы Великой Отечественной войны: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 25 апреля 2025 года. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2025. – С. 100–113. – С. 111.

¹⁶⁵ Глинский Б.Б. Современная война в русской поэзии: Вып. [1]-[2] / [Сост.] Б. Глинский. – Петроград: тип. т-ва А.С. Суворина, 1915. – 277 с. – С. 256.

Необходимо уточнить, что развитие государства может являться признаком развития Отечества, а слабость государства способна привести к деформации образов Отечества, затруднению обретения человеком Отечества и Родины в духовно-нравственном акте»¹⁶⁶. Думается, что на заключительном этапе войны революция, как способ выхода из кризиса, стала всеобщей необходимостью.

Выводы параграфа 2.1.

В данном параграфе анализируются солдатские песни, казачьи, в которых проявляется становление триады «Вера, Царь и Отечество» как важной составляющей русской национальной идентичности. Анализ песен позволил выявить связь верности монарху, как представителя Бога на земле и любви к Отечеству, как наследию предков. Солдатские, казачьи песни являются не только хроникой исторических событий, но и отражением их духовного мира, убеждений и ценностей, основанного на тесной связи между религиозными и государственными ценностями. Вера в мудрость и силу царя, любовь к Родине являлись мощным стимулом для мужества и стойкости в защите национальных интересов. Анализ данного аспекта русской культуры позволил углубить понимание истоков русского патриотизма и духовной силы, оказавших значительное воздействие на историческое развитие России, предопределив ее дальнейшую судьбу.

Начиная с древности российская военно-патриотическая песня с ее квинтэссенцией этики и аксиологии, стремилась формировать у слушателей конкретные ценности: доблесть, товарищество, милосердие к поверженному врагу, верность присяге, готовность к самопожертвованию, стремление к миру и др., что явилось кодексом поведения, определявшим моральный облик русского воина.

Таким образом, важно отметить как исследование солдатских, казачьих песен романовской эпохи позволило реконструировать мировоззрение воинов и выявить глубинные связи между культурой, идеологией и военным делом. Исследование

¹⁶⁶ Указ. соч. Чикаева Т.А. Осмысление русской культурной идентичности как путь сохранения и развития русской нации. – 156 с.

песни в историческом срезе позволило выявить эту взаимосвязь, которая является определяющим фактором в формировании сильной и боеспособной армии, способной защитить национальные интересы и обеспечить безопасность государства.

2.2. Этико-аксиологическое содержание советской военно-патриотической песни как необходимого этапа развития духовной самобытности России¹⁶⁷

Во время Первой мировой войны в России случились Февральская буржуазная революция, Октябрьская социалистическая революция, которая вылилась в кровопролитную гражданскую войну. Эти катаклизмы были вызваны многими причинами, в том числе, по Бердяеву, в самом русском народе, который он описывает как «народ, искавший нездешнего царства правды», разочарованном в «огромном государстве-империи», созданном через страшные жертвы, но не имевшем правды¹⁶⁸.

Размышляя об истоках русского коммунизма, Н.А. Бердяев вспоминает В.Г. Белинского, как одного из людей «революционного темперамента», как «предшественника большевистской морали». Бердяев считал, что Белинский являлся центральной фигурой в истории русской мысли и самосознания XIX в., он один из предшественников, поставленных «в идейную генеалогию русского коммунизма», его социальные взгляды и моральное сознание делает его близким к коммунизму. Между становлением В.Г. Белинского как «революционера, атеиста и социалиста» можно провести параллель с изменениями в народном сознании. Белинский «из сострадания к человеку, из бунта против общего (идеи, разума, духа, Бога), давившего живого человека», делается социалистом. Атеистом, по мнению Н.А. Бердяева, Белинский становится из-за «сострадания к людям, невозможностью примириться с идеей Бога в виду непомерного зла и страданий

¹⁶⁷ Изложенные в этом параграфе материалы, посвященные песне как духовному феномену, частично рассмотрены и опубликованы в совместной статье с П.Е. Бойко: Бойко П.Е. Песня как духовный феномен (на материалах отечественной военной песни): культурно-философский анализ / П.Е. Бойко, М.А. Урюпина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2026. – № 1(57). – С. 108-125.

¹⁶⁸ Указ. соч. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 15.

жизни». В.Г. Белинский разрывает с отвлеченным идеализмом и переходит к конкретной действительности, проникаясь «Маратовской любовью» к человечеству, проявляющуюся в тиранстве, жестокости и необходимости крови. Согласно его взглядам, счастье большинства строится на снесенных головах сотен тысяч. Н.А. Бердяев называет В.Г. Белинского «предшественником большевистской морали» из-за его убежденности в глупости людей, которых нужно вести насильно к их собственному счастью, из-за необходимости тирании ради справедливости, склонности Виссариона Григорьевича к диктатуре и веры в будущее без богатых и бедных¹⁶⁹. Эти идеи озвучены в международном пролетарском гимне «Интернационал» и официальном гимне РСФСР (1918–1944), СССР (1922–1944):

«Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И смертный бой вести готов.
Весь мир насилия мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, –
Кто был ничем, тот станет всем».

Н.А. Бердяев размышляя о русском народе, описывал его противоречивость, обусловленную всей историей русского государства и «вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа». Оставаясь народом государственным, вместе с тем был «народом, из которого постоянно выходила вольница, вольное казачество, бунты Стеньки Разина и Пугачева...»¹⁷⁰.

Все социальные конфликты начала XX в¹⁷¹, образование и действие политических партий, каждая из которых имела свой взгляд на будущее России,

¹⁶⁹ Там же. – С. 32–35.

¹⁷⁰ Там же. – С. 15.

¹⁷¹ Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?-1922?) // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 3–24.

«постепенно настолько дестабилизировали внутреннюю ситуацию в стране, что точка невозврата оказалась пройденной»¹⁷². В сознании народа зрело смятение и разочарование в монархии, прошлых идеалах, в нем пробудился «дух вольницы». Результатом данных изменений стали революции и гражданская война.

Гимном восставших революционеров и защитников коммунистического движения стала песня Л.П. Радина «Смело, товарищи, в ногу!»:

«Смело, товарищи, в ногу!

Духом окрепнув в борьбе,

В царство свободы дорогу

Грудью проложим себе».

Неудачи на полях сражений Первой мировой войны, сложные бытовые условия, а также активная деятельность различных политических партий, в том числе большевиков, работавших под ленинским лозунгом «превратить империалистическую войну в гражданскую»¹⁷³ и призывами к поражению своего правительства привели к росту в армии антивоенных настроений. Большевики вели очень активную работу в этом направлении, что подтверждается словами генерал-лейтенанта А.И. Деникина¹⁷⁴. Итогом работы большевиков стало создание 25 октября (7 ноября) 1917 г. Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), в январе 1918 г. созданием рабоче-крестьянской армии¹⁷⁵. Летом того же года распалась коалиция большевиков и левых эсеров и произошло установление монополии власти Рабоче-крестьянской партии (большевиков) (РКП(б)) под руководством В.И. Ленина. Большая заслуга в создании и сплочении воинских рядов принадлежит пропагандистам, которые вывели работу с личным составом на качественно новый уровень, заменив «выдачу обещаний на будущее» и указаниями на то, что «будет сделано впереди» на

¹⁷² Стожко Д. К. Гражданская война как политический феномен (к 100-летию начала Гражданской войны в России) // Век глобализации. – 2018. – № 4(28). – С. 125–136.

¹⁷³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Изд. 5. Издательство политической литературы. – М.: 1969. Т. 26. Июль 1914 – август 1915. – 590 с. – С. 289.

¹⁷⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. – Минск, Харвест, 2002. В 5 т. Т. 2. – 400 с. – С. 144–145.

¹⁷⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Изд. 5. Издательство политической литературы М.: 1974. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. – 600 с. – С. 472.

«фактически, что сделано властью для трудящихся масс»¹⁷⁶.

Осознавая уязвимость нового государственного строя, правительство во главе с В.И. Лениным сосредоточило усилия на создании боеспособной армии, способной защитить интересы страны в условиях внешней и внутренней угрозы. Эти меры оказались эффективными: ряды Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) постоянно пополнялись добровольцами, обладавшими высокой идеологической мотивацией. Настроения бойцов и их понимание целей борьбы нашли отражение в солдатских песнях того времени:

«Мы долго голодали
По милости царей,
И слезы мы глотали
Под тяжестью цепей.
Настало время, братья,
Всех палачей разбить,
Чтоб старый мир проклятый
Не смог нас задушить».

Было в среде военных абсолютное понимание, что кроме внутренних врагов, есть внешние силы, нацеленные на уничтожение молодого социалистического государства и возврата старых порядков. Песня «Белая Армия, черный барон» пелась красноармейцами, как осознанный протест против внешнего вмешательства в жизнь российского народа и осознанного выбора в пользу страны рабочих и крестьян, невзирая на возможные жертвы.

«Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее».

30 декабря 1922 г. образовалось новое государство – Союз Советских Социалистических Республик (СССР). За чуть более 20 лет, с 1917 г. до 1941 г.,

¹⁷⁶ Посвятенко О.Н. Пропаганда в войсках Красной армии в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Клио. – 2012. – № 2(62). – С. 120–122. – С. 120.

произошел серьезный подъем во всех областях и сферах жизни общества, что было отмечено И.В. Сталиным: «За эти два десятилетия мирного строительства возникли в нашей стране социалистическая промышленность и колхозное сельское хозяйство, расцвели наука и культура, окрепли дружба народов нашей страны»¹⁷⁷. Кроме экономических успехов, советская власть взрастила новое поколение стойких, истинных детей своего Отечества. Методологической базой послужил труд-размышление А.И. Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества»¹⁷⁸.

Рабское положение крестьян и рабочих в Российской империи, их жизнь как «тяглового скота»¹⁷⁹ большевики использовали в качестве главного аргумента в деле свержения монархии и буржуазии и установления крепкой советской власти. Идеологическим обоснованием необходимости установления диктатуры пролетариата и крестьянства выступали фундаментальные принципы: политическая свобода, социальная справедливость и экономическое равенство. Как отмечал В.И. Ленин, «диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить ... их сопротивление надо сломить силой»¹⁸⁰. Эта целевая установка нашла своё прямое отражение в выборе государственного гимна: им стал «Интернационал» — гимн международного социалистического движения, чей текст, созданный Эженом Потье, содержит прямой призыв:

«Вставай, проклятьем заклеймённый,

Весь мир голодных и рабов!

Кипит наш разум возмущённый

И в смертный бой вести готов.

Весь мир насилия мы разрушим

До основанья, а затем

¹⁷⁷ Приказ НКО СССР от 23.02.1942 N 55 «О праздновании XXIV-й годовщины Красной Армии» [Электронный ресурс] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48199#cqboATUiEXNMBeJm1> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁷⁸ Радищев А.Н. Беседа о том, что есть сын отечества / Полное собрание сочинений в 3-х т. Т. 1 / Акад. наук. СССР. Ин-т литературы. (Пушкинский дом); Под ред. Г.А. Гуковского, В.А. Десницкого. — М.-Л: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — 503 с. — С. 213–224.

¹⁷⁹ Указ. соч. Радищев А.Н. Беседа о том, что есть сын отечества. — С. 215.

¹⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Изд. 5. Издательство политической литературы. — М.: 1969. Т. 33. — 433 с. — С. 89.

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем – тот станет всем!».

Призывы в «Беседе» Радищева к совести, к благодетелию, к любви, к чистоте, к человеколюбию, к благородству своих соотечественников и обоснование им необходимости воспитания сильной, нравственно чистой личности, как главного инструмента в борьбе за светлое коммунистическое будущее были реализованы большевиками в конкретных программах по воспитанию «нового человека», истинного сына Отечества. Для стремительного развития страны вперед А.В. Луначарский считал необходимым повышать культурный уровень масс, т.е. повышать знания и умения человека. Но для улучшения человека надо изменить к лучшему среду, используя методы пропаганды, агитации и воспитательной работы. Целью социализма должно стать «царство самоопределения человека – не индивидуального, а коллективного человека» – «*организация человеческих воль*»¹⁸¹.

Успешное развитие экономики, укрепление обороноспособности и консолидация общества на основе социалистических идеалов позволили СССР выстоять перед лицом военной агрессии нацистской Германии. Перед государством и его населением были поставлены масштабные задачи: организация эвакуации промышленных объектов, культурных учреждений и гражданского населения в восточные регионы, их последующее развертывание и интеграция в новую инфраструктуру, а также максимально оперативное восстановление производственных мощностей для обеспечения потребностей фронта. Это всегда было очевидно для полководцев русской армии, которые осознавали важность изучения «душевных явлений с военной точки зрения»¹⁸² и закладывали основы этого направления.

С древнейших времен мыслители человечества уделяли пристальное внимание проблеме воздействия музыки на сознание индивида. Они исследовали ее способность пробуждать патриотические чувства и рассматривали ее как мощный инструмент воспитания подрастающего поколения, «служить предметом

¹⁸¹ Луначарский А.В. Воспитание нового человека [Электронный ресурс] / URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/vospitanie-novogo-cheloveka/> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁸² Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. – 382 с. – С. 4.

воспитания для молодежи»¹⁸³ и «производить свое действие на нравы и душу»¹⁸⁴. Иначе говоря, способна ли музыка и военная песня влиять на воспитание в молодом поколении и укреплении в нем в течение всей жизни любви и преданности родине, к соотечественникам, способности отстаивать ценности и традиции своего народа, испытывать гордость за прошлое и настоящее своей страны, осознание своего единства с Родиной и «неотъемлемое переживание вместе с ней её счастливых и её несчастных дней» (А.Н. Толстой).

Проблема влияния инструментальной музыки и пения на развитие духовной природы человека и как главного средства нравственного воспитания гражданина и воина в частности рассматривалась еще в древности¹⁸⁵.

Великие философы Античности – Платон и Аристотель рассматривали музыку как важнейшее средство воздействия на нравственный мир человека, способное исправить и воспитать характер, создать определенную психологическую настроенность личности. Музыка способна передавать движение, которое, как мыслили греки, является внешним проявлением характера. Изменив характер движения, то есть изменив музыкальные звуки при помощи инструментов, ритма и ладов, можно создавать различную настроенность человеческой психики и таким образом влиять на воспитание человеческого характера¹⁸⁶.

В работе «Политика или государство» Платон указывает на «... заботливое преподавание юношам музыки весьма много способствует к образованию их душ»¹⁸⁷. Афинянин в диалоге с Клинием, описанном Платоном, говорит о хороводных плясовых подражаниях юношей и девушек богине Деве-Владычице, исполнявшей свою пляску в полном вооружении, ради военных надобностей и эти состязания полезны и в мирное время, и во время войны как для государства, так и

¹⁸³ Указ. соч. Аристотель. Том 4. – С. 635.

¹⁸⁴ Там же. – С. 636.

¹⁸⁵ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. – СПб.: Алетейя, 1995. – 334 с.; Чупраков К.С. Военная музыка как фактор формирования духовного мира военнослужащего современной Российской армии: дис. ... канд. философ. Наук: 5.7.7. / Чупраков Кирилл Сергеевич. – М., 2023. – 173 с.; Хмелевский С.В. Национальная военная музыка России как фактор патриотического воспитания // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 143–150.

¹⁸⁶ Античная музыкальная эстетика / Вступ. очерк и собрание текстов проф. А.Ф. Лосева; [Предисл. и общ. ред. В.П. Шестакова]. – М.: Музгиз, 1960 [суперобл.: 1961]. – 304 с. – С. 8.

¹⁸⁷ Платон. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым. – 2-е изд., испр. и доп. Ч. 3. – СПб: тип. духовный жур-нал «Странник», 1863. – 538 с. – С. 146.

в частном быту¹⁸⁸.

Ученик Платона Аристотель в своих работах также уделял музыке много внимания, но, в отличие от учителя, он ценил в ней больше способность влиять на нравственное воспитание человека и ценил в музыке ее нравственно-воспитательное значение. Он утверждал, что «изучающий музыку изменяет, может быть, в некотором отношении свою душу»¹⁸⁹.

Древнеримский философ Марк Туллий Цицерон «... в течение всей своей жизни пытался выработать систему образования и воспитания высоконравственного человека и настоящего гражданина»¹⁹⁰ и в поиске решения этого вопроса обращается к трудам Платона. В диалоге «О законах» он соглашается с мнением Платона, что «... ничто не действует с такой легкостью на нежные и нестойкие умы, как разнообразные звуки музыки, и даже трудно сказать, как велика их власть и в хорошую, и в дурную сторону. Ведь музыка и пробуждает бездеятельных, и успокаивает возбужденных людей, и то приносит умиротворение, то придает мужество»¹⁹¹.

К числу ученых, уделявших серьезное внимание изучению музыки, ритма, песен были: Аристид Квинтилиан (конец II – начало IV в. н. э.¹⁹², Луций Анней Сенека (около 4 г. до н.э. – 65 г. н.э.)¹⁹³, Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (ок. 480 – 524/526)¹⁹⁴, Исидор Севильский (560/570 – ок. 600/636)¹⁹⁵, Беда

¹⁸⁸ Указ. соч. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. – С. 247.

¹⁸⁹ Указ. соч. Аристотель. Т. 2. – С. 253.

¹⁹⁰ Волкова Я.А. Тема воспитания гражданина в сочинениях Цицерона // *Nurpothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры*. – 2017. – № 1. – С. 44-58. – С. 46.

¹⁹¹ Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве. О законах: [Пер. с лат.] / Изд. подгот. И. Н. Веселовский [и др.]. – М.: Наука, 1966. – 224 с. – С. 122, 123.

¹⁹² Петров В.В. Искусство, наука и пайдейя в «О музыке» Аристида Квинтилиана // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 935–965; Лямкина Н.В. Аристид Квинтилиан о музыке, II 1-5 / Н.В. Лямкина, Т.Г. Мякин // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. – 2012. – Т. 6, № 1. – С. 144–156.

¹⁹³ Сенека Луций Анней. Философские трактаты / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. – СПб.: Алетея, 2001. – 400 с. – С. 124, 156.

¹⁹⁴ Лебедев С.Н. О методе и стиле раннего Боэция (на материале «Музыки» и «Арифметики») // *Научный вестник Московской консерватории*. – 2011. – № 3. – С. 24-39; Шестаков В.П. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения / Сост. текстов и общая вступ. статья [с. 5-92] В. П. Шестакова. – М.: Музыка, 1966. – 574 с.

¹⁹⁵ Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В XX книгах. – Кн. I–III: Семь свободных искусств / Пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л. А. Харитоновой. СПб.: Евразия, 2006. – 352 с. – С. 131, 132.

Достопочтенный (672 – 735)¹⁹⁶, Иоанн де Грохео (XIII в.)¹⁹⁷, Филипп де Витри (1291 – 1361)¹⁹⁸, Джозефо Царлино (31.1.1517– 4.2.1590)¹⁹⁹, Рене Декарт (1596 – 1650)²⁰⁰ и др.

О значении морального фактора на войне писали военачальники. К. Клаузевиц указывал на приоритет моральных величин в войне, определяющих волю и управление материальными силами²⁰¹. Б.Л. Монтгомери подчеркивал значимость подготовки войск, руководства и боевого духа, определяющих победу на уровне солдата²⁰². Согласно Ф. Фошу, человек и его моральные качества являются ключевым элементом в военной стратегии, превосходя материальные аспекты²⁰³.

При разработке плана действий в условиях войны советским правительством и военачальниками был учтен факт воздействия музыки и искусства в целом на сознание, моральный дух людей. Учитывая опыт прошлых войн, советское правительство в июне 1941 г. оперативно инициировало комплекс организационно-мобилизационных мер. Их целью было полномасштабное вовлечение творческой интеллигенции – композиторов, писателей, художников, кинематографистов – в идеологическую и культурную борьбу против немецко-фашистских оккупантов, вторгшихся на территорию СССР 22 июня 1941 г.

23 июня 1941 г. на расширенном IV Пленуме ЦК Союза работников искусств было принято постановление, которое касалось художественного обслуживания действующей Красной Армии, Военно-Морского Флота и всего населения

¹⁹⁶ Шестаков В.П. От этоса к аффекту: История муз. эстетики от античности до XVIII в. – М.: Музыка, 1975. – 351 с. – С. 101, 102.

¹⁹⁷ Шестаков В.П. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения / Сост. текстов и общая вступ. статья [с. 5-92] В. П. Шестакова. – М.: Музыка, 1966. – 574 с.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Холопов Ю.Н. Теория музыки времени Палестрины: о трактате Дж. Царлино «Установления гармонии» / Ю.Н. Холопов, Р.Л. Поспелова // Русская книга о Палестрине: К 400-летию со дня смерти. – М.: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 2002. – С. 32–53.

²⁰⁰ Маковецкая М.В., Селиверстова Н.А. Основные стратегии концептуализации музыкального значения // Философская мысль. 2022. № 1. С. 1-12. [Электронный ресурс] / URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37412 (дата обращения: 04.08.2024); Указ. соч. Шестаков В.П. От этоса к аффекту. История музыкальной эстетики от античности до XVIII в. Исследование. – 351 с.

²⁰¹ Клаузевиц К. О войне / К. Клаузевиц; пер. с нем. А. Рачинского; [вступ. ст. В. Н. Лобова, с. 8-22]. – М.: Логос: Наука, [199?]. – 446 с.

²⁰² Монтгомери Б.Л. Краткая история военных сражений. A concise history of warfare: A concise history of warfare: [пер. с англ.] / Бернард Лоу Монтгомери. – М.: Центрполиграф, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 459 с. – С. 13.

²⁰³ Foch F. (1920). Principles of War. Translated by J. de Morinni. New York: H. K. Fly Company. – P. 426.

СССР²⁰⁴. Герой романа Константина Федина «Костер» отмечает роль поэта на войне: «Война повышает требования к каждому человеку, стало быть и к поэту тоже. Не каким-то служебным должно быть искусство в войну, но лишь самим собой. И разве только выше»²⁰⁵. Война была воспринята представителями культуры как общенациональное бедствие. В этот период их главной задачей стало укрепление обороноспособности страны и консолидация общества в борьбе с немецкой агрессией.

26 июня 1941 г. на Белорусском вокзале перед уходящими на фронт красноармейцами была исполнена песня «Священная война» (сл. В.И. Лебедева-Кумача, муз. А.В. Александрова), ставшая символом Великой Отечественной войны.

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идёт война народная,
Священная война».

Осенью 1941 г. фашистские войска стояли уже у стен Кремля, а с 15 октября 1941 г. по всесоюзному радио каждый день в 6 ч. утра после перезвона курантов звучала песня «Священная война», как призыв к концентрации сил, собранности, организованности народа и поднятия морального духа.

Уникальным событием в культурной жизни воюющей страны стала Седьмая симфония Д.Д. Шостаковича, написанная им в блокадном Ленинграде в 1941 г., названная А.А. Ахматовой «Ленинградской». Произведение Шостаковича посвящено борьбе советского народа с фашистской Германией, вере в победу и

²⁰⁴ Урюпина М. А. К вопросу о вкладе деятелей культуры в победу в Великой Отечественной войне / М. А. Урюпина // Идет война народная, Священная война!: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, Краснодар, 16–17 июня 2021 года. – Краснодар: КВВАУЛ, 2021. – С. 148.

²⁰⁵ Федин К.А. Костер / Роман-газета. – М.: Гослитиздат, №1(253). 1962. – 90 с. – С. 63.

родному Ленинграду. Мощь симфонии была колоссальной силы, она соразмерна героизму и величию духа советского народа. Исполнение симфонии в Большом зале Ленинградской филармонии, транслировавшийся по радио, ошеломило немцев, т.к. они думали, что город мертв, и заранее запланировали на этот день банкет в ресторане гостиницы «Астория». Сила духа ленинградцев, преодолевших страх, голод, холод и разруху, сильно деморализовала немцев и лишила их иллюзий о скорой победе над Советским Союзом. Еще английский философ Фрэнсис Бэкон писал: «Укрепленные города, полные оружием склады, породистые кони, вооруженные колесницы, слоны, осадные машины, всевозможные военные орудия и т.п. – все это, вместе взятое, есть не что иное, как овца, одетая в шкуру льва, если сам народ по своей природе и по своему характеру не является ни мужественным, ни воинственным. Более того, сама по себе численность войска окажет не слишком большую помощь там, где воины не годны для сражения и трусливы»²⁰⁶.

На фронтах Великой Отечественной войны солдаты и офицеры Красной Армии вели борьбу, цена которой измерялась человеческими жизнями. В историко-философском дискурсе война традиционно рассматривается как фундаментальный феномен, однако подобные теоретические изыскания зачастую остаются чрезмерно абстрактными. В противовес им, для солдата на передовой война – это не умозрительная категория, а предельно осязаемое и тяжелейшее испытание:

«Я все испытал на веку –
К врагу неизбывную ярость,
Надежду,
Тупую усталость
И верность стальному штыку»²⁰⁷.

В своем романе Анри Барбюс, участник двух мировых войн, описывает состояние и мысли человека, находящегося в центре военных действий: «Война – это не атака, похожая на парад, не сражение с развевающимися знаменами, даже не

²⁰⁶Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. I. Сост., общая ред. и вступит, статья Л.Л. Субботина. – М., «Мысль», 1971. – 590 с. – С. 496.

²⁰⁷ Борисов М.Ф. Исповедь / Великая Отечественная война в произведениях деятелей искусства и литературы Алтая [Электронный ресурс] / URL: <https://gmilika22.ru/великая-отечественная-война-в-произв.html> (дата обращения: 02.11.2024).

рукопашная схватка, в которой неистовствуют и кричат; война – это чудовищная, сверхъестественная усталость, вода по пояс, и грязь, и вши, и мерзость. Это заплесневелые лица, изодранные в клочья тела и трупы, всплывающие над прожорливой землей и даже не похожие больше на трупы»²⁰⁸.

Творчество ветеранов Великой Отечественной войны имеет исключительное значение для последующих поколений. Военный опыт формирует специфические экзистенциальные состояния, охватывающие как моменты глубокого душевного умиротворения, так и интенсивные внутренние порывы.

«Слишком уж мне дороги иные,
Именно солдатские стихи –
Горькие, суровые, земные,
Без цветной мишурной шелухи...

<...>

Не забуду ни жестоких сводок,
Леденивших сердце в шесть утра,
Ни погибших в черноморских водах
Мальчиков с московского двора,
Ни поэта в звании майора,
Что стихами грел холодный зал»²⁰⁹.

Творчество писателей-фронтовиков характеризуется сложной эмоциональной амплитудой: в нем сочетаются гнев и скорбь о невосполнимых потерях с твердой убежденностью в конечном торжестве над врагом:

«Прощай дорогая жена,
Не забудь, приласкай моих деток,
А я спешу бить врага»²¹⁰.

Следует отметить, что государство не только мобилизовало творческие

²⁰⁸ Барбюс А. Огонь: / Анри Барбюс; перевод с фр. [В. Парнаха, О. В. Моисеенко]. – М.: Наука, 1985. – 503 с. – С. 205.

²⁰⁹ А памяти вечен огонь...: Антология пензенской военной поэзии (1941-2005) / Составитель: О.М. Савин. – Пенза: 2005. – 195 с. – С. 10.

²¹⁰ Фронтной фольклор: [песни, частушки, пословицы, поговорки / записи, вступ. ст. и коммент. В. Ю. Крупянской; под ред. и с предисл. М. К. Азадовского]. – М.: Гослитмузей, 1944. – 131 с. – С. 30.

структура на работу по обслуживанию армии, флота и населения, но и инициировало работу профессиональных фольклористов для сбора и фиксации материалов фронтового фольклора, «справедливо видя в этих произведениях выражение народных мыслей и чувств»²¹¹. В условиях войны слова солдатских стихов и песен приобретали боевую функцию, становясь, по выражению В.В. Маяковского, «приравненными к штыку». И.Ф. Ефременко, один из непрофессиональных авторов, участник войны, писал: «Горя желанием разбить ненавистного врага, желавшего поработить великий народ и убить наше творчество, погасить нашу культуру, наш народ отвечал на это оружием и словом, которого не выдумать, хоть проглоти перо»²¹².

Нападение нацистской Германии на Советский Союз было воспринято обществом не как рядовой военный конфликт, а как экзистенциальная угроза – борьба за само существование народа. Осознание масштабов нависшей опасности порабощения и уничтожения вызвало беспрецедентный общественный подъем: с первых часов войны граждане СССР всех возрастов и социальных групп массово обращались в военкоматы с заявлениями о добровольной отправке на фронт.

«Добровольно в строй мы встали,

Мы на бой с врагом идем,

Нас ведет товарищ Сталин,

Наш отец и наш нарком...»²¹³.

Среди добровольцев преобладала молодежь 1923–1926 гг. рождения – поколение, чье мировоззрение формировалось под определяющим воздействием идеологических установок советского строя, в условиях которого они родились и выросли. Для них Великая Отечественная война стала не только суровым испытанием, но и временем решающего личностного становления, когда абстрактные лозунги обрели плоть фронтовых будней и ежедневного выбора

²¹¹ Соколова В.К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны. Советская этнография, № 3 /1975. – С. 7–14. – С. 7.

²¹² Цит. по: Соколова В.К. – С. 9.

²¹³ Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 211 с. [Электронный ресурс] / URL: <https://thebooks.su/read/339873-materialy-po-istorii-pesni-velikoy-otechestvennoy-voyny.html> (дата обращения: 15.10.2024).

между жизнью и смертью. Как отмечает Е.С. Сениявская: «Молодые люди, в начале своей сознательной жизни попавшие на фронт, были всецело преданы не просто Отечеству, но Отечеству социалистическому, точнее – они не разделяли в своем сознании два этих понятия. Это было поколение, родившееся и выросшее при новом общественном строе, воспитанное в духе присущей ему идеологии и в минуту опасности вставшее на его защиту»²¹⁴.

В произведениях солдат доминировали такие фундаментальные мотивы, как патриотизм и защита Отечества. Эти творения, являясь одновременно свидетельством эпохи и квинтэссенцией народной души, красноречиво транслировали коллективное восприятие войны и борьбы с фашистской идеологией, представлявшей собой угрозу самому существованию нации.

«Пусть помнят те, которых мы не знаем:

Нам страх и подлость были не к лицу.

Мы пили жизнь до дна и умирали

За эту жизнь, не кланяясь свинцу»²¹⁵.

Творчество писателей-фронтовиков, таких как В. Некрасов, В. Быков, Ю. Бондарев и др., представляет собой феномен, в котором исповедальная искренность, обусловленная непосредственным участием авторов в боевых действиях, сочетается с предельной эмоциональной насыщенностью, документально фиксирующей «окопную правду». Именно эта генерация авторов-фронтовиков ввела в художественный дискурс не только фактическую хронологию событий, но и экзистенциальный опыт человека на грани жизни и смерти, что подтверждается, в частности, повестью Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946), где психологическая достоверность достигается за счет отказа от лакировки действительности.

«Фашистская гадина прет из Берлина.

²¹⁴ Новоселова Е. Кто пошел воевать 22 июня 1941 года / Российская газета – Федеральный выпуск: №135(8486), 22.6.2021 [Электронный ресурс] / URL: <https://rg.ru/2021/06/22/kto-poshel-voevat-22-iunija-1941-goda.html> (дата обращения: 22.10.2024).

²¹⁵ Майоров Н. «Пусть помнят те, которых мы не знаем...», 1941 / Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] / URL: https://royallib.com/read/sbornik_kollektivniy/sovetskie_poeti_pavshie_na_velikoy_otchestvennoy_voynе.html#81920 (дата обращения: 22.10.2024).

От моря до моря валит стеной
 Пехотной и танковой саранчой.
 С нею, за нею грабеж и разбой,
 Горы трупов и виселиц лес –
 Работа проклятых трижды СС».

А далее идет признание в любви своей Родине:
 «Родина-мать, ты нам любя и свята».

Воин не сомневается в победе:
 «За горе твое будет фрицам расплата.
 Ясно за теменью дней отступленья
 Вижу солнечный свет,
 Радость грядущих побед».

Оккупационные силы представляли собой конгломерат, включавший подразделения вермахта, войск СС и многочисленные формирования из стран-сателлитов Германии. Наиболее значительный вклад в этот состав вносили румынские части, а также венгерский и итальянский экспедиционные корпуса. Несмотря на полиэтнический характер оккупационной системы, её деятельность была подчинена единой стратегической логике вермахта

«Пусть чудище страшно и многоголово
 (Голову с плеч – отрастает снова),
 Но... «от тайги до британских морей
 Красная Армия всех сильнее».

Стойкость советского народа стала решающим фактором, предопределившим крах германской стратегии. Сочетание высокого морального духа, закреплённого в директивах командования (в частности, в приказе НКО СССР № 227 «Ни шагу назад!»), и наращиваемой военной мощи, продемонстрированной в Сталинградской и Курской битвах, сделало победу вермахта стратегически невозможной.

«Раздастся народного гнева пружина,
 Взметнется народного гнева дубина,

И ляжет на Запад

Наш путь победный».

А победа будет праздноваться на родине нацизма – в Германии:

«В дранге обратном,

Жалок и туп,

Ляжет на русской

Версте последней

Последний немецкий труп»²¹⁶.

В 1942 г. И.В. Сталин подчеркнул: «...что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается»²¹⁷. Это принципиальное заявление неопровержимо свидетельствует об отсутствии у СССР намерений, направленных на физическое уничтожение немецкого народа или искоренение его национальной культуры. Советские солдаты и офицеры вершили не кровавую расправу, но священную миссию возмездия. Их вела не слепая жажда разрушения, а неумолимая логика справедливого наказания агрессора за его вероломство, чудовищную жестокость и попрание основ человеческого бытия. «В войне с фашизмом, – по мнению академика Д.С. Лихачева, – победили все же нравственное начало, сила самопожертвования, сила активной доброты. Победило сознание нравственного единства человечества, общности его культуры...»²¹⁸.

«Чужой земли ни пяди нам не надо,

А нашей – никому не отобрать!»²¹⁹.

(песня 1-ой Гвардейской танковой бригады)

В песне «Смело в атаку!», созданной Е.М. Гольдбергом в лесных окрестностях Ковеля, отчетливо прослеживается идея несокрушимой мощи советского воина, достаточной, по мнению автора, для триумфального марша до

²¹⁶ Гольдберг Е.М. Вот и ныне / Госпожа Победа [Электронный ресурс] / URL: <https://litmir.club/br/?b=659409> (дата обращения: 25.10.2024).

²¹⁷ Приказ НКО СССР от 23.02.1942 N 55 «О праздновании XXIV-й годовщины Красной Армии» [Электронный ресурс] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48199#cqboATUiEXNMBcJm1> (дата обращения: 02.11.2024).

²¹⁸ Лихачев Д.С. Раздумья: [Для сред. и ст. шк. возраста]. – М.: Детская литература, 1991. – 316 с. – С. 198.

²¹⁹ Крупянская В.Ю. Фронтовой фольклор: [песни, частушки, пословицы, поговорки / записи, вступ. ст. и коммент. В.Ю. Крупянской; под ред. и с предисл. М. К. Азадовского]. – М.: Гослитмузей, 1944. – 131 с. – С. 28.

самого Берлина. Этот мотив, характерный для военно-патриотической лирики периода Великой Отечественной войны, находит свое отражение и в других произведениях того времени, например, в знаменитом стихотворении Константина Симонова «Жди меня» (1941), где вера в возвращение солдата также выступает ключевым элементом поддержания боевого духа.

«Ничто не задержит стальную лавину.

Преграды с дороги сметем.

Мы фрицев загоним в подвалы Берлина

И в логове зверя добьем».

Песня транслирует не только уверенность в Победе, но и глубокое убеждение русского солдата: духовное выше материального. В её основе лежит евангельский идеал жертвенного служения ближнему: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Личное благополучие здесь отходит на второй план, уступая место соборному долгу и высоким нравственным ориентирам.

«Над миром развеет мы черные тучи,

Фашистов в могилу столкнем.

Мы с нашей победой на танках могучих

Свободу народам несем»²²⁰.

Подобный дух самоотречения пронизывает и творчество фронтового санинструктора Ю.В. Друниной. Ветеран войны, она с гордостью называла себя дочерью России, подчеркивая неразрывную связь с родной землей. Её слова «Я родом не из детства из войны» – это не просто констатация принадлежности к поколению, а свидетельство того, как трагические испытания сформировали её личность, закалив характер в смертельной схватке».

«Если б я

Была не дочь России,

Опустила руки бы давно,

²²⁰ Гольдберг Е.М. Смело в атаку! / Госпожа Победа [Электронный ресурс] / URL: <https://litmir.club/br/?b=659409> (дата обращения: 25.10.2024).

Опустила руки
В сорок первом».

Война продемонстрировала степень преданности граждан своему Отечеству. Конфликт выявил глубину идентификации личности с национальной территорией и культурным кодом. Именно столкновение с масштабной угрозой актуализировало такие категории, как самопожертвование и добровольная лояльность:

«... Только времени
Не знаю чище
И острее
К Родине любви.
Лишь любовь
Давала людям силы ...»²²¹.

Безусловно, в суровых буднях войны сердца солдат неизменно обращались к родному очагу, к близким и любимым. Тоска по дому, по матери, воплощалась в бесчисленных песнях, ставших неотъемлемой частью солдатского фольклора. Образ матери, как символ безусловной любви и надежды, прочно закрепился в русской культуре и военной лирике.

«Чудом иль не чудом, но из боя
вновь я вышел цел и невредим.
Материнскою твоей тоскою,
видно, в самом деле я храним»²²².
«Говорить смешно об этом, знаю,
но, когда опасность надо мной,
я тебя невольно вспоминаю,
и беда проходит стороной»²²³.

²²¹ Друнина Ю.В. И откуда вдруг берутся силы... / Стихи о войне [Электронный ресурс] / URL: <https://poemata.ru/poets/drunina-yuliya/i-otkuda-vdrug-berutsya-sily/> (дата обращения: 25.10.2024).

²²² Бондарь В.С. Трагическое в стихах малоизвестных поэтов-участников Великой Отечественной войны // Филологические открытия. – 2015. – № 3. – С. 20–29. [Электронный ресурс] / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24953877_35538766.htm (дата обращения: 19.10.2024)

²²³ Там же.

Период Великой Отечественной войны ознаменовался небывалой консолидацией советского общества перед лицом нацистской угрозы. Защита Отечества превратилась в общее дело для всех этносов страны: плечом к плечу с представителями славянских республик, чьи территории первыми приняли удар захватчиков, в рядах Красной Армии сражались воины из Средней Азии, Закавказья и других регионов СССР, демонстрируя единство в борьбе с врагом²²⁴. Географическая удаленность от мест сражений не помешала им проникнуться общим духом борьбы с нацизмом и волей к победе. Их участие в войне стало проявлением интернационального единства и патриотического самопожертвования, что навсегда закрепилося в историческом сознании нашего народа²²⁵.

«Кто, кроме этого вероломного врага,
Сжёг и уничтожил столько народного добра?
Кто, как не это бешеное стадо,
Распилило тела младенцев?»²²⁶.
«Пламенем фашизма охвачены не мы одни,
Это угроза всему миру.
Каждый нежестокосердный тот,
Чьё имя не запятнано кровью,
Должен забыть о личном покое,
Чтобы потушить этот пожар»²²⁷.

Годы Великой Отечественной войны ознаменовались формированием специфического пласта советской культуры, представленного фронтовой поэзией

²²⁴ Амрахов М.И. Тема войны в Азербайджанской музыке (1941-1945 гг.) // Endless Light in Science. – 2023. – № 3-3. – С. 48–55; Мосиенко Д. Казахский музыкальный театр: история становления. – М.: Гнесиных, 2017. – 384 с.; Долуханян А. «На вас бессмертие глядит». Выпуск 5 / Литературная газета, № 17 (6507) (29.04.2015) [Электронный ресурс] / URL: <https://lgz.ru/article/na-vas-bessmertie-glyadit/> (дата обращения: 29.10.2024); Бокоева Ж.Т. Тема Великой Отечественной войны в киргизской поэзии (на примере произведений киргизского народного поэта Омора Султанова) // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8, № 7. – С. 565–570.; Мирианашвили Т.А. Поэзия Мирзы Геловани: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Мирианашвили Теймураз Андреевич. – Тбилиси, 1984. – 168 с.

²²⁵ Урюпина М.А. О чем поют солдаты / М. А. Урюпина // Творчество во имя Победы: культура и искусство в годы Великой Отечественной войны: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 25 апреля 2025 года. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2025. – С. 100–113.

²²⁶ Муллоев Ш.Б. Творчество таджикских поэтов в годы Великой Отечественной войны // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2015. – № 4(6). – С. 206–209.

²²⁷ Там же.

и песенным жанром. Интересно, что в Третьем рейхе ничего подобного не наблюдалось. Специалисты связывают это с отсутствием у немецкого общества искреннего эмоционального отклика: на фоне агрессивной пропаганды и бравурных маршей «душа народа» оставалась безмолвной. В Советском Союзе ситуация была кардинально иной: на протяжении всей войны поэзия и музыка служили мощнейшим инструментом консолидации общества, став, по мнению экспертов, одним из ключевых духовных столпов, обеспечивших стойкость народа и триумф в 1945 г.²²⁸.

Май 1945 года ознаменовал завершение Великой Отечественной войны. Исследователь Е.С. Сениянская подчеркивает, что для советских граждан этот конфликт носил подлинно народный характер. По мнению автора, успех коммунистического режима в достижении Победы был обусловлен умением мобилизовать внутренние ресурсы общества. В тот период граждане перестали воспринимать себя как «винтики» системы, осознав личную сопричастность к защите Отечества и приняв на себя ответственность за его будущее²²⁹.

После Второй Мировой войны две мировые супердержавы – СССР и США, решали судьбу континентальной Европы. И в результате она была разделена на две сферы влияния. Американская политика в отношении СССР взяла курс на ограничение распространения коммунистической идеологии. Этот период, принявший особо острый характер, получил название «холодной войны»²³⁰. Термин «холодная война» подразумевает глобальное блоковое противостояние. Она имела идеологическое, политическое, военное, экономическое и социокультурное измерения²³¹. Недавние союзники по антигитлеровской коалиции к концу 1940-х гг. уже были непримиримыми врагами. Неразрешимые противоречия привели к созданию двух военных блоков: НАТО (Организация

²²⁸ Судовцев Г. «Раны, словно ордена.... К 100-летию поэтессы Юлии Друниной / Газета «Завтра», № 18 (1581), 2024. – С. 7.

²²⁹ Указ. соч. Новоселова Е.

²³⁰ Термин «холодная война» впервые использовал 19 октября 1945 г. британский писатель, журналист и публицист Джордж Оруэлл в статье «Ты и атомная бомба», напечатанной в британском еженедельнике «*Tribune*». Статья была опубликована после ядерной бомбардировки США японских городов Хиросима и Нагасаки [Электронный ресурс] / URL:https://wpristav.ru/news/dzhordzh_Oruell_ty_i_atomnaja_bomba/2021-06-29-63258 (дата обращения: 22.10.2024).

²³¹ Холодная война. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] / https://bigenc.ru/domestic_history/text/4695882 (дата обращения 21.09.2024).

Североатлантического договора) и ОВД (Организация Варшавского Договора).

Обстановка в мире была очень сложной и сопровождалась многочисленными кризисами, вооруженными конфликтами и локальными войнами, которые приводили к серьезным последствиям и для участников конфликта, и для всего мирового сообщества. После окончания Второй мировой войны человечество в целом, и наша страна в частности, не получили ожидаемого мира²³².

Отношения между СССР и США значительно усложнились после ввода ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) 25 декабря 1979 г. в Демократическую Республику Афганистан (ДРА) – официальное название государства Афганистан с 30 апреля 1978 г. по 30 ноября 1987 г. Это произошло после прихода к власти 27 апреля 1978 г. Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) – марксистско-ленинская партия, существовавшей в Афганистане в 1965–1992 гг. В ее образовании СССР принимал активное участие. Соответственно программа партии была ориентирована на «построение социалистического общества на основе творческого применения общих революционных закономерностей марксизма-ленинизма»²³³.

Активная политика СССР была обусловлена также геополитическими соображениями. В случае оккупации территории Афганистана американскими войсками возникала непосредственная граница соприкосновения и конфронтации СССР и США. Стремясь противостоять непосредственной физической, военной конфронтации двух супердержав Советский Союз официально заявил, что афганский народ по собственной воле избрал путь социалистического развития, основанного на доктрине марксизма-ленинизма. Данное решение получило поддержку в форме совместных действий советских и афганских сил, направленных против моджахедов, которые, при поддержке американских империалистов, стремятся удержать население в нищете и неграмотности, эксплуатируя дешёвую рабочую силу и природные ресурсы страны в интересах

²³² Феськов В.И. Советская Армия в годы «холодной войны» (1945–1991) / В.И. Феськов, К.А. Калашников, В.И. Голиков; – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 246 с. – С. 180.

²³³ Холодная война: В 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева). – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – 984 с. – С. 748.

капиталистического накопления. Согласно официальной интерпретации ввода Ограниченного контингента советских войск в Афганистан, первые подразделения, пересекавшие границу дружественного государства, пребывали в уверенности в правильности своей миссии.

Однако для адекватной политической стратегии требовалась деятельность, учитывающая специфику этнокультурного и этнополитического контекста. Советские политики недостаточно учли фундаментальную роль этнорелигиозного фактора в институционализации социальных отношений в Афганистане. Таким образом, положение ОКСВ в ДРА характеризовалось внутренней противоречивостью. С одной стороны, военнослужащие, действовавшие в поддержку правящей революционной партии, воспринимались как «братья» и «классовые союзники» в противостоянии режиму Хафизуллы Амина и негласно поддерживавшим его американским империалистам. С другой стороны, их присутствие квалифицировалось как акт агрессии, вмешательство во внутренний вооружённый конфликт. Как справедливо отмечает исследователь Е.С. Сениявская, вовлечение советских войск во внутривосточное противостояние трансформировало его сущность для советской стороны: чем активнее развёртывалась военная операция, тем интенсивнее нарастало сопротивление, мобилизованное под знамёнами исламских ценностей²³⁴.

Своеобразие ценностных ориентиров мусульман обусловлено специфической социальной доктриной (мироощущением), базирующейся на Коране – священном тексте, где зафиксированы ключевые положения, регламентирующие стройный уклад жизнедеятельности и повседневной практики. Каноны и предписания ислама охватывают не только моральную сферу, но и юридическую, хозяйственную, а также бытовую целесообразность. Коран как мировоззренческая система детерминирует глубинные, интимные личностные поведенческие стереотипы индивида (Коран, сура 5:3: «Сегодня Я завершил для вас вашу религию, и довел до конца Мою милость к вам, и одобрил для вас Ислам

²³⁴ Сениявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки / Москва. Институт российской истории РАН. 1997. – 230 с. – С. 61.

как религию»), равно как и всю конфигурацию общественного устройства. В Афганистане советским военнослужащим довелось столкнуться с антагонистом, чья религиозность отличалась крайней ортодоксальностью и непоколебимой приверженностью догматам ислама – феномен, не характерный для менталитета советского человека и остававшийся для него малопонятным. Таким образом, фундаментальные принципы Корана формируют не только этический кодекс, но и правовую парадигму (шариат)²³⁵.

«Что расскажешь о востоке? Непривычная страна.

Там совсем другие боги и другие имена.

<...>

Там народ неторопливый, почитающий Коран,

Где написано красиво о законах мусульман.

<...>

Там поклонники Хайяма, знатоки Фердоуси,

Но о принципах ислама спорить боже упаси!»²³⁶.

В Афганистане ислам выступает в качестве основной религии, при этом верующие распределяются между двумя главными течениями – суннизмом и шиизмом. «Между этими двумя сектами, – писал в 1908 г. А. Гамильтон, – царить страшная вражда, которая далеко не ограничивается одним Афганистаномъ. Презрѣніе другъ къ другу и непримиримая вражда отличаютъ приверженцевъ этихъ сектъ, гдѣ бы они ни встрѣчались»²³⁷. Но эти разногласия не влияют на отношение мусульман к иностранцам, европейцам. Ислам для них является объединяющей системой. На востоке мусульмане между собою могут ссориться, враждовать, препираться из-за обрядовых тонкостей, но, в случаях взаимодействия с представителями европейской культуры, вне зависимости от собственных религиозных убеждений, данные группы демонстрируют консолидацию,

²³⁵ Урюпина М.А. Ислам и феномен лирики советских воинов-«афганцев» (1979-1989) / М. А. Урюпина // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 4(108). – С. 185–193.

²³⁶ Морозов И. Что расскажешь о Востоке [Электронный ресурс] / URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=44017> (дата обращения: 22.10.2024).

²³⁷ Гамильтон А. Афганистан: [Внутр. быт. Рус. и англ. политика по отношению к Афганистану, как буферу между Россией и Индией] / А. Гамильтон, чл. Лондон. корол. геогр. о-ва; Пер. с англ. [и предисл.] С.П. Голубинова. – СПб.: В. Березовский, 1908. – [6], 334 с. – С. 238.

направленную против носителя иной веры и отличного мировоззрения, к которому они испытывают устойчивое недоверие и непримиримую вражду. И как пишет А.Е. Снесарев, выявление причин подобного отношения азиатского населения к европейцу представляет собой сложную задачу, однако одна из детерминант остается очевидной – «азиат, прежде всего, глубоко национален по своей природе; знать свой род и крупных его представителей, знать свое племя, его историю, гордиться им и превозносить его – это долг всякого афганца, притом охотно и всегда страстно исполняемый»²³⁸. Нация – это его вторая религия. И на фоне этого национального чувства представитель иной национальной группы воспринимается носителем такого мировоззрения как антагонистический, чуждый, обладающий более низким статусом²³⁹.

В условиях запутанной системы межплеменных, религиозных и межнациональных связей, характерной для афганского социума, советский индивид ощущал себя отчуждённым и лишним. Окружающая действительность воспринималась им как враждебная и непонятная, что усугубляло его изоляцию. Внешняя среда, лишённая привычных ориентиров, не стимулировала интеграцию, а напротив, усиливала чувство чуждости:

«Кто здесь суннит? Где здесь шиит?

Что по утрам мулла мычит?

А где здесь «хальк», а где «парчам»?

Ответь, ободранный бача!

Кто здесь декханин? Кто – душман?

Ты как кроссворд, Афганистан!»²⁴⁰.

Песенное искусство представляет собой уникальную и значимую форму человеческого бытия, наделенную мировоззренческой силой и глубоким лирическим содержанием. В повседневной жизни, в интимно-личностном пространстве индивида, песня выполняет важную мировоззренческую функцию,

²³⁸ Снесарев А.Е. Афганистан = Афганистан. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 154 с. – С. 67.

²³⁹ Урюпина М.А. Ислам и феномен лирики советских воинов-«афганцев» (1979-1989) / М. А. Урюпина // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 4(108). – С. 185–193.

²⁴⁰ Иванов В. Песни Владимира Иванова. Ночь перед операцией [Электронный ресурс] / URL: <http://shuravi.avtomat2000.com/ivanov.html> (дата обращения: 22.11.2024).

что нашло отражение в поговорке «Народная песня – душа жизни». А в той сложной обстановке, на чужой земле, «слова этих песен ложились на сердце и оседали в душе, вызывая необъяснимые чувства»²⁴¹.

В афганском конфликте сочинения советских военнослужащих рассказывают об истории этой войны, пронизаны эмоциями, которые выражают уверенность в правоте своего дела, боль от потери друзей, и щемящую боль от разочарования, чувства предательства и поражения:

«А мы с тобой летели, к своей заветной цели
Но, как бывает, оказалась цель не та.
И вновь туман сомненья и нет пока решенья
И душу разрывает пустота»²⁴².

(Куприенко Вячеслав)

Отметим, что военное творчество обнаруживает себя также носителем существенной для личной жизни информации. Она проникнута жизненными трудностями и переживаниями. Информация, которая содержится в песнях военных лет содержание не представляет собой информацию в строгом семиотическом значении этого термина, а выступает как знание-переживание. Данный тип знания отличается глубокой личностной окраской, эмоциональной насыщенностью и интимной обращенностью к внутреннему миру человека: оно способно вызывать слезы и смех, радость и печаль, актуализировать чувства утраты и одновременно сохранять надежду даже в наиболее критических и безысходных обстоятельствах.

Исходя из этого, с высокой степенью определенности можно утверждать, что творчество, созданное в военный период, по своей природе носит экзистенциальный характер. Ключевые темы такого творчества – это осмысление ценности жизни, дихотомия жизни и смерти, переживание отчаяния и заброшенности, а также проявление жизненного порыва и героического поступка.

Локальные конфликты и военные действия освещались ограниченно и сухо,

²⁴¹ Кислов С.М. Афганистан: три командировки на войну. – М.: Вече, 2017. – 302 с. – С. 41.

²⁴² Указ. соч. Лебедева Н.А. – С. 12.

оттого в целом не хватало психологического контекста. Поэтому возникшую духовную лакуну заполнило самодеятельное творчество участников боевых действий. Эта ситуация нашла отражение и в песнях самих воинов:

«Вот и бытует самодельный
Фольклор воюющих ребят,
А в равнодушие беспредельном
Молчит художников отряд»²⁴³.

Поскольку неформальное творчество ветеранов Афганской войны не подвергалось цензуре, оно несло в себе большой удельный вес жизненной правды. Многие исследователи отмечают, что при попытке мирных граждан расспросить «афганцев» о событиях в Афганистане те, как правило, рекомендовали прослушать так называемые «афганские песни», утверждая, что «там всё отражено», «там вся правда». Можно сказать, что «афганский дневник»²⁴⁴, в отличие от официальных хроник обладает преимуществом непосредственной жизненной достоверности и эмоциональной насыщенности²⁴⁵.

Афганская кампания СССР имела глубокие основания в международной политике, поскольку вторжение США в Афганистан означало приближение НАТО непосредственно к границам СССР.

«Родиной приказ нам дан:
Едем мы, друзья, в Афганистан,
Там, где мирной жизни не видать,
Будем мы, ребята, воевать»²⁴⁶.

«Афганский дневник», – это, видимо, наиболее развернутая форма самодеятельного сетевого творчества военнослужащих. Ни один из региональных конфликтов не был так широко и разнообразно охвачен солдатским фольклором. В

²⁴³ Липатов В.А. Солдатские песни о локальных войнах и конфликтах второй половины XX в // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 3(24). – С. 105–112. – С. 105.

²⁴⁴ «Афганский дневник» – так мы обозначили продукты устного и письменного творчества воинов-афганцев, продукт их письменной и устной коммуникации, являющийся как формой самоописания ситуации, так и формой ее осознания.

²⁴⁵ Летопись представляет собой историческое, хронологически выдержанное сочинение, некий аналог эмпирических научных источников, подобный западноевропейским анналам и хроникам.

²⁴⁶ Липатов В.А. Солдат и песня: 300 лет вместе. – Екатеринбург, 2006. – 156 с. – С. 93, 94.

то же время, это особая форма коммуникации, которая является практическим мировоззрением и задает ценности, идеалы, оценки, ориентиры осваиваемого жизненного пространства в чужой инокультурной среде. Она помогает освоить такие мировоззренческие ориентиры как «Кто такие мы?», «Кто есть Они?», Что есть «норма» у нас? Что есть «норма» у них?

«Мы тоже стали привыкать,
Подолгу научились ждать:
Зарплату, отпуск, писем, дождик, вертолет.
И, чтоб вконец не одичать,
И по ночам чтоб не кричать,
Решили: песни пишем ночи напролет»²⁴⁷.

«Афганский дневник» представляет собой специфическую форму коммуникации и инструмент самоописания жизненного уклада воинов-«афганцев» в условиях инокультурной среды. Данный жанр одновременно выступает как способ фиксации социального опыта и как механизм рефлексии над собственным существованием в изолированном контексте:

«Эти песни, эти песни не сюсюкали
в подъездах,
Слова, что в этих песнях, не
рождались
от тоски.
Эти песни, эти песни об удачах и победах,
О тревогах, наших бедах,
нашей юности ростки.
Где-то там, в стране счастливой,
нашей родине далекой.
Мы споем все наши песни,
снова вспомним этот край:

²⁴⁷ Демяшов С.В. Кундузские страдания [Электронный ресурс] / URL: <https://peresvet-lavra.ru/press/pesni-sergeya-demyashova> (дата обращения: 25.11.2024).

Кто здесь был, тот не забудет
наше братство боевое,
Тишину афганской ночи,
басмачей собачий лай...»²⁴⁸.

Познание собственной идентичности – вот, пожалуй, одно из главных качеств этих песен. Воины-«афганцы» – это особое сообщество и самопознание, и познание своей идентичности в большом сообществе они могли осуществить только с помощью «Афганского дневника». Об этой функции – функции познания собственной идентичности, удачнее всего, с нашей точки зрения, написал Юрий Слатов – «Пароль «Афган»:

«И мы пойдем друг друга,
нам лишних слов не надо,
Глаза его засветятся особенным огнем:
Ребят своих мы вспомним
и вспомним наши горы,
А после, наши песни
тихонько пропоем»²⁴⁹.

Интересно отметить, что одна из самых популярных песен «Бой гремел в окрестностях Кабула» представляла собой песню, которая содержит большой эмоциональный накал, а по своему стилю и содержанию – отражает и выражает накал битвы, энергию боя:

«Мне выпало дорогами войны
С тобой, мой лучший друг, пройти однажды.
Мы каждый день желали тишины,
Но взрывами отмечен день был каждый.
А помнишь, как бетонка в Кандагар
Со смертью нам устраивала встречи?
Пытались затушить войны пожар,

²⁴⁸ Указ. соч. Липатов В. А. Солдатские песни о локальных войнах и конфликтах второй половины XX в. – С. 108.

²⁴⁹ Слатов Ю. «Пароль «Афган». Песня из репертуара ансамбля ВДВ «Голубые береты» [Электронный ресурс] / URL: <https://this-camp.blogspot.com/2018/02/slatov-parol-afgan.html> (дата обращения: 26.11.2024).

Всю боль её взвалив себе на плечи»²⁵⁰.

Афганская война воспринималась изнутри не как что-то чуждое, а как продолжение патриотической традиции советских воинов 1941–1945 гг.²⁵¹

Участие Советской Армии в войне в Афганистане будет еще много лет изучаться разными специалистами. Творчество бойцов, участников этой войны – очень важный источник информации для исследований – культурологов, психологов, социологов, историков и других специалистов. Однако исследование этого творчества не может претендовать на научность без надежной методологии, которая состоит в объективной оценке социального содержания самой афганской войны. Ведь как бы ни было нам неприятно, но, следует признать, что со стороны Советского Союза эта война была интенцией к помощи соседнему государству, народу Афганистана.

Выводы параграфа 2.2.

Таким образом, опыт Советского Союза в использовании музыки и военно-патриотической песни для укрепления морального духа, и сплочения общества и армии во время Великой Отечественной войны, а также теоретические изыскания философов о влиянии поэзии и музыки на нравственное воспитание человека, подтверждают непреходящую значимость искусства как инструмента формирования патриотизма, гражданственности и готовности к защите своей Родины. Как писал И.А. Ильин: «Русский народ имеет единственную в своем роде поэзию, где мудрость облекается в прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой. Русский поэт одновременно – национальный пророк и национальный музыкант. И русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, никогда не денационализируется»²⁵².

Современные исследования в области психологии и нейролингвистики подтверждают тезисы философов разных эпох, что музыка оказывает глубокое

²⁵⁰ Антонов С.В. Дороги войны. Километры войны: Стихи о войне. – 2014 [Электронный ресурс] / URL: <https://stihi.ru/2015/02/05/796> (дата обращения: 26.11.2024).

²⁵¹ Указ. Соч. Липатов В. А. Солдатские песни о локальных войнах и конфликтах второй половины XX в. – С. 109.

²⁵² Ильин И.А. Собрание сочинений: В Ют. Т. 1/Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1996. – 400 с. – С. 205.

влияние на человека. Данный факт указывает на необходимость дальнейших исследований и применения музыки в воспитании молодежи и укреплении национальной идентичности.

Военные действия сопряжены с сильнейшими испытаниями, и как показывает практика, именно искусство, выходя за рамки развлекательной функции, способно сыграть ключевую роль в поддержании психологического и эмоционального равновесия солдат и гражданского населения. Солдатские творческие работы являются «знанием-переживанием», позволявшим выражать свои чувства, вызванные войной, помогая им адаптироваться к военным условиям и снизить психологическое напряжение.

Произведения военных, участников Великой Отечественной войны, записанные фольклористами, представляют собой неоценимый источник информации о войне. Главное их достоинство – это искренность, наполненность сиюминутной экспрессией.

Творчество участников локальных конфликтов времен «холодной войны», в частности афганской кампании (1979–1989), является продолжением традиций русского военного «фольклора». Та же наполненность любовью к Родине, неоспоримое исполнение воинского долга и беспрекословное исполнение приказа, даже, если цели не всегда ясны.

Песнетворчество воинов-интернационалистов имело небывалый успех в советское и постсоветское время. Некоторые исследователи полагают, что успех превосходил творчество времен Великой Отечественной войны. Это можно объяснить тем, что «афганские» песни, не подвергаясь цензуре, правдиво отражали жизнь ветеранов и служили своеобразной устной летописью опыта их авторов. На это также повлиял нарастающий кризис власти в СССР.

Социокультурный подход при анализе песен воинов-«афганцев» позволяет глубже осмыслить сложные события, развернувшиеся в Афганистане и СССР в 1980-х гг.

2.3. Духовная самобытность постсоветской России и этико-аксиологические особенности современной российской военно-патриотической песни²⁵³

Песню Г.В.Ф. Гегель назвал «подлинно мелодическим пением души»²⁵⁴, которая является самым доступным средством «воплощения национального и общечеловеческого опыта, запечатления истории народа и судьбы человека», «средством преодоления духовной инертности личности, доминантным условием ее полноценного развития, залогом социализации и инкультурации в палитре музыкальных предпочтений, адаптации к изменяющимся культурно-историческим условиям», «органично вобравшее в себя и транслирующее национально-этнические, нравственно-этические, художественно-эстетические знания, ценности, идеалы народа»²⁵⁵.

Согласно словарному определению, песня (ст. слав. – петь) зародилась в недрах народного творчества, предшествуя и музыке, и поэзии²⁵⁶. Так зародился фольклор – искусство, бережно передаваемое из уст в уста, от поколения к поколению. И.И. Земцовский, характеризуя это явление, метафорически определял фольклор как «многовековую, многомиллионную лабораторию» и кузницу «художественного воплощения народного характера, народных идеалов, национального стиля»²⁵⁷, подчеркивая его роль в формировании и трансляции культурной идентичности. Фольклор, таким образом, предстает как вечно живая школа, непрерывно аккумулирующая и преобразующая опыт народа, его мировоззрение и эстетические предпочтения.

Зародившись во времена архаики, песня не потеряла с течением времени свою связь с ней, и, как отмечает Ю.С. Дружкин, осталась явлением «вполне

²⁵³ Изложенные в этом параграфе материалы, посвященные песне как духовному феномену, частично рассмотрены и опубликованы в совместной статье с П.Е. Бойко: Бойко П.Е. Песня как духовный феномен (на материалах отечественной военной песни): культурно-философский анализ / П.Е. Бойко, М.А. Урюпина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2026. – № 1(57). – С. 108-125.

²⁵⁴ Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х томах. Т. 3 / Под ред. и с предисл. М. Лифшица. – М.: Искусство, 1971. – 620 с. – С. 326.

²⁵⁵ Жиров М.С. Культурообразующие основания песенного творчества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20(115). – С. 267–273. – С. 267.

²⁵⁶ Беленький Л. П. Военно-патриотическая песни и ее структурные признаки // Культурное наследие России. 2019. № 3(26). – С. 77–84. – С. 77.

²⁵⁷ Земцовский И.И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды. – Л., «Советский композитор», 1977. – 176 с. – С. 13–14.

архаическим по своей природе, она есть прошлое в настоящем». Это проявляется в современной песенной практике, когда архаика проявляет себя, становясь «не просто внутренним нервом, а открыто декларируемым принципом»²⁵⁸.

Эволюционируя, песня приобрела авторские черты, сохраняя при этом связь с фольклорными корнями. Профессиональные композиторы и поэты стали создавать произведения, опираясь на народные мотивы, но привнося в них индивидуальное видение и технику. Этот процесс, известный как «фольклоризм»²⁵⁹ в музыке, обогатил песенный жанр, расширив его тематический и стилистический диапазон.

Авторская песня – феномен советской культуры времен «оттепели» 1950–60-х гг., акцентирует индивидуальное высказывание, раскрывая внутренний мир автора и его личное восприятие действительности.

Е.Н. Хомутова рассматривает авторскую песню как комплексную среду, где в синкретическом единстве соединены «поэзия, музыка, импровизационность, непосредственность контакта со слушателем, диалогичность, ненавязчивость, аллегоричность и стремление к отображению всего, что свойственно человеку, значителен он или нет»²⁶⁰. Этот жанр предоставляет платформу для выражения индивидуальных переживаний и критического осмысления социокультурных реалий, что отличает его от песни эстрадной²⁶¹.

Г.В.Ф. Гегель определил ряд качеств художника, которые вполне соотносятся с талантами советских авторов-исполнителей. Во-первых, обладание даром и интересом «к определенному схватыванию явлений действительности в их реальном облике и сохранению виденного в памяти». Во-вторых, разумность – способность художника продумать существенное и истинное содержание выбранного им определенного предмета «во всем его объеме и всей его глубине», осознавая внутреннюю разумность «не в форме всеобщих положений и представлений, а в конкретном облике и индивидуализированной действительности.

²⁵⁸ Дружкин Ю.С. Песня как социокультурный феномен. Обсерватория культуры. 2010. – № 3. – С. 63–67. – С. 64.

²⁵⁹ Указ. соч. Земцовский И.И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды. – С. 16.

²⁶⁰ Хомутова Е.Н. Феномен авторской песни в отечественной культуре середины XX века: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Елена Николаевна Хомутова. – Нижневартовск, 2002. – 137 с. – С. 124.

²⁶¹ Там же.

Все то, что живет в нем и волнует его, художник должен изображать в тех формах и явлениях, образы которых он воспринял и которыми он сумел настолько овладеть в использовании их для своих целей, что и они со своей стороны стали способными воспринять и полностью выразить истинное в самом себе содержание». Художник должен «в процессе слияния разумного содержания и реального облика» ориентироваться на «трезвую осмотрительность рассудка» и «всю глубину чувств и душевных переживаний». В-третьих, созданный художником материал выступает для него как «подлиннейшее самобытие, как сокровеннейшее достояние его как субъекта. Ибо всякое содержание, становясь образно наглядным, отчуждается, переходит во внешнее состояние, и лишь чувство удерживает его в субъективном единстве с внутренним самобытием»²⁶².

При этом, обе формы песенного творчества, фольклор и авторская песня, обнаруживают общие черты, такие как стремление к эмоциональному воздействию на слушателя и использование поэтических приемов, включая метафоры, аллитерации и анафоры. Песня, таким образом, является не только художественным произведением, но и мощным инструментом коммуникации и культурного самовыражения.

Особо стоит выделить жанр военной песни. На наш взгляд наиболее точное определение военной песни дан Н.А. Колесниковой: «... музыкальные произведения, написанные в песенном жанре, отражающие события личной или общественной жизни на фоне военных событий или имевшие распространение во время военных событий и оказавшие влияние на духовную жизнь как армии, так и гражданского населения»²⁶³. Исходя из данного определения, термин «военная песня» охватывает широкий спектр музыкальных произведений, объединенных военной тематикой. Однако, для более точной классификации, представляется целесообразным выделить отдельную категорию песен, созданных участниками военных конфликтов в период их непосредственного участия в боевых действиях, которые являются своеобразным синтезом лирики, волевых и других чувственных

²⁶² Указ. соч. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х томах. Т. 1. – С. 291–294.

²⁶³ Колесникова Н.А. Военная песня в духовной жизни российского общества: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Колесникова Надежда Александровна. – Москва, 2002. – 180 с. – С. 23–24.

интенций, а также, инструментальным текстом, содержащим правила и рецепты победы над врагом.

Несмотря на фундаментальное значение песенного жанра в социальном пространстве, в научном сообществе песня как культурный феномен не всегда удостоивается должного внимания, что объясняется кажущейся «простотой»²⁶⁴ мелодии и стихов²⁶⁵, а также «несерьезностью», обусловленной малым масштабом, языком и формой, в отличие от симфонии или оперы. Если же сместить акцент с «песни-текста» на «песню-действие», то, как считает Ю.С. Дружкин, «резко возрастает значение системного окружения, в которое включена песня. Мы уже не можем ограничиться рассмотрением песни, взятой изолированно, как она есть – в действии актуализируются отношения с другими элементами социокультурного целого», важно рассматривать «в единстве с ее контекстами». Песня, отмечает он, живет в сложном мире, находится в сложных отношениях с различными сторонами жизни, и эта сложность становится «ее собственной сложностью»²⁶⁶.

Именно с этой позиции стоит рассматривать военное (окопное) песенное творчество. Оказавшись на войне, индивид претерпевает радикальную трансформацию мировоззрения, что приводит к переоценке базовых ценностей. Песня становится для солдата не просто отдушиной, но и мощным инструментом катарсиса, позволяющим осмыслить хаос происходящего, выразить спектр чувств и пережить травматический опыт.

Именно в контексте событий мы рассматриваем военное песенное творчество. Моральное состояние воинов зависит от характера войны – является ли она освободительной, справедливой или агрессивной. «В справедливой войне, когда солдат защищает свою Родину, всегда присутствует необыкновенный духовный подъем, взлет патриотических чувств, какая-то особая любовь и нежность к родному дому, которому угрожает опасность»²⁶⁷ – отмечал писатель,

²⁶⁴ Указ. соч. Дружкин Ю.С. Песня как социокультурный феномен. – С. 63–67.

²⁶⁵ Минералова И.Г. Как «говорила Держава»: о мастерах-поэтах, писавших песни, о чувстве дома и стиле эпохи / Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2020. – № 2. – С. 102–113. – С. 103.

²⁶⁶ Дружкин Ю.С. Песня как социокультурное действие. – М.: Государственный институт искусствознания, 2013. – 226 с. – С. 6.

²⁶⁷ Цит. по: Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Ист.-психол. исслед. / Е.С. Сенявская; Рос. АН, Ин-т рос. истории. – М.: ИРИ, 1995. – 218 с. – С. 13.

фронтовик В. Кондратьев. Так было, например, во время Великой Отечественной войны. Отсутствие ясной цели и сомнения в моральности своих действий подрывают мотивацию и увеличивают уровень стресса среди солдат, как во время чеченских кампаний.

Победа СССР во Второй мировой войне не только подняла международный престиж страны, но и еще более испугала бывших союзников: США и Западную Европу. Если еще до окончания войны они строили планы по военному конфликту с СССР, большим прологом аллармистской антисоветской политики которых стала атомная бомбардировка США Японии в августе 1945 г. «Демонстрация боевых возможностей бомбы, – пишет американский историк Г. Алпровиц, – была нужна, чтобы заставить русских принять американский план послевоенного мира. И, прежде всего, навязать им свою позицию по основным спорным вопросам – по американским предложениям, касающимся Центральной и Восточной Европы»²⁶⁸. Но осознание военной мощи социалистического государства внесло коррективы в их планы. Были разработаны планы по развалу Советского Союза, а впоследствии и Российской Федерации. Об этом заявил глава МИД РФ С.В. Лавров: «Наблюдаем явное желание «отменить» нашу страну целиком, как это было в 1945 году, когда ещё не закончилась Вторая мировая война, когда прошли саммиты в Ялте, в Потсдаме, когда союзники праздновали победу. Сейчас опубликованы документы, которые говорят, что Запад до окончания войны на Тихом океане готовил планы по нападению на СССР, по его расчленению. Сейчас эти планы ожили»²⁶⁹.

Советский Союз прекратил свое существование 8 декабря 1991 г. Спустя несколько десятилетий, особенно с началом специальной военной операции России на Украине, все чаще вспоминают СССР, как великую страну с удивительной историей и людьми, с сожалением признавая, как «страну, которую мы потеряли».

«Ах, какая была держава!

Ах, какие в ней люди были!

²⁶⁸ Алпровиц Гар. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам: О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом. – Международные отношения, 1968. – 274 с. – С. 19–20.

²⁶⁹ Россия не позволит уничтожить память об исторической правде / Красная звезда, 07 февраля 2025 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://redstar.ru/rossiya-ne-pozvolit-unichtozhit-pamyat-ob-istoricheskoy-pravde/> (дата обращения: 07.02.2025).

Как торжественно, величаво звуки мира над миром плыли.

Ах, как были открыты лица, как наполнены светом взгляды.

Как красива была столица!

Как величественны парады!»

(Боец 76 дивизии ВДВ позывной «Мельник»)

Катализатором крушения Советского Союза послужил провозглашенный на Апрельском пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым курс на перестройку и ускорение, целью которого изначально было преобразование советского общества без изменения экономических основ социализма, политического строя и социалистических ориентиров советского общества. Миллионами советских граждан изменения были восприняты с оптимизмом, осознание, что это путь «к демонтажу общественно-политического строя»²⁷⁰ пришел позже.

На фоне развала советской системы разворачивалось движение за «независимость», появляются общественно-политические организации националистического толка, поддерживаемые общественностью и курируемые зарубежными специальными и идеологическими службами, выступающие за выход из состава СССР и изменение статуса региона²⁷¹. Как отмечают свидетели тех событий, в советских республиках, включая и РСФСР, разговоры о национальном самосознании переросли в национализм, а потом и в сепаратизм²⁷². Сепаратизм возникает в период политической нестабильности и слабости государства и становится причиной вооруженных конфликтов.

«Опять идет посадка на борты,

Не ведаем покоя мы в работе.

²⁷⁰ Язов Д.Т. Нашу Победу не отдадим! Последний маршал империи. – «Книжный мир», 2015. – (Война и мир (Книжный мир)) [Электронный ресурс] / URL: <https://litmir.club/br/?b=554481> (дата обращения: 12.02.2025).

²⁷¹ Подпрятков Н.В. Межнациональные противоречия и причины роста национализма в СССР в 50-80-е гг. XX в. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. № 2-1. – С. 23–26. – С. 23.

²⁷² Рыжков Н.И. Главный свидетель: дело о развале СССР / Николай Рыжков. М.: Алгоритм, 2015. 221, [2] с.: портр. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-ryzhkov/glavnyy-svidetel-delo-o-razvale-sssr-6374191/chitat-onlayn/> (дата обращения: 22.02.2025); Воронин Н. Н. Путь к катастрофе. Размышления об окаянном 1991-м и роли армии в судьбе страны. Свободная мысль. – 2021. – № 4(1688). – С. 156–170. – С. 158, 159.

Степанакерт опять горит в огне
войны,
И мы опять летим на самолете.
Степанакерт, Баку и Ереван
Закрыли матом горы и туман»²⁷³.

Начиная с 1980-х гг., участились межэтнические столкновения и конфликты, охватившие все республики страны²⁷⁴. В Чечне сепаратистские силы значительно усилились, что предопределило дальнейшую эскалацию конфликта и привело к вооруженному противостоянию с федеральным центром. Боевые действия в Чечне переросли в продолжительный конфликт, спровоцировавший негативную реакцию международного сообщества в отношении Российской Федерации, и усугубили кризис политической власти и социальной структуры. Непропорциональное применение военной силы вызвало всплеск враждебности у населения Чечни к российским военнослужащим, даже среди тех, кто не оказывал поддержки режиму Д. Дудаева²⁷⁵.

Существует мнение, что озвученная правительством России цель этой войны – подавление «сепаратистских настроений чеченского народа (как это объясняли для населения России)», завоевание «суверенитета и независимости (как это говорили чеченскому народу)», не была принята армией и обществом, так как не соответствовала истинной цели – переделу «сферы влияния между коррумпированными группировками Москвы и Чечни»²⁷⁶. Армия оказалась втянута в этот конфликт.

На момент начала вооруженного конфликта 11 декабря 1994 г. было понятно, что развал СССР привел к проблемам в Российской армии, включая формирование национальных армий в бывших советских республиках, а также массовый переезд

²⁷³ Степанакерт [Электронный ресурс] / URL: https://shanson-text.ru/song.php?id_song=6102 (дата обращения: 24.02.2025).

²⁷⁴ Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Рос. гос. соц. ун-т. – Москва, 2004. – 34 с. – С.1–4.

²⁷⁵ Цекатунова Л.Б. Чеченский кризис. Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 11. – С. 145–147. – С. 146.

²⁷⁶ Гамов В.И. Образ войны в культуре: дис. ... док. философ. Наук: 24.00.01 / Гамов Виктор Иванович; [Рост. гос. ун-т]. – Армавир, 2000. – 343 с.

в Россию военнослужащих и членов их семей, отказавшихся от вступления в новые военные формирования. Отсутствие плана вывода войск из Восточной Европы, экономический кризис, инфляция и недостаточное обеспечение привели к ухудшению положения военнослужащих. СМИ проводили кампании по демонизации армии²⁷⁷. ВС СССР привлекались для наведения порядка в регионах²⁷⁸, что по мнению Д.Т. Язова, было направлено на дискредитацию армии²⁷⁹.

Война в Чеченской республике была скорее гражданской, потому что велась на собственной территории с частью собственного народа. Военнослужащим сложно было идентифицировать врага, в сознании военных чеченцы по-прежнему были своими:

«Вставай, Россия, воспрянь ото сна,
Просыпайся народ.
Ведь по Руси с автоматом в руках
Брат на брата идет» (А в Чечне идет война).

И только террористические акты против мирного населения страны в разных регионах помогали «четко идентифицировать чужого, врага как «террориста», «нелюдя», «урода»²⁸⁰:

«Продвигались по селу штурмовые группы,
Расстилали по земле террористов трупы» (Я косынку завяжу);
«Ребята, чеченским ублюдкам
Должны мы теперь отомстить
За штурмана Сашку, за Гришку и Пашку»²⁸¹.

Армия ощущала предательство со стороны властей, выражавшееся в продаже

²⁷⁷ Васин П. Российские Вооруженные Силы в 1992–2000 гг. / Газета «Завтра». 28 марта 2014 [Электронный ресурс] / URL: <https://zavtra.ru/blogs/rossijskie-vooruzhennyye-silyi-v-1992-2000-gg> (дата обращения: 24.02.2025).

²⁷⁸ Подпрятков Н.В. Межнациональные противоречия и причины роста национализма в СССР в 50-80-е гг. XX в. / Н.В. Подпрятков, Р.А. Соловьев, М.Г. Суслов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. – № 2-1. – С. 23–26. – С. 24.

²⁷⁹ Указ соч. Язов Д.Т. Нашу Победу не отдадим! Последний маршал империи. – С. 63.

²⁸⁰ Танайлова В. А. (Не)быть ветераном чеченских войн // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 99–119. – С. 109.

²⁸¹ Песни чеченской войны. Санькина фенька [Электронный ресурс] / URL: <https://lib.ru/KSP/afgan/chechnya.txt> (дата обращения: 21.03.2025).

оружия боевикам, незаинтересованности в обмене пленными из-за отсутствия финансирования²⁸², срыве успешных операций перемириями, «сливе» информации о передвижениях войск²⁸³. По мнению военных, предательство было беспрецедентным²⁸⁴;

«Эти липкие взгляды чинуш

Не сулят нам покой,

Не привыкли мы жить по законам тщеславных масонов»²⁸⁵.

«А где-то высоко, в кремлевских кабинетах,

Французским коньяком размешивая кровь,

Российские дельцы, с чеченскими друзьями,

Повеселятся всласть и выпьют за любовь» (Твои, Россия, сыновья);

Разумеется, в вооруженных силах осознавали трагизм сложившейся ситуации, однако, следуя уставу и принципам субординации, выполняли директивы вышестоящего руководства. Подчинение приказам, даже в условиях осознания потенциальных рисков, обусловлено необходимостью поддержания порядка и дисциплины, что, в свою очередь, обеспечивает эффективность боевых действий и достижение поставленных целей.

«Азербайджанцы и армяне

Никак не могут помирится.

<...>

Но точный есть у нас приказ,

Здесь бардака не допустить»²⁸⁶.

В рамках настоящего исследования рассмотрим несколько ключевых факторов, способствовавших сохранению боеспособности, чести и исполнению воинского долга российскими военнослужащими в условиях рассматриваемого

²⁸² Мужество против предательства: 25 лет назад началась первая чеченская война [Электронный ресурс] / URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/11/muzhestvo-protiv-predatelstva-25-let-nazad-nachalas-pervaya-chechenskaya-voyna> (дата обращения: 28.02.2025).

²⁸³ Савельев А.Н. Чёрная книга. Чеченская республика (1991–2000 гг.). – М.: Родина, 2000. – 108 с. – С. 26.

²⁸⁴ Указ. соч. Танайлова В. А. – С. 108.

²⁸⁵ Заводчиков В. Что такое война [Электронный ресурс] / URL: <https://cobm.ru/forum/5-186-1> (дата обращения: 28.02.2025).

²⁸⁶ Карабах [Электронный ресурс] / URL: https://text-you.ru/rus_text_pesni/28496-armejskie-karabakh.html (дата обращения: 24.02.2025).

конфликта.

Во-первых, необходимо отметить, что в критический период трансформации политической системы Советского Союза, высшему военному командованию удалось обеспечить сохранение оперативного контроля и функциональной устойчивости вооруженных сил, что, безусловно, снизило риски дестабилизации и дезинтеграции, как это было отмечено рядом исследователей²⁸⁷.

Во-вторых, нельзя исключать влияние коллективного бессознательного, концептуализированного К.Г. Юнгом, как хранилища архетипических образов, аккумулирующих исторический эмпирический опыт человечества. В кризисные моменты истории эти архетипы, выступающие как универсальные, врожденные паттерны поведения и восприятия, общие для всего человечества²⁸⁸, могут оказывать неявное, но осязаемое воздействие на социум и элиты, способствуя сохранению целостности и порядка в условиях хаоса.

Архетипы, по Юнгу, «являются своеобразными когнитивными образцами <...> архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом»²⁸⁹. Данные структуры не являются статичными или пассивными образованиями; они обладают собственной внутренней энергией, которая оказывает непосредственное воздействие на поведенческие реакции и процессы принятия решений. В контексте формирования психики функциональная роль архетипов заключается в их способности активировать определённые компоненты личности, инициировать конкретные действия и задавать вектор индивидуального развития. Архетипы функционируют как «жизненные силы», которые детерминируют мотивационную сферу, ценностные ориентации и устремления человека.

В русской культуре в силу исторических событий сложилась архетипическая модель войны – это защита страны, оборона, т.е. не нападение, не агрессия. «История России, – пишет И.А. Ильин, – есть история муки и борьбы: от печенегов и хазар – до великой войны двадцатого века <...> духовно отстаиваться в беде и в

²⁸⁷ Воронин Н.Н. Путь к катастрофе. Размышления об окаянном 1991-м и роли армии в судьбе страны // Свободная мысль. – 2021. – № 4(1688). – С. 156–170. – С. 170.

²⁸⁸ Стивенс Э. Возвращение к архетипу: обновленная естественная история Самости. — М.: «Касталия», 2019. — 450 с. — С. 343.

²⁸⁹ Юнг К.Г. Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991. — 343 с. — С. 8, 34.

смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастьи собирать силы; умудряться неудачею и творчески расти после поражения; жить в крайней скудости, незримо богатея духом; не иссякать в истощении; не опустошаться в запустении; но возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое <...> и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета...»²⁹⁰. В русском менталитете сложилось восприятие войны как оборонительной и справедливой, она традиционно наделяется сакральным смыслом, представляется как «великая, всенародная, священная», в которой русский народ отстаивает не только территорию, но и духовные ценности, культуру и веру. По мнению русского философа Ф.Н. Блюхера: «Миф о «справедливой, народной войне» – это нечто большее, чем идеология, если можно так сказать, – это культурный код русского народа»²⁹¹. И, когда кто-то собирается лишить нас своей земли, богатств, а нас самих уничтожить, в нас срабатывает, как пишет Блюхер, архетип – нас не покорили, не уничтожили, не победили, а все потому, что «мы – русские».

Важную роль в оправдании войны играют мессианские идеи о великом предназначении России как хранительницы истинного христианства и спасительницы мира от зла. Мессианство как ценностное мировоззрение и моделирующий фактор русской культуры проявляется как архетипическое свойство. «Русское мессианство, – пишет А.П. Петров, – это такое миропонимание, при котором именно русский народ выступает в роли Мессии; он спасет мир. За этим стоит Вера не только в русский народ, но и такое бытие, где возможно провиденциальное предназначение русского народа, где есть место подвигу <...> Русское мессианство можно рассматривать не просто как элемент, а устойчивое основание российского менталитета»²⁹². Согласно этой идее России предначертана роль хранительницы истинного христианства, спасительницы мира,

²⁹⁰ Ильин И. А. О путях России // Русская идея. – М.: Искусство 1994. Т. 2. – С. 128–134 [Электронный ресурс] / URL: <https://m.litlife.club/books/12475/read?page=4> (дата обращения: 25.04.2025).

²⁹¹ Блюхер Ф. Н. Война и Россия // Vox. Философский журнал. 2015. № 18. С. 44–52 [Электронный ресурс] / URL: <https://vox-journal.org/content/Vox18/Vox18-5-BluherFN.pdf> (дата обращения: 01.05.2025).

²⁹² Петров А.П. Мессианство русской культуры: проблема продуцирования социокультурных феноменов архетипического: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Петров Андрей Павлович; [Место защиты: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького]. – Екатеринбург, 2009. – 22 с. – С. 17, 18.

ей предназначен великий подвиг борьбы с несправедливостью, злом, насилием, греховностью.

Как форма поэтического народного творчества военно-патриотическая песни воплощает глубинные архетипические ценности, символы, мифологемы духовного бытия нации.

Одним из часто повторяющихся архетипов в песнях участников конфликта в Чечне, являются самые действенные архетипы, которые легко распознать, архетипы Матери, точнее Матери-Земли, которая связана с понятием «Родина – мать, что означает мистическую причастность человека к почве, на которой он обитает»²⁹³, в данном случае страна, в которой родились участники конфликта и выросли, воспитывались на принципах морали и законов советского государства, устоявшихся за более чем 70 лет, и сына, который предан своей Матери-земле. Выражение «преданный сын Матери-земли» включает в себе концепцию глубокой и неразрывной связи между индивидуумом и Родиной, выступающей в роли материнской сущности. Это не просто эмоциональная привязанность, но и активная позиция, направленную на защиту и сохранение своей Родины. «Преданный сын» в данном случае символизирует человека, осознающего свою ответственность перед будущими поколениями и активно участвующего в защите родной земли:

«Матушка-Русь, православная, древняя,
Веру, надежду и правду храня,
Жизнь отдавали за светлое, вечное
В битвах твои сыновья». (Честь имею)
«О скольких сыновей, Великая Россия,
Ты отдала за то, чтобы Великой быть,
Безусых, молодых, веселых и красивых,
А ведь они могли еще сто лет прожить» (Твои, Россия, сыновья)
«Открывайте, ангелы, в небеса ворота!

²⁹³ Жуков В.Н. К.Г. Юнг: коллективное бессознательное, архетипы, культура // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 311–325. – С. 317.

К вам с поклоном навсегда в храм б рота...

Рассказать, наверное, сам Господь не в силах,

Как десантники кладут жизни за Россию» (Бой у высоты 776)

«Как много ребят полегло на войне,

России сынов незабытых» (Мне снится ночами)

Архетип Матери представляет собой квинтэссенцию атрибутов, традиционно приписываемых женской ментальности. Являясь универсальным и древнейшим прообразом, он аккумулирует в себе совокупность представлений об «идеальных» чертах, характерных для «женского мира». Данный архетип олицетворяет собой не только биологическую функцию материнства, но и более широкую символическую сферу, включающую в себя nurturance (забота), защиту, плодородие и интуицию. Проявления архетипа Матери многообразны и обнаруживаются в мифологии, религии, искусстве и литературе различных культур. От богинь плодородия, таких как Деметра и Исида, до образов заботливых матерей в фольклоре и литературе, архетип Матери неизменно служит символом жизни, защиты и безусловной любви. Его устойчивое присутствие в культурном ландшафте свидетельствует о его глубоком укоренении в человеческом бессознательном и его непреходящей значимости для понимания человеческой психики и культуры.

«Весна приходит, но уже без вас,

У матерей в глазах не сохнут слезы».

«И мамочку родную поминая,

Молились Богу, перед смертью, умирая!...».

«Мама, приезжай и меня забери.

Не живым, так хоть мёртвым, но меня забери». (Мама, забери меня из Чечни)

«Здравствуй мама, вот опять пишу письмо,

Всё как прежде хорошо,

Всё нормально, светит солнце.

А в горах стоит туман». (Здравствуй, мама!)

«Синяя, синяя река

Мамины, мамыны глаза

мамины, мамыны слова:

– «Где же ты, кровинушка моя?»» (Синяя река)

В словах песен часто встречается обращение «брат», «братуха», «братан»:

«Лейтенант, братан, отпусти!

Мне надо Лёху найти!» (Я не оставлю тебя Лёха)

«Я тебе помогу,

Только выживи, брат» (Едем мы на Кавказ)

«Зашагаю по земле Северо-Кавказской

С автоматом на плече, рядом с братом Сашкой» (Я косынку завяжу. Бой за высоту)

«Давай за жизнь, давай, брат, до конца,

Давай за тех, кто с нами был тогда» (Давай за них (чеченская война))

Т.Е. Владимирова называет язык хранителем памяти и своеобразной «лентой жизни»²⁹⁴ наших предшественников и современников. Частое употребление слова «брат» означает не кровное родство у воинов, а является последствием исторической памяти, когда в Древней Руси княжеская дружина была «княжеским братством» во главе с «князем-отцом». «Братское единство, – пишет Т.Е. Владимирова, – искони скрепляло воинский дух русской рати на поле брани»²⁹⁵. Обращение «брат» «создает атмосферу единения и соучастного бытия», автор заключает, что «привнося в общение черты внутрисемейного речевого поведения, термины родства восстанавливают в сознании носителей языка «память культуры» о доброжелательных отношениях и соучастном бытии»²⁹⁶.

Часто повторяется в песнях слово «честь» либо указание на честное и добросовестное исполнение своих обязанностей, рассматриваемое как проявление профессиональной чести:

²⁹⁴ Владимирова Т.Е. Концепт «брат» как архетип русского языкового бытия // Мир русского слова. – 2015. – № 2. – С. 47–53. – С. 47.

²⁹⁵ Там же. – С. 49.

²⁹⁶ Там же. – С. 51.

«Честь имею, капитан, честь имею,
 Продержаться бы нам до утра...
 Честь имею, капитан, честь имею –
 Нас спасала судьба...» (Честь имею)
 «Мы пришли солдатами чести» (Оставленный богом блокпост)
 «Для чего мы хороним здесь
 Свои души, друзей и честь?» (Я не оставлю тебя Лёха)
 «Здесь трусов нет, нет подлецов – в тылу остались» (Госпиталя)

Архетип Чести представляет собой фундаментальный конструкт в области психологии и социологии, отражающий систему ценностей, норм и убеждений, связанных с поддержанием репутации, достоинства и моральной целостности индивида или группы. Этот архетип, исторически укорененный в различных культурах и эпохах, диктует стандарты поведения, определяющие, что считается приемлемым, похвальным или, наоборот, предосудительным.

Честь как социальный феномен предполагает наличие общественного признания и уважения, основанных на соблюдении определенного кодекса поведения, таких как защита своей семьи, отстаивание своих убеждений или выполнение взятых на себя обязательств, нарушение которого влечет за собой потерю репутации и социальное порицание. Архетип Чести является одним из универсальных паттернов поведения и мышления, унаследованных от предков.

Мужество, а также честь и достоинство обязывало российских военных следовать славным традициям русского воинства:

«Мы живём по законам своим –
 Честь, отвага, десантное братство,
 И под небом страны голубым
 Мы за это готовы сражаться». (В. Пухов «Сыны Маргелова»)

Архетипы выступают как формы проявления инстинктов, укорененных в коллективном бессознательном. Инстинкты, будучи фундаментальными биологическими импульсами, представляют собой источник энергии, направляющей поведение и мотивацию. Следовательно, архетипы, являясь

производными инстинктов, также наследуют эту энергию, трансформируя её в творческую силу. Данное утверждение подразумевает, что творчество не возникает из пустоты, а коренится в глубинных биологических структурах. Архетипические образы, активизируясь в психике индивида, мобилизуют инстинктивную энергию, которая, в свою очередь, проявляется в виде творческого импульса. Этот импульс может быть направлен на создание произведений искусства, научные открытия или любые другие формы новаторской деятельности²⁹⁷. В своем творчестве художник способен «открыть, что же необходимо его времени, и что им не осознано. Так же, как односторонность позиции индивидуального сознания исправляется импульсами бессознательного, искусство представляет процесс саморегуляции в жизни наций и эпох»²⁹⁸.

Чеченские войны, как конфликт с высоким уровнем насилия и моральной двусмысленностью, стали катализатором для активации архетипических моделей поведения среди военнослужащих. В частности, архетип «Воина» проявлялся в стремлении к защите своей группы, агрессии по отношению к противнику и героизации военных действий.

«Один среди черных гремящих скал
 Один среди черных взбешённых душман
 Один раскаленный в бою пулемёт
 Ребятам своим прикрывает ход» (Синяя река)
 «Под шум и взрыв гранат шагает наш отряд,
 Там далеко в горах слышна стрельба.
 Под шум и взрыв гранат где дросселя летят,
 И от разрыва вся горит земля.
 Взлетает вертолет, а мы идём вперёд,
 И не отступим мы с тобой назад» (Под шум и взрыв гранат)

Архетип Героя в нарративных структурах определяется набором ключевых характеристик, среди которых выделяются отвага, изобретательность и

²⁹⁷ Юнг К. Г. Психоанализ и искусство / К. Юнг, Э. Нойманн; [Пер. с англ.: Г.Бутузов, О.О.Чистяков]. – М.: REFL-book, Ваклер, 1998. – 302 с. – С. 49.

²⁹⁸ Там же. – С. 29.

способность к регенерации. проходит через серию трудностей, которые проверяют не только его физическую выносливость, но и нравственную стойкость. Архетип «Героя» отражает фундаментальное стремление человека к самореализации и преодолению трудностей, что особенно актуально в условиях военных действий.

«Но я кричу, давай вперед,
Штурм, рота к бою, все в окоп,
ОМОН за мной» (Горный Перевал)
«Во сне я вижу страх и ад
И слышу звуки канонад,
Но там мои друзья всегда со мной.
Они поддержат и спасут,
И руку дружбы подадут,
Ну, а убьют, так тело принесут» (В военкомате случай был)

Несмотря на сложные обстоятельства, сопутствовавшие проведению военных операций в Чеченской Республике, военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации продемонстрировали приверженность конституционным принципам, руководству страны и интересам российского народа. Подтверждена высокая морально-этическая устойчивость личного состава, проявленная в следовании традиционным ценностям воинской чести и доблести, исторически ассоциируемым с русской армией. Данный факт находит отражение в многочисленных свидетельствах героизма и самопожертвования, проявленных военнослужащими в ходе боевых действий, что демонстрирует непрерывность традиций служения Отечеству, укорененных в российской военной истории и культуре.

«Перед Родиной долг исполнил я,
Самый трудный бой – победить себя» (На блок постах, в ущельях гор...)
«И пускай все говорят, что ты солдат,
И пусть скажут, на войне как на войне,
Командир переживает за ребят, за ребят,
А за гибель их казнит себя вдвойне» (Командир)

Корпус солдатских песен, отражающих опыт двух чеченских войн, характеризуется существенной фрагментарностью, что обусловлено, по-видимому, неоднозначным отношением общества к этим вооруженным конфликтам и, как следствие, ограниченным вниманием к архивации и распространению фольклорных материалов, связанных с ними. Отсутствие систематизированных собраний и научных исследований создает значительные лакуны в понимании эмоционального состояния и мировоззрения участников этих конфликтов. Таким образом, необходимо проведение специализированных исследований, направленных на выявление, фиксацию и анализ солдатских песен чеченских войн для восполнения существующих пробелов в изучении данного периода российской истории²⁹⁹.

Начавшийся в 2014 г. конфликт на Украине показал, что российская армия, в отличие от периода чеченских кампаний, прошла трудный этап реформирования, что послужило восстановлению ее боеспособности, переосмыслению фундаментальных ценностей (честь, долг и др. в условиях боевых действий), учла положительный опыт Советской армии³⁰⁰.

Ф.Н. Блюхер считает, что консолидация государства в истории сопровождалась не только военными успехами, но и периодами внутренних кризисов и потрясений, таких как Смутное время в начале XVII в. Выход из этих кризисов, в свою очередь, требовал дальнейшей адаптации государственных институтов и переосмысления национальной идентичности. Именно эта динамика, а не некая predetermined склонность к войне, определяет траекторию развития государств, достигших высокого уровня централизации и военной мощи.

Специальная военная операция России на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г., по мнению Ф.Н. Блюхера, является продолжением Большой войны против врага, чьей целью является уничтожение российского государства³⁰¹. В зоне

²⁹⁹ Урюпина М.А. Идея России в духовно-историческом опыте Великой Отечественной войны и специальной военной операции // Вестник культуры и искусств. – 2026. – № 1(85). – С. 122–128.

³⁰⁰ Лизунов Н. Мужество против предательства: 25 лет назад началась первая чеченская война / EurAsia daily, 11 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://euradaily.com/ru/news/2019/12/11/muzhestvo-protiv-predatelstva-25-let-nazad-nachalas-pervaya-chechenskaya-voyna> (дата обращения: 01.03.2025).

³⁰¹ Указ. соч. Блюхер Ф.Н. Война и Россия.

проведения СВО ВС РФ обеспечивают защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, как это определено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400), а также безопасность ее многонационального населения.

Г.В.Ф. Гегель считал, масса людей может быть квалифицирована как государство лишь при условии их консолидации с целью коллективной защиты «всей совокупности своей собственности»³⁰². В качестве примера несостоятельности такой системы Гегель приводит Германию того времени: он указывает на парадокс, при котором государство формально декларирует обязательства по коллективной обороне, но на практике не способно реализовать их, что лишает его подлинной государственной сущности³⁰³.

Таким образом, проведение Россией специальной военной операции на Украине обусловлено необходимостью купирования угроз, направленных против суверенитета и территориальной неприкосновенности страны. Эти действия опираются на фундаментальное право государства на самооборону и суверенное право формировать собственный политический курс, что полностью соответствует положениям Устава ООН (ст. 2, гл. I).

«Не за евродоллары мы сложим головы,

А за Родину свою!».

(гр. «За сВоих», «Штурм Позций ВСУ»)³⁰⁴

Российское общество продемонстрировало высокую степень консолидации перед лицом внешнего давления со стороны западных стран, что привело к заметному подъему патриотизма. Данная тенденция, набравшая силу после 2014 г., стала ответом на ряд геополитических факторов. Экспертное сообщество выделяет в качестве ключевой причины экспансию НАТО в восточном направлении³⁰⁵. Дополнительными катализаторами стали экономические санкции, введенные

³⁰² Гегель Г.В.Ф. Политические произведения / Гегель; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1978. – 437 с. – С. 75.

³⁰³ Там же. – С. 76.

³⁰⁴ Бойко П.Е. Песня как духовный феномен (на материалах отечественной военной песни): культурно-философский анализ / П.Е. Бойко, М.А. Урюпина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2026. – № 1(57). – С. 108–125.

³⁰⁵ Там же. – С. 120–121.

против РФ, а также информационное противоборство, развернутое в западных медиа и направленное на дискредитацию российской государственной политики³⁰⁶.

«Так было в России с далеких времен.

Чем выше давление, тем крепче бетон.

И если опасность державе грозит, становится Родина, как монолит.

В горниле победы сегодня как старь, опять закаляется Родины сталь»

(Олег Газманов, «Вперед Россия!»)

Рост конфронтации между Российской Федерацией и странами Запада, обусловленный в первую очередь событиями на Украине, сформировал в российском социуме устойчивое восприятие коллективного Запада в качестве геополитического антагониста, чьей целью является подрыв государственного суверенитета и снижение международного влияния России. Как показывают опросы, проводимые Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), уровень доверия населения к западным политическим структурам и их лидерам претерпел резкое падение; одновременно с этим фиксируется рост одобрения внешнеполитического вектора, реализуемого российским правительством³⁰⁷.

Консолидация общества на платформе защиты национальных приоритетов проявилась в повышении уровня поддержки Вооружённых сил РФ, расширении добровольческих и волонтёрских инициатив. Укрепление патриотического дискурса закономерно отразилось в культурной области: наблюдается значительное усиление интереса к российской истории и национальному культурному наследию, а также критический пересмотр западных ценностных ориентиров.

«И ни шагу назад,

Пускай дождь или град он не ради наград,

А по долгу отечеству и сердца зову!

³⁰⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2 июля 2021 года [Электронный ресурс] / URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения: 03.05.2025).

³⁰⁷ ВЦИОМ: Итоги года – 2022: политика [Электронный ресурс] / URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-goda-2022-politika> (дата обращения: 03.05.2025).

Он,
 Он пример для ребят, в ночь уходит отряд.
 И он сдержит им каждому данное слово.
 Вдаль!
 Светит свет из окна, наша вера сильна!
 А в единстве и мужестве сила!
 С ним,
 С ним спокойна страна
 Всегда что бы не происходило»
 (Группа «Любэ», «Дай ему сил»)

Следует подчеркнуть, что указанная тенденция характеризуется неоднородностью и допускает множественность трактовок в среде российского социума. Вместе с тем, доминирующим остаётся согласие по вопросу необходимости обеспечения национальных приоритетов и государственного суверенитета.

«Меня спросил один родитель:
 «Зачем вы едете туда, ведь вы – историк, вы – учитель!
 И нет почетнее труда.
 Вы ж там станете убийцей,
 В людей научитесь стрелять...
 <...>
 Тут видно сразу
 Бесполезно о чем-то важном говорить.
 Про наш народ и нашу веру,
 Про то, что надо сохранить.
 Из истории примеров героев-дедов приводить.
 Про долг мужской, про честь и совесть.
 Про то, что нелюди творят».

(Доброволец Александр Жигжитотов – школьный учитель истории из Владивостока)

Как писал философ И.А. Ильин: «Государство находится не «там где-то», вне нас <...>; нет, оно живет в нас, в виде нас самих, ибо мы, живые человеческие личности, мы есьмы его «части», или «члены», или «органы». Это участие не сводимо к внешним делам и к внешнему «порядку»; оно включает и нашу внутреннюю жизнь. ... В государство включаются (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или наоборот разрушают его) – все свободные, частно-инициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан. <...> Политический организм имеет прежде всего душевно-духовную природу: народ, потерявший чувство духовного достоинства, лишенный ответственности и государственного смысла, отрекшийся от чести и честности, – неизбежно предаст и погубит свое государство. <...> Государственное же дело начинается именно там, где живет общее, т.е. такое, что всем важно и всех объединяет; что или сразу у всех будет, или чего сразу у всех не будет; и если – не будет, то все развалится и упразднится, и все рассыплется, как песок»³⁰⁸.

«Не устанет русская душа
 Верить в тебя, светлая, Россия!
 До крови распятая судьбой,
 Господи Всевышний, дай ей силы!
 От напрасной гибели укрой
 И согрей теплом своим Россию!»
 (Ксения Мон, «Молитва за Россию»
 «Когда идёт война,
 Рождаются герои!
 Они выходят в строй,
 И в руки автомат!
 <...>
 Когда идёт война,
 Ты можешь только драться,

³⁰⁸ Ильин И.А. Об органическом понимании государства и демократии (30 октября 1950 года) [Электронный ресурс] / URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/ilin/ob_organich_ponimanii/ (дата обращения: 02.05.2025).

И должен побеждать, ещё, ещё, ещё!

Воин! С нами память дедов!

Устоим под напором врага,

И дойдем до Берлина!

Воин! С нами сила Богов!

Твоя Родина-мать,

Ждёт тебя, как отважного сына!»

(муз. и сл. В. Навалихина)

Г.В.Ф. Гегель в своей фундаментальной работе «Философия права» (1820) разрабатывает сложную иерархическую концепцию государства как высшей формы объективного духа. Государство, по Гегелю, является не просто инструментом для обеспечения безопасности и порядка, как полагали представители теории общественного договора (Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо), а есть высшая ступень в развитии нравственного духа народа, «действительность нравственной идеи – нравственный дух как очевидная, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает»³⁰⁹.

Сущность государства заключается в синтезе частного интереса и всеобщего блага. Семья и гражданское общество, предшествующие государству, являются лишь подготовительными этапами развития. Семья основана на любви и кровном родстве, а гражданское общество – на конкуренции и удовлетворении индивидуальных потребностей. Однако только государство способно интегрировать эти разнородные элементы в единое целое, обеспечивая гармоничное развитие личности и общества.

Ключевым моментом является гегелевское понимание свободы. Свобода, по Гегелю, не заключается в отсутствии ограничений, а в осознанном подчинении рациональным законам государства. Г.В.Ф. Гегель писал «Государство есть действительность нравственной идеи – нравственный дух как очевидная, самой

³⁰⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права: [Пер. с нем.] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [Авт. вступ. ст., с. 3-43, и примеч. В. С. Нерсесянц]; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1990. – 524, [2] с. (Т. 113). – С. 279.

себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. В нравах она имеет свое непосредственное существование, а в самосознании единичного человека, его знании и деятельности — свое опосредованное существование, равно как самосознание единичного человека посредством умонастроения имеет в нем как в своей сущности, цели и продукте своей деятельности свою субстанциальную свободу»³¹⁰.

Г.В.Ф. Гегель отмечал необходимость концентрации государственной власти в едином центре, который должен быть признан и поддержан народом. Единение народа с государством, основанное на доверии, есть основополагающее условие для существования государства.

Данная точка зрения не утратила своей актуальности в современном мире, что находит подтверждение в проводимых исследованиях. От уровня доверия граждан зависит благосостояние государства: социальная сплоченность, экономическая стабильность и политическая устойчивость³¹¹. Недоверие граждан институтам власти вызывает обратный эффект³¹². Таким образом, утверждение Гегеля о значимости доверия как фактора консолидации общества вокруг власти остается актуальным и подтверждается современными исследованиями в области политологии и социологии.

Но, по Гегелю, «здоровье государства обнаруживается не столько в покое мирного времени, сколько в движении войны; мир — это состояние наслаждения и обособленной деятельности, когда управление государством носит характер мудрой патриархальности, а требования к подданным не выходят за рамки привычного, в войне же проявляется прочность связи между целым и его частями, обнаруживается, что государство может требовать от них и в какой степени они готовы сами содействовать ему собственному побуждению и внутренней склонности»³¹³.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Fukuyama Francis Trust The social virtues and the creation of prosperity / Francis Fukuyama. New York: The Free press, cop. 1995. — XV, 457 p. tab.

³¹² Putnam R. D. Bowling alone the collapse and revival of American community / Robert D. Putnam. New York: Simon & Schuster paperbacks, cop. 2000. — 541 с.

³¹³ Указ. соч. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. — С. 65, 66.

Специальная военная операция – это мера по защите национальных интересов и предотвращение распространения идеологии, которую в России отождествляют с фашизмом, проводя параллели с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.³¹⁴

Действия армии России, гражданского населения показывают насколько наше общество на данном историческом этапе стало более патриотичным, сплоченным и сильным.

«Мы – России сыны. А сынам должно мать защищать.

Мы не ради наград и внимания женщин, и славы

Шли в атаку, вгрызались в дрожащую землю фронтов.

Мы за русский Донбасс поднялись для кровавой расправы

Над жестоким врагом, не жалея своих животов».

(«МЫ – НЕ ГЕРОИ», сл. С. Лобанов, муз. А. Сергеев)

Население страны объединилось в различные движения, оказывающие всяческую помощь фронту. Подобная консолидация социума вокруг общих целей, особенно в периоды геополитической напряженности, является характерной чертой национального самосознания. Как отмечает Э. Геллнер, национализм представляет собой политический принцип, утверждающий, что политическая и национальная единицы должны совпадать³¹⁵. В условиях внешнего давления, чувство национальной идентичности усиливается, что способствует мобилизации ресурсов и поддержке государственных инициатив. «Доверие к институтам власти, – считает В.А. Федотова, – положительно влияет на гражданскую идентичность, оказывает позитивное воздействие как на патриотизм, так и на национализм <...> сильное влияние на формирование гражданской идентичности оказывают доверие к президенту и правительству РФ, а также к российской армии»³¹⁶.

В современных условиях, патриотический подъем проявляется в

³¹⁴ Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 02.05.2025).

³¹⁵ Геллнер Э. Нации и национализм / Эрнест Геллнер; Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. 319 с. – С. 23.

³¹⁶ Федотова В.А. Влияние политических установок на формирование гражданской идентичности россиян / В.А. Федотова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 78. – С. 249–259.

разнообразных формах гражданской активности, включая волонтерскую деятельность, финансовую поддержку военнослужащих и участие в информационных кампаниях. По данным социологических исследований, проведенных ВЦИОМ в 2023 г., уровень доверия к армии и другим силовым структурам достиг максимальных значений за последние десятилетия³¹⁷.

Данный конфликт народ и армия восприняли как «священную», «освободительную» войну, что незамедлительно отразилось в культурной сфере. Указанная взаимосвязь нашла выражение, в частности, в распространении в армейской среде адаптированной версии композиции А.В. Александрова на слова В.И. Лебедева-Кумача «Священная война»:

«Вставай, страна огромная,

Опять на смертный бой!

С бандеровскою тёмною,

Фашистскою ордой!

<...>

Мы за Донбасс расстрелянный

Вступили с НАТО в бой!

И бьём врага уверенной

Карающей рукой!»³¹⁸.

«И в атаку идут на врага за Россию ребята,

А армейским частям стали братьями «Вагнер» с «Ахматом»!

Да, сейчас тяжело, но за нами стоят наши деды,

Значит будет над Киевом красное Знамя Победы!

И солдаты, что нынче в боях СВО погибают,

По Крещатику русским «Бессмертным полком» прошагают!»³¹⁹.

В современной России, примерно с 2014 г., сформировался концепт «Русский мир», представляющий собой идеологическую конструкцию, претендующую на

³¹⁷ ВЦИОМ. Специальная военная операция: год спустя, 2023 [Электронный ресурс] / URL: <https://wciom.com/press-release/special-military-operation-a-year-later> (дата обращения: 04.05.2025).

³¹⁸ Кунявский Г. Священная война [Электронный ресурс] / URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3506109/> (дата обращения: 29.03.2025).

³¹⁹ Там же.

объединение всех, кто идентифицирует себя с русской культурой и языком, независимо от их географического положения. Данный концепт активно продвигается как инструмент внешней политики и культурного влияния, как фактор внутренней консолидации, а также в противовес этноциду всего русского: языка, культуры, традиций, Русской Православной Церкви³²⁰.

«Много лет эта драка зрела.

Неизбежна была война»

(гр. «Морпехи», сл. Валентин Михайлин)

«Русский мир» – «Это совокупность ценностей и идей, возникших в процессе исторической трансформации идеологием российского общества, выражающих как самобытность цивилизационного пути России, так и объединение разных народов под эгидой российской культуры и государственности, с сохранением присущих им уникальных национальных традиций»³²¹.

Идеологические корни «Русского мира» уходят в историю российской империи и Советского Союза, а также в философские течения, акцентирующие особое место России в мировой истории и культуре. Современная интерпретация концепта включает в себя защиту прав русскоязычного населения за рубежом, продвижение русского языка и культуры, а также укрепление связей между Россией и соотечественниками, проживающими в других странах (Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640).

Слово «русский» в данной концепции означает не принадлежность к определенной национальности, а в современных условиях – это, фактически, принадлежность к коалиции разнообразных национальностей, этнических групп и народностей, использующих различные языки и исповедующих разные религии, но ощущающих Россию как свою общую Родину.

Такое широкое понимание слова «русский» равнозначно понятию «свой».

³²⁰ Стрелецкий Я. И. Специальная военная операция России на Украине: философско-культурологический анализ // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12(128). – С. 188–196. – С. 194.

³²¹ Матюхин А.В. Ценности «Русского мира» как фактор политической консолидации в период СВО // Журнал политических исследований. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 33–45. – С. 36.

Это явление коренится в историческом контексте формирования российской государственности, когда этническая принадлежность часто уступала место культурной и политической лояльности. «Русский» становился синонимом принадлежности к определенной цивилизационной общности, а не только этнической группе.

Данный феномен находит отражение в социолингвистических исследованиях идентичности. Согласно В.А. Тишкову³²², исторически сложилось так, что гражданская идентичность в России доминировала над этнической. «Русский» обозначал не столько кровное родство, сколько культурную и политическую ориентацию.

«Наши правила довольно просты, величие родины в наших делах.

Случайных здесь нет, мы действуем по зову души.

Мы вместе, все в наших руках.

И никаких стандартов двойных, вставай вперед идем до конца.

Я стою за своих: за Родину, за мать и отца,

И за друзей боевых, которым был и буду верен всегда!

Я стою за своих, свои объединились сердца.

Одной с тобой дорогой идем, сами выбрали путь, это наша судьба.

Мы своих не бросаем и не предаем, так было и будет всегда!»

(гр. «Петровский Бэнд», «Я – за своих»)

Наряду с концептом «Русский мир» сформировался еще концепт «Русская весна», одним из значений которой – по мнению С.Н. Стародубца, – является «долгожданная переориентация политики России, направленная на приоритетное развитие национальной экономики, подготовку национально значимых кадров, духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодого поколения <...> В контексте русская весна противопоставлена «тёмной, угрюмой зиме» – периоду в истории России, который начался после 1991 года и продолжался до первого

³²² Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 649 с.

десятилетия двухтысячных годов»³²³. Автор заключает, что «метафоризированное составное наименование Р/русская весна является идеологемой, отражающей духовно-патриотическую ориентацию национального мировоззрения русскоговорящего социума, способствует глубинному осмыслению русской ментальности»³²⁴.

Использование лексемы «русский» в терминологических конструкциях «Русский мир» и «Русская весна» включает в себя комплекс особенностей характера и менталитета³²⁵. На современном этапе развития общества национальная идентичность проявляется в осознании индивидом неразрывной связи с согражданами, объединенными общим историческим наследием, лингвистическим пространством, традициями и культурными ценностями. Данное единство поддерживается сознательным принятием «нравственно-правовых и ценностных норм государства и общества, которые фиксируются системой культурных значений: флаг, герб, гимн, памятники, герои, фольклор»³²⁶. Таким образом, национальная идентичность конституируется не только объективными факторами, но и субъективным принятием символического порядка, обеспечивающего социальную сплоченность и легитимность государственной власти³²⁷.

«Встанем как в былые годы яростных атак.

И все братские народы соберем в кулак.

Только вместе мы едины!

Нас не победить!

И назло всем вражьи́м силам Русь наша будет жить!

Мы против зла встали вместе как один.

³²³ Стародубец С.Н. Идеологема «Русская весна» в языковой картине русского мира // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2(104). – С. 144–151. – С. 146.

³²⁴ Там же. – С. 149.

³²⁵ Баютин М. Русский – это не национальность [Электронный ресурс] / URL: <https://proza.ru/2015/06/03/2079?ysclid=le5w3eauvf935688254> (дата обращения: 15.04.2025).

³²⁶ Артемов В. Л. Патриотизм и национальная идентичность. О воспитании патриотизма // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: доклады и материалы XIV Международной научной конференции: в 2 частях, Москва, 14–16 декабря 2017 года. Том Часть 2. – М.: Московский гуманитарный университет, 2017. – С. 450–458. – С. 454.

³²⁷ Anthony D. Smith. National Identity. London: Penguin Books, 1991. – P. 226.

Пусть будет мир!

Мы победим!»

(гр. «Отечество», «Победа будет За нами!», сл. и муз. Д. Топтунов, А. Дигалев)

Война – это, конечно, боль, страдания, жертвы, с одной стороны. С другой, это и время подвигов, как личных, так и коллективных. Она раскрывает внутренний потенциал людей, проявляет истинное содержание души. В экстремальных условиях, когда привычные нормы и ценности подвергаются испытанию, люди способны на проявления героизма и самопожертвования, ранее скрытые под покровом обыденности.

В ходе освобождения Курской области от украинских формирований ВС РФ была проведена операция «Поток». Уникальность данной операции, обусловленная сложностью поставленных задач, высоким уровнем риска и комплексностью исполнения, нашла отражение в многочисленных репортажах СМИ и произведениях искусства. Подвигу военнослужащих, принимавших участие в операции «Поток», посвящена песня Алексея Ярынчина «Операция "ПОТОК"»:

«Забрезжит тонкий лучик света,

И свежим воздухом глоток...

А впереди лишь километры

По Операции "ПОТОК"...

Там по трубе согнувшись вдвое –

До Суджи вёрстами войны...

Идут вперёд, идут Герои –

Трубою Жизни, Пацаны...

До одури железный смрад...

Не спелеологи, не квест...

БэКа, разгрузка, автомат –

Такой ребятам Русский Крест». (А. Ярынчин «Операция «Поток»)

В песне также автор употребляет понятие «Русский Крест», как символ единства и жертвенности во имя общих ценностей. Эта метафора отсылает к

глубоким историческим и духовным корням, укорененным в культуре и идентичности. Концепция «Русского Креста» может интерпретироваться как синтез веры, патриотизма и готовности к самопожертвованию ради защиты Родины и ее идеалов.

Вооружённый конфликт на Украине продемонстрировал высокий уровень патриотизма среди граждан, готовых с оружием в руках отстаивать суверенитет и территориальную целостность страны. Речь идёт о добровольцах, изъявивших желание участвовать в боевых действиях. Один из самых больших добровольческих отрядов сформирован из добровольцев-резервистов – Боевой армейский резерв специальный (БАРС).

«Мы каждый в свое время достойно отслужили,
Отдали долг России, но вновь труба зовет!
Как автомат держать мы, брат, не позабыли—
ВВ-шники, морпехи, десантники, вперед!»
(Ксения Каменева и Игорь Бредихин, «Барс-Курск»)

Композиция, исполненная участником СВО В. Денисовым в сотворчестве с супругой О. Спиридоновой и сыном, представляет собой музыкально-поэтическое высказывание, тематически центрированное на идее трансгенерационной связи. В основе произведения лежит концепция преемственности поколений в контексте патриотизма и незыблемости семейных ценностей. Верность, в данном контексте, выходит за рамки супружеских отношений, охватывая более широкое понятие приверженности Родине, долгу и традициям.

«Мне приснился сон, что закончилась война.
В гости дед пришел, мы с ним сидели до утра.
Он мне рассказал, как проживал свою войну.
И я деду обещал, что я его не подведу.
От войны до войны небо мирное.
От тебя до меня дорога длинная.
Гордо деда ордена я к груди прижму.
Служу России, дед! Я тебя не подведу!

Мне приснился сон, что закончилась война.
 И на груди твоей горят Победы ордена!
 В роковом бою моя любовь тебя спасла.
 За твоей спиной всегда, мой позывной «Жена».
 От войны до войны память сохрани.
 От тебя до меня больше нет войны.
 И твой китель в орденах я к груди прижму.
 Служу России, милый! Я тебя не подведу!
 Мне приснился, что закончилась война.
 К папе друг пришел, они сидели до утра.
 Он мне рассказал, а я сыну расскажу.
 Папа, дед, если что, я вас не подведу!
 От войны до войны небо мирное.
 От тебя до меня дорога длинная.
 Гордо деда ордена я к груди прижму.
 Я все помню, дед, я тебя не подведу!
 От войны до войны память сохрани.
 От тебя до меня больше нет войны.
 И твой китель в орденах я к груди прижму.
 Я все помню, дед, я тебя не подведу!»

Феномен песенного творчества участников СВО, получивший распространение в последние годы, представляет собой важный социокультурный аспект, отражающий настроения и мировоззрение военнослужащих, а также их восприятие текущих событий. Подобные произведения, транслируя идеи патриотизма и семейных ценностей, оказывают влияние на формирование общественного мнения и консолидацию общества.

Выводы параграфа 2.3

Таким образом, военно-патриотическая песни, во всем многообразии ее форм – от архаичного фольклора до рефлексивной авторской песни, – выступает

важнейшим инструментом формирования и трансляции культурной идентичности. Она аккумулирует историческую память, морально-этические ценности и духовные идеалы народа, обеспечивая преемственность поколений и внутреннее единство социума.

Однако, для постижения истинной глубины и значимости песни, необходимо рассматривать её не как изолированный артефакт, а как элемент сложной системы, взаимосвязанный с социальным, историческим и культурным контекстом, в котором она возникла и функционирует. Такая многоаспектность и делает ее концептуально сложной.

Значительную долю военно-патриотической песни занимает фронтовой фольклор, отличающийся высокой степенью адаптивности. Он становится зеркалом военных событий, настроений солдат и трансформаций в военной среде. Этот факт делает его хроникой исторических событий, архивом военных традиций и обычаев.

Военные кампании в Чечне проходили в сложный период для страны. Несмотря на все проблемы в государстве и армии, Вооруженные силы РФ сумели сохранить боевую готовность и выполнить свой долг в соответствии с приказами и Уставом, как это подобает русскому солдату. Все коллизии их службы нашли отражение в песнях. Этот пока малоизученный пласт творчества, на наш взгляд, является проявлением коллективного бессознательного в юнгианской концепции. Именно в этих песнях обнаруживаются архетипические образы, укорененные в подсознании российского народа.

В контексте проведения специальной военной операции военно-патриотические песни приобрели статус ключевого инструмента для укрепления морально-психологического состояния, консолидации социума и формирования патриотического сознания. В соответствии с русской культурной традицией, они транслируют глубокий смысл посредством лаконичных вербальных форм, а их выразительная экспрессия способствует формированию позитивного образа Отечества и его защитников.

Анализ эволюции нравственных норм в российском военно-патриотическом

песенном жанре представляется актуальным для экспликации его влияния на становление духовного облика и самобытности России на современном этапе

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская военно-патриотическая песня выступает как квинтэссенция нравственных ориентиров российской нации, чье формирование насчитывает тысячелетия, и является ключевым элементом национальной самобытности. Данное свойство позволяет использовать ее в качестве инструмента противодействия деструктивным информационным воздействиям.

Философско-культурологические методы, применяемые при изучении эволюции российской военно-патриотической песни с XVI в. по настоящее время, позволили выявить ее глубинные корни и характерные особенности, а также как она отражает духовную самобытность России и какие традиции лежат в ее основе, формируя ее как социокультурный феномен. Особый акцент делается на проблематике возрождения российского мировоззрения, национального самоопределения, исторической памяти и культурной идентичности.

По результатам философско-культурологического анализа базовых ценностей российской военно-патриотической песни, проведенного в диссертации согласно разработанному замыслу, можно заключить следующее.

1. Основной теоретической базой в изучении военно-патриотической военной песни стали работы Г.В.Ф. Гегеля о диалектике и феноменологии духа. Гегелевская философия духа, с её акцентом на диалектическое развитие и самосознание, остаётся мощным инструментом для анализа культурных процессов и явлений. Понимание духа как нравственной сущности, проявляющейся в различных формах общественной жизни, позволяет глубже проникнуть в суть культурного творчества народов и наций. Гегель подчеркивал, что самосознание и познание невозможны без различения, обособления и единичности, что находит отражение в развитии культуры от мифологических и интуитивных форм мышления к разумному способу бытия духа. Это движение, как отмечал Гегель, неотделимо от языка и мышления, формирующих концептуальную основу национальной культуры.

Применение гегелевской диалектики к изучению культурного феномена

военно-патриотической песни продемонстрировал не хаотичное движение культурно-исторического процесса, а закономерное взаимодействие различных культур. Это взаимодействие, учитывающее их уникальные особенности, обогащает общий дух человечества. Гегель подчеркивал важность философского анализа исторического развития культуры для осмысления современных культурных тенденций и выявления универсальных черт духовной жизни.

Философия духа Гегеля, построенная на понятиях всеобщего, особенного и единичного, дает нам инструменты для комплексного изучения культурных явлений. Анализируя единство и самостоятельность разных культур, мы можем постичь сущность мировой духовности и значение духовного творческого процесса в эволюции человечества. Актуальность гегелевских идей сохраняется и сегодня, они служат важным ориентиром для философско-исторического самопознания как России, так и всей планеты.

Российский национальный архетип, сформированный особенностями русского языка и мышления, создает неповторимый социокультурный контекст. В его центре стоит православно-христианская идентичность, которая, как считал Гегель, является нравственным основанием государства. Эта идентичность пронизывает все сферы жизни народа, от песен до других культурных проявлений, подчеркивая тесную взаимосвязь духовных ценностей и самовыражения нации.

Изучение философских и историософских взглядов на место России в мировой истории показывает, что понимание ее специфики и влияния на мир – задача сложная и многогранная. От попыток Н.А. Бердяева осмыслить религиозно-философские корни русского менталитета до диалектических размышлений П.Е. Бойко российские интеллектуалы стремились постичь самобытность русской культуры и ее значение для человечества.

Российская история, с ее диалектическим взаимодействием восточных и западных традиций, отражает всеобщий дух, как верно заметил П.Я. Чаадаев. Славянофилы, среди которых выделяются А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, разработали собственную философию, которая стремилась к идеальной модели общества, построенной на нравственных, социально-политических и религиозных

принципах. Идея соборности, выдвинутая славянофилами, служит ключом к осмыслению специфического типа русской солидарности, которая зиждется на принципах свободы.

В работах В.О. Ключевского и Е.Ф. Шмурло Россия рассматривается как мост между Европой и Азией, объединяющий европейские культурные традиции с азиатскими природными особенностями. В то же время, В.С. Соловьев предлагает историософскую концепцию, где Россия выступает как самостоятельная сила, обладающая универсальным культурно-историческим значением, отражающим общечеловеческие стремления.

Поиски философского понимания России, ее уникальности и исторической роли не прекращаются, но сталкиваются с противоречиями, возникающими в отношениях между Россией и Западом. По мнению П.Е. Бойко, эти неразрешенные противоречия мешают России достичь разумного и свободного существования в рамках Глобальной Европейско-Христианской Цивилизации, которая будет характеризоваться постисторическим типом бытия. Для того чтобы Россия могла развиваться гармонично и конструктивно участвовать в мировых делах, необходимо продолжить исследования и разрешить существующие противоречия. Это будет соответствовать принципам диалектики всеобщего духа, которая стремится к синтезу и единству в разнообразии.

2. В условиях глобальных потрясений и кризиса рационального мышления Россия сталкивается с необходимостью не только сохранить, но и пересмотреть и укрепить свою культурную идентичность. Военно-патриотические песни, являясь неотъемлемым элементом духовного наследия, оказывают существенное влияние на формирование мировоззрения граждан, способствующих развитию инновационных идей на национальном и международном уровнях. В условиях меняющейся геополитической обстановки глубокое философско-культурологическое исследование этой культуры приобретает первостепенное значение для сохранения духовного и исторического самосознания русского народа.

Исторический путь России неразрывно связан с периодами военных

конфликтов. В этих сложных условиях первостепенной государственной задачей является сохранение духовного единства нации, которое возможно при соблюдении ряда мер: патриотическое воспитание молодежи (на примере Советского Союза перед Второй мировой войной), продвижение российских философских и культурных ценностей, обучение информационной гигиене (умения и навыки работать с информацией в условиях цифровой среды, способности критически интерпретировать информацию, учитывая ведение Коллективным Западом против России информационной войны. По С.П. Гурину, избегать подмены настоящих ценностей их копиями). Военно-патриотическая песня, как часть песенной культуры России, служит ключевым выражением народного духа и системы мировосприятия. Она закрепляет основополагающие или традиционные ценности определенного социума, формируя и транслируя в нем вполне специфические модели мышления, которые выступают как принципы познания мира и человека. Следовательно, песня выполняет функцию инструмента формирования мировоззрения, воспитания гражданственности и сохранения исторической памяти, проникая в глубинные пласты национальной идентичности.

Вопрос идентичности в философии является одним из самых острых на сегодняшний день. По С.П. Гурину, есть идентичность внешняя и внутренняя. В построении сильной страны – России необходимо добиться именно внутренней идентичности, когда индивид «предполагает соотнесение с единой основой, причастность к общему основанию, совпадение по сути, по природе, по сущности».

В контексте данных задач немаловажную роль может сыграть военно-патриотическая песня, сущностным аспектом которой являются ее этико-аксиологические принципы: ценность долга, чести, самопожертвования и любви к Родине.

Анализ этико-аксиологических принципов русской военно-патриотической песни выявляет глубокую связь с фундаментальными аспектами русской ментальности и национальной идентичности. Жертвенность, стремление к добру, патриотизм, сострадание и любовь, составляющие основу русского духа, находят отражение в песенном творчестве, формируя мощный инструмент патриотического

воспитания. Российский патриотизм, с его историческими корнями, культурным значением и современными проявлениями, выступает консолидирующей силой, объединяющей граждан общим чувством принадлежности. Однако, в условиях глобализации и социокультурных изменений, сохранение традиционных ценностей и национальной идентичности требует осознанных усилий, в том числе в области образования и культуры.

Диалектика всеобщего духа, проявляющаяся в русской идее, предполагает сложный путь развития, от единичного (русского человека) через особенное (культурно-историческая самобытность) к Абсолюту (самобытный путь России в мировой истории). Понимание этого пути требует постоянного диалога и сопоставления с иными культурами, принимая во внимание, как отмечал Гегель, что «дух» представляет собой интегрирующее понятие коллективных способов существования людей, через которые они воплощают свою уникальность.

Исследование русской военно-патриотической песни, в контексте философских и культурологических концепций, позволяет глубже понять сущность и значение российской национальной идентичности. Развитие и сохранение этой идентичности, в свою очередь, является необходимым условием для устойчивого развития России в многополярном мире. Универсалистская духовная природа русской культуры, как «высшего синтеза» восточно-христианской и западноевропейской традиций, создает уникальный культурно-исторический архетип, способный внести значительный вклад в развитие всеобщего человеческого духа.

3. Военная песня в России представляет собой закономерное развитие русской литературы, истоки которой уходят в глубь веков, более чем на тысячелетие. Ключевым этапом в ее становлении стало принятие христианства в 988 г., что обусловило потребность церкви в письменности и, как следствие, стимулировало литературное творчество.

Период правления династии Романовых стал эпохой формирования триады «Вера, Царь и Отечество» как фундаментальной основы русского национального самосознания. Рассмотренные примеры солдатской лирики демонстрируют, как

религиозные воззрения, преданность государю и любовь к Родине, составляли неразрывное целое в мировоззрении воинов, определяя их готовность к самопожертвованию во имя защиты Отечества. Данный аспект ярко проявляется в песнях солдат и офицеров.

Российская военно-патриотическая песня, характеризующаяся специфическими этическими и аксиологическими установками, играла значимую роль в формировании ценностной системы военнослужащих.

Одной из тем песен была тема обращения к Богу, прощения и искупления, что свидетельствует о влиянии христианской морали. Вера в Бога для русского человека всегда была фундаментальным нравственно-этическим основанием, формировавшим его мировоззрение и поведение как на поле боя, так и в мирной жизни.

В становлении и развитии российской государственности значительную роль играла соборность, в рамках которой личность и её ценность определялись не автономно, а через её отношение к социальному целому. Согласно данному концепту, индивид обретал самостоятельность и свободу исключительно для последующего единения с равноправными членами общества. Приоритет отдавался коллективному началу над индивидуальным, а общинному укладу – над разобщённостью, что рассматривалось как фундаментальная характеристика бытия русского народа. Этот принцип способствовал объединению разных народов и земель под общим началом, при этом не теряя своей культурной уникальности. Многовековой исторический путь Российского государства подтвердил эффективность данного подхода.

Осмысление исторического наследия соборности является фундаментальным для понимания современных тенденций, как в контексте российской действительности, так и на глобальной арене. Глубокое изучение этого уникального опыта открывает перспективные возможности для формирования гармоничных межкультурных и межэтнических отношений. Такие отношения, построенные на принципах взаимного уважения, конструктивного сотрудничества и единого стремления к достижению общих целей, могут стать прочным

фундаментом для устойчивого развития и плодотворного взаимодействия.

4. Мировая империалистическая война, начавшаяся как Первая мировая война империалистическими государствами Европы, обострила совокупность этнонациональных противоречий и выявила абсурдность войны как социального феномена, что привело к развалу империй и социальной революции в России.

Бифуркационный взрыв перевел российский социум совершенное в другое политическое пространство, которое стало точкой отсчета для новой социально-синергетической парадигмы большевизма, основанного на диктатуре пролетариата. Византийская линия эволюции прервалась, чтобы уступить место государственному социализму (коммунизму).

Анализ самосознания русских участников этой войны (1914–1917) можно сказать, что в народном самосознании произошла коренная переоценка не только «Великой войны», но и войны как социального феномена в целом. Не только изменились взгляды русского народа на Первую Мировую войну с оптимистических на пессимистические. Ценность Мира, включавшего в себя достоинство и самосохранение народа, стала выше, чем ценность войны. Война как ментальный феномен получила оценку «бессмысленного», т.е., абсурдного деяния. В народе стали говорить, что война выгодна врагам, война стала пониматься как тяжкое, опасное бремя для народа и ценность императора России как энтузиаста этой войны стала приобрела отрицательную оценку, поскольку царь повел народ на гибель. Гибель народа, его калечение стали рассматриваться как результат деятельности собственного правительства, которое не проявляло сочувствия к народу. В 1917 г царь уже оценивается как «Миколаша», который развязал гибельную и разорительную для страны войну. Манифестации, изначально призывавшие к войне «За победу», трансформировались в выступления за окончание войны и наступление мирной жизни. Мир стал восприниматься как благо для каждой семьи, несовместимое с разрушительным кризисом страны. Народ осознал, что Россия попала в глубокий кризис всего жизненного мира страны. Думается, что на заключительном этапе войны революция, как способ выхода из кризиса, стала всеобщей необходимостью.

Разрушилась триада «Вера, Царь и Отечество», на ее смену пришли большевики с призывом к миру, земле, свободе и равноправию.

Новому государству – РСФСР, а затем и СССР, нужна была сильная армия для защиты своих идеалов и земель. Была создана армия нового типа – РККА.

В период с 1917 г. по 1941 г. СССР добился значительных экономических и социальных успехов. Одним из факторов успехов была государственная работа с населением, так как для страны нужны были люди, искренне разделявшие социалистические ценности.

В основе методологии работы с молодежью лежали труды философов, установивших взаимосвязь музыки, нравственного воспитания личности, развития патриотизма и готовность к защите родины.

Таким образом, к моменту начала Великой Отечественной войны в СССР сложилась государственная система, которая была в состоянии противостоять мощной армии вермахта.

Во время Великой Отечественной войны творческие работники всей страны принимали непосредственное участие в культурно-художественном обеспечении личного состава действующей Красной Армии, Военно-Морского Флота и всего населения СССР. Их деятельность была направлена на укрепление обороны страны и сплочения ее народа для борьбы с немецким нацизмом.

В этот период искусство, выйдя за рамки развлекательной функции, выполняло роль в укреплении веры в Победу, морально-психологической устойчивости, сплочении нации.

Еще во время войны на Западе вынашивался план войны с Россией. После Победы мир был втянут противостояние между СССР и США, которую называют «холодной войной». Россия в XX в. фактически непрерывно испытывала влияние или гонки вооружений, или непосредственно локальные и мировые войны. Учитывая огромную территорию и богатые запасы недр и сырья, можно считать, что Россия будет продолжать испытывать глобальное давление империализма, которое в настоящее время фактически осуществляется под эгидой США. Фактически, вся история России в XX в. развивается между контрапунктов

«Войны» и «мира» с учетом постоянной милитаризации общественного сознания современного человечества и перманентной борьбы против войны со стороны России, всемерно развиваемых усилий за установление мира между народами.

Влияние «Холодной войны» на глобальную политику и межгосударственные связи было значительным и продолжалось в течение длительного времени.

Ввод советских войск в Афганистан 1979 г. нанесло непоправимый удар по советско-американским отношениям, обострив уже имеющиеся разногласия и переместив «холодную войну» на новый уровень.

Данный шаг Советского Союза, изначально призванный укрепить геополитическое присутствие СССР и сдержать американское влияние, обернулся неожиданными последствиями. Вместо ожидаемого укрепления позиций, эта операция спровоцировала дестабилизацию афганской ситуации, подорвала международное доверие к Советскому Союзу, обострила противостояние с Западом и, в свою очередь, ускорила процесс распада СССР. Советское руководство, принимая решение об участии в афганской войне, оказалось неспособным верно понять специфику этнокультурных и религиозных факторов на мировой арене. Результатом стали трагические события 1979–1989 гг., унесшие тысячи жизней военных и гражданских.

Песни участников конфликта, воинов-«афганцев», рассматривает дискурсы и формы самосознания советских воинов во время войны в Афганистане. Исламский код этой культуры советским воинам приходилось усваивать стихийно, методом проб и ошибок в силу сложившихся обстоятельств. В этих обстоятельствах большую роль сыграло персональное и коллективное творчество советских воинов как в устной, так и в письменной форме. Официально локальный конфликт и военные действия советских военнослужащих в Афганистане, как и во всех локальных конфликтах после окончания Второй мировой войны, до начала перестройки в СССР в 1985 г. практически не освещались в публичном пространстве, либо освещались очень ограниченно, оттого в целом не хватало психологического контекста. Возникшую духовную лакуну заполнило самодеятельное творчество (фольклор) участников афганской кампании.

Поскольку это творчество является не способом описания событий, а способом самоописания, то он обладает такими качествами, которых нет у других форм текста: синтез достоверности, основанной на рациональной проверяемости, и эмоциональной подлинности чувственных переживаний; вся система воинского афганского фольклора есть выражение коллективной коммуникации как формы социального аутопортрета, социального самоописания и управления одновременно.

4. Мировая империалистическая война, начавшаяся как Первая мировая война империалистическими государствами Европы, обострила совокупность этнонациональных противоречий и выявила абсурдность войны как социального феномена, что привело к развалу империй и социальной революции в России.

Бифуркационный взрыв перевел российский социум совершенное в другое политическое пространство, которое стало точкой отсчета для новой социально-синергетической парадигмы большевизма, основанного на диктатуре пролетариата. Византийская линия эволюции прервалась, чтобы уступить место государственному социализму (коммунизму).

Анализ самосознания русских участников этой войны (1914–1917) можно сказать, что в народном самосознании произошла коренная переоценка не только «Великой войны», но и войны как социального феномена в целом. Не только изменились взгляды русского народа на Первую Мировую войну с оптимистических на пессимистические. Ценность Мира, включавшего в себя достоинство и самосохранение народа, стала выше, чем ценность войны. Война как ментальный феномен получила оценку «бессмысленного», т.е., абсурдного деяния. В народе стали говорить, что война выгодна врагам, война стала пониматься как тяжкое, опасное бремя для народа и ценность императора России как энтузиаста этой войны стала приобрела отрицательную оценку, поскольку царь повел народ на гибель. Гибель народа, его калечение стали рассматриваться как результат деятельности собственного правительства, которое не проявляло сочувствия к народу. В 1917 г царь уже оценивается как «Миколаша», который развязал гибельную и разорительную для страны войну. Манифестации, изначально призывавшие к войне «За победу», трансформировались в выступления за

окончание войны и наступление мирной жизни. Мир стал восприниматься как благо для каждой семьи, несовместимое с разрушительным кризисом страны. Народ осознавал, что Россия попала в глубокий кризис всего жизненного мира страны. Думается, что на заключительном этапе войны революция, как способ выхода из кризиса, стала всеобщей необходимостью.

Разрушилась триада «Вера, Царь и Отечество», на ее смену пришли большевики с призывом к миру, земле, свободе и равноправию.

Новому государству – РСФСР, а затем и СССР, нужна была сильная армия для защиты своих идеалов и земель. Была создана армия нового типа – РККА.

В период с 1917 г. по 1941 г. СССР добился значительных экономических и социальных успехов. Одним из факторов успехов была государственная работа с населением, так как для страны нужны были люди, искренне разделявшие социалистические ценности.

В основе методологии работы с молодежью лежали труды философов, установивших взаимосвязь музыки, нравственного воспитания личности, развития патриотизма и готовность к защите родины.

Таким образом, к моменту начала Великой Отечественной войны в СССР сложилась государственная система, которая была в состоянии противостоять мощной армии вермахта.

На укрепление обороноспособности страны и консолидацию её народа в борьбе с немецким нацизмом были направлены усилия творческих коллективов. В этот период искусство, выйдя за рамки развлекательной функции, выполняло роль в укреплении веры в Победу, морально-психологической устойчивости, сплочении нации.

Еще во время войны на Западе вынашивался план войны с Россией. После Победы мир был втянут в противостояние между СССР и США, которую называют «холодной войной». Россия в XX в. фактически непрерывно испытывала влияние или гонки вооружений, или непосредственно локальные и мировые войны. Учитывая огромную территорию и богатые запасы недр и сырья, можно считать, что Россия будет продолжать испытывать глобальное давление империализма,

которое в настоящее время фактически осуществляется под эгидой США. Фактически, вся история России в XX в. развивается между контрапунктов «Войны» и «мира» с учетом постоянной милитаризации общественного сознания современного человечества и перманентной борьбы против войны со стороны России, всемерно развиваемых усилий за установление мира между народами.

Влияние «Холодной войны» на глобальную политику и межгосударственные связи было значительным и продолжалось в течение длительного времени.

Ввод советских войск в Афганистан 1979 г. нанесло непоправимый удар по советско-американским отношениям, обострив уже имеющиеся разногласия и переместив «холодную войну» на новый уровень.

Данный шаг Советского Союза, изначально призванный укрепить геополитическое присутствие СССР и сдержать американское влияние, обернулся неожиданными последствиями. Вместо ожидаемого укрепления позиций, эта операция спровоцировала дестабилизацию афганской ситуации, подорвала международное доверие к Советскому Союзу, обострила противостояние с Западом и, в свою очередь, ускорила процесс распада СССР. Советское руководство, принимая решение об участии в афганской войне, оказалось неспособным верно понять специфику этнокультурных и религиозных факторов на мировой арене. Результатом стали трагические события 1979–1989 гг., унесшие тысячи жизней военных и гражданских.

Песни участников конфликта, воинов-«афганцев», рассматривает дискурсы и формы самосознания советских воинов во время войны в Афганистане. Исламский код этой культуры советским воинам приходилось усваивать стихийно, методом проб и ошибок в силу сложившихся обстоятельств. В этих обстоятельствах большую роль сыграло персональное и коллективное творчество советских воинов как в устной, так и в письменной форме. Официально локальный конфликт и военные действия советских военнослужащих в Афганистане, как и во всех локальных конфликтах после окончания Второй мировой войны, до начала перестройки в СССР в 1985 г. практически не освещались в публичном пространстве, либо освещались очень ограниченно, оттого в целом не хватало

психологического контекста. Возникшую духовную лакуну заполнило самодеятельное творчество (фольклор) участников афганской кампании. Поскольку это творчество является не способом описания событий, а способом самоописания, то он обладает такими качествами, которых нет у других форм текста: форма самоописания, обладающая высокой степенью непосредственной достоверности; сочетает в себе правду рациональной достоверности и эмоциональности чувственных переживаний; вся система воинского афганского фольклора есть выражение коллективной коммуникации как формы социального аутопоэзиса, социального самоописания и управления одновременно³²⁸.

Познание собственной идентичности – пожалуй, одно из главных качеств этих сочинений (стихов, песен, картин). Воины-«афганцы» – это особое сообщество и самопознание и познание своей идентичности в большом сообществе они могли осуществить только с помощью творчества. «Афганская лирика» и «афганский самодеятельный фольклор» являются самоотражением военной практики и образа жизни советских бойцов в Афганистане. Важное значение имело стремление советских идеологов поддержать экспорт социализма в Афганистан. Однако очевидно, что, как и современные события на Украине, Афганистан был сферой военного взаимодействия с США и военного противостояния СССР и США. Очевидно, что крайняя противоречивость ситуации сформировала у советских воинов потребность в экзистенциальных механизмах релаксации и снятия неразрешимых противоречий. Таким коммуникационным механизмом и стало самодеятельное творчество воинов-интернационалистов.

5. Песня, как одно из направлений человеческого творчества возникла во времена архаики. Ее развитие связано с эволюцией человека. Особое место в истории песенного творчества – военное (окопное) песенное творчество. В экстремальных условиях войны индивид претерпевает радикальную трансформацию мировоззрения, что приводит к переоценке базовых ценностей. В этом контексте песня выступает не только как средство психологической разрядки,

³²⁸ Урюпина М.А. Лирика советских военнослужащих - участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979–1989): аксиологическое измерение / М.А. Урюпина // Наследие веков. – 2025. – № 2(42). – С. 13–41.

но и как мощный инструмент катарсиса. Она позволяет осмыслить происходящий хаос, артикулировать широкий спектр эмоций и справиться с травматическим опытом.

Инициированный в 1985 г. М.С. Горбачевым курс Коммунистической партии СССР на перестройку привел к распаду СССР, экономическому, политическому кризису. Итогом событий стали сепаратистские тенденции в различных субъектах страны, в том числе Чеченской Республике.

Война в Чечне обнажила множество проблем, в том числе внутри армии. Кроме неустроенности быта семей военнослужащих, отсутствия финансирования, коррупционных скандалов и др., государственные структуры утратили доверие армии. Тем не менее, благодаря советской школе военного обучения, руководству военных структур удалось предотвратить хаос и распад армии.

Несмотря на множество проблем в стране, армии, военным действиям на своей территории с частью своего народа, военнослужащие выполняли свой конституционный долг.

Одним из факторов сохранения боеспособности российской армии является влияние коллективного бессознательного – концепции, разработанной К.Г. Юнгом. В моменты исторических кризисов коллективное бессознательное, являясь хранилищем архетипических образов, аккумулирующих многовековой эмпирический опыт человечества, проявляется как система универсальных, врождённых паттернов восприятия и поведения. В условиях хаоса и дезорганизации они выступают как универсальные, врожденные паттерны поведения и восприятия, способствуя спонтанному восстановлению порядка, укреплению внутренней целостности и поддержанию организованного сопротивления внешним угрозам.

Современный этап развития российской военно-патриотической песни, отчетливо проявившийся после 2014 г., знаменует собой качественный переход к осмыслению России как государства-цивилизации, ведущего борьбу за сохранение и утверждение Русского мира. В этом процессе наблюдается уникальный синтез двух историко-культурных пластов, ранее воспринимавшихся как дихотомичные.

От «романовского» периода современная песня наследует сакральное отношение к верности России, неразрывную связь с русской культурой и идеалами воинства, где служение Отечеству обретает черты высокого духовного подвига. В свою очередь, советский этап обогащает этот синтез императивами преданности государству, нерушимой связи с народом и священным чувством ответственности за родную землю.

Происходящая сегодня трансформация жанра представляет собой не просто механическое соединение элементов, а глубокое переосмысление исторического опыта, наиболее полно резонирующее с песенными традициями эпохи Первой мировой войны. В этих произведениях героика прошлого становится фундаментом для актуальной мобилизации духа. Третий этап, становление которого мы наблюдаем в текущих реалиях, выводит военно-патриотическую песню на уровень метафизического противостояния, где защита Русского мира осознается как защита самой возможности существования цивилизационной альтернативы.

Современная военно-патриотическая песня выступает не только как инструмент идеологической рефлексии, но и как мощный фактор консолидации общества. Она кристаллизует в себе «генетический код» нации, объединяя монархическую идею служения с советским идеалом коллективного единства. В этом синтезе рождается новая аксиология: война за Русский мир осмысляется как закономерный этап исторического бытия, в котором личная доблесть солдата становится продолжением многовековой борьбы за правду, справедливость и сохранение цивилизационной самобытности России.

События, начиная с 2014 г. и кульминирующие в специальной военной операции, стали катализатором глубинных процессов консолидации российского общества. Военная реформа, экономическое давление, информационная война и расширение НАТО, в совокупности, сформировали у граждан ощущение экзистенциальной угрозы, направленной на подрыв суверенитета и территориальной целостности России.

Интенсификация патриотических настроений проявилась в росте поддержки вооруженных сил, добровольческого движения и переосмыслении западных

ценностей в культурной сфере. События на Украине стали не только военным конфликтом, но и мощным фактором внутренней консолидации российского государства и общества.

Сформировавшиеся концепты «Русский мир» и «Русская весна», аккумулируя историческую память и культурные коды, служат мощными идеологическими инструментами, формирующими национальную идентичность в современной России. Феномен «русскости» трансформируется из этнической категории в широкое цивилизационное понятие, интегрирующее различные народы вокруг общих ценностей и устремлений, что находит подтверждение в социолингвистических исследованиях. Принятие «своих» ценностей становится маркером причастности к этой общности, а не этническое происхождение.

Культурная проекция этих концептов, особенно в контексте современных военно-политических событий, приобретает особую значимость. Песенное творчество участников СВО, транслируя нарративы патриотизма и единства, выступает катализатором консолидации общества. Эти произведения становятся не просто отражением текущей реальности, но и активным участником формирования общественного мнения, легитимируя действия государственной власти и укрепляя гражданскую идентичность.

В конечном счете, анализ взаимосвязи идеологических конструкций, социокультурных практик и песенного творчества в контексте СВО позволяет глубже понять механизмы формирования национальной идентичности и мобилизации общества в современной России. Изучение этих процессов имеет важное значение для осмысления текущих событий и прогнозирования дальнейшего развития социокультурной ситуации в стране.

Таким образом, можно сделать вывод, что военно-патриотическая песня – феномен российской культуры, который ввиду своей недостаточной изученности в научной литературе, требует всестороннего анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А памяти вечен огонь...: Антология пензенской военной поэзии (1941-2005) / Составитель: О.М. Савин. – Пенза: 2005. – 195 с.
2. Абросимова Е.А. Семиотика бардовской песни: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Абросимова Екатерина Алексеевна. – Омск, 2006. – 228 с.
3. Августин Аврелий. О Граде Божием. – М.: АСТ, 2023. – 1248 с.
4. Авенариус В.П. Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1902. – 419 с.
5. Адорно Т. Философия новой музыки. Пер. с нем. / Перевод Б. Скуратова. Вст. ст. – К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2001. – 352 с.
6. Адорно Теодор В. Избранное: Социология музыки. – М., 1999. – 445 с.
7. Адорно Теодор В. Эстетическая теория / пер. с нем. – М., 2001. – 526 с.
8. Адрианова-Перетц, В.П. Древнерусская литература и фольклор / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 171 с.
9. Аксаков И.С. Русское самодержавие – не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм // Отчего так нелегко живётся в России? – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 1008 с.
10. Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», предоставленная Государю Императору Александру II. 1855 / Теория государства у славянофилов: сб. ст. И.С. Аксакова, К.С. Аксакова, Аф.В. Васильева, А.Д. Градовского, Ю.Ф. Самарина и С.Ф. Шарапова. – СПб.: тип. А. Пороховщикова, 1898. – 95 с.
11. Аксютин В.В. Русский Характер. – М.: Традиция, 2011. – 480 с.
12. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность / Д. Александер, Д.Ю. Куракин // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5-40.
13. Алпровиц Гар. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам: О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом. – Международные отношения, 1968. – 274 с.

14. Амент Сюзанн. Допеть до победы! Роль песни в советском обществе во время Второй мировой войны: / Сюзанн Амент; перевод с английского И. Климовицкой. – СПб.: Библиороссика, 2021. – 414 с.
15. Амрахов, М.И. Тема войны в Азербайджанской музыке (1941-1945 гг.) // *Endless Light in Science*. – 2023. – № 3-3. – С. 48–55.
16. Аникин ВЛ. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. – М., Изд-во МГУ, 1980. – 332 с.
17. Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы / Евгений Анисимов. – М. [и др.]: Питер, 2009. – 446 с.
18. Анисимов Е.В.; Белецкий, А.И. Реформа Петра I и русская литература XVIII века // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. – 1941. – 424 с.
19. Античная музыкальная эстетика. – М.: Музгиз, 1960. – 304 с.
20. Арин О. Россия в стратегическом капкане. – М.: Флинта, 1997. – 288 с.
21. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред. 3. Н. Микеладзе. – М., 1978. – 687 с.
22. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4 / Аристотель; [перев. и ред. А.И. Доватура]. – М., 1983. – 830 с.
23. Артемов В.Л. Патриотизм и национальная идентичность. О воспитании патриотизма // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: доклады и материалы XIV Международной научной конференции: в 2 частях, Москва, 14–16 декабря 2017 года. Том Часть 2. – М.: Московский гуманитарный университет, 2017. – С. 450–458.
24. Асафьев Б.В. Избранные труды. Избранные работы о русской музыкальной культуре и зарубежной музыке / 5 т.; Ред. текста, вступ. статья и примеч. В.А. Васиной-Гроссман и Т.Н. Ливановой. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1958, 1955. – 439 с.
25. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс / Акад. Б. Асафьев. 2-е изд. – Л.: Музыка. Ленингр. Отд., 1971. – 376 с.
26. Асафьев Б.В. О хоровом искусстве. – Л.: Музыка. Ленингр. отд-ние,

1980. – 215 с.

27. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

28. Асташов А.Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914-февраль 1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Александр Борисович Асташов. – Москва, 2018. – 363 с.

29. Байдин В. В. Основы русской самобытности / В. В. Байдин // Язык и текст. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 17-25.

30. Барбюс А. Огонь: / Анри Барбюс; перевод с фр. [В. Парнаха, О. В. Моисеенко]. – М.: Наука, 1985. – 503 с.

31. Батюк И. В. Современная хоровая музыка теория и исполнение. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Лань, Планета музыки, 2015. – 210 с.

32. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М. Искусство, 1979. – 424 с.

33. Бедерова Ю. Книга о музыке. – М.: АСТ: CORPUS, 2022. – 762 с.

34. Безъев Д.А. «Русская идея»: об идеале общества и государства // Clío-science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сборник статей. – М. – 2011. – С. 46–75.

35. Беленький Л.П. Авторская песня в отечественной песенной культуре второй половины XX в.: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Беленький Леонид Петрович, 2015. – 195 с.

36. Беленький Л.П. Военно-патриотическая песни и ее структурные признаки // Культурное наследие России. 2019. – № 3(26). – С. 77–84.

37. Белецкий А.И. Реформа Петра I и русская литература XVIII века // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. – 1941. – 424 с.

38. Белинский В.Г. Общий взгляд на народную поэзию и её значение / В.Г. Белинский. – Книгоиздательский отдел Харьковской газеты Вольная Мысль, 1918. – 14 с.

39. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии, 1841–1844. – М., 1954. Т. V. – 863 с.
40. Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии. – [Б.и.], 1841. – 104 с.
41. Бенъямин В. О понятии истории / Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сборник статей. – М.: РГГУ, 2012. – 288 с.
42. Бенъямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю.А. Здороваго. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
43. Бердяев Н.А. Война и кризис интеллигентского сознания // Бердяев Н.А. Судьба России; [Послесл. К. Ковалева]. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.
44. Бердяев Н.А. Война и кризис интеллигентского сознания. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.
45. Бердяев Н.А. Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России / Николай Бердяев; [Послесл. К. Ковалева]. М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.
46. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // Война и кризис национального сознания. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров. 1918. – 240 с.
47. Бердяев Н. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 302 с.
48. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж: Умса Press. 1955. – 160 с.
49. Бердяев Н.А. Русская идея. – М., СПб.: Эксмо; «Мидгард», 2005. – 829 с.
50. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. – М. Мысль. 2002. – 446 с.
51. Бердяев Н.А. Судьба России: книга статей / Николай Александрович Бердяев. – М.: Эксмо, 2007. – 638 с.
52. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М.: Изд-во МГУ 1990. – 240 с.
53. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М.: Академический проект, 2020. – 522 с.
54. Блюхер Ф. Н. Война и Россия // Vox. Философский журнал. 2015. № 18.

– С. 44–52.

55. Бойко П.Е. Идея российской государственности и глобальный кризис современности: философско-исторический анализ / П.Е. Бойко, И.В. Хвощевская // Будущее России: историко-культурные и духовно-нравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 26 мая 2023 года / Редколлегия: Н.Г. Денисов, К.М. Мартиросян, Е.С. Шавлохова. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2023. – С. 136–142.

56. Бойко П.Е., Урюпина М.А. Песня как духовный феномен (на материалах отечественной военной песни): культурно-философский анализ / П.Е. Бойко П. Е., М.А. Урюпина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого № 1 (57), апрель 2026 г. – С. 108–125.

57. Бойко И.В. Песенная культура Ставрополя в контексте региональных традиций России // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 10 марта 2020 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2020. – С. 125–128.

58. Бокоева Ж.Т. Тема Великой Отечественной войны в киргизской поэзии (на примере произведений киргизского народного поэта Омора Султанова) // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8, № 7. – С. 565–570.

59. Бондаренко Л.Ф. Философия культуры как теоретико-методологическая область исследования культуры // Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 18 частях. – Тамбов. 2013. – С. 24–25.

60. Бондарь В.С. Трагическое в стихах малоизвестных поэтов-участников Великой Отечественной войны // Филологические открытия. – 2015. – № 3. – С. 20–29.

61. Боура С.М. Героическая поэзия / Сесил Морис Боура. – М.: Новое лит. обозрение, 2002 (Екатеринбург: ГИПП Урал. рабочий). – 791 с.

62. Бэций. «Утешение Философией» и другие трактаты. – М.: Наука, 1990.

– 415 с.

63. Брейтвейт Р. Афган: русские на войне / пер. с англ. А. Ширикова. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 496 с.

64. Букина Т.В. Идея музыкальной культуры и способы ее концептуализации в отечественной научной традиции советской и постсоветской эпох: дис. ... д-ра искусствоведения: 24.00.01 / Букина Татьяна Вадимовна. – СПб., 2012. – 402 с.

65. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 59 с.

66. Булгаков С.Н. Русские думы // Антология журнала «Русская Мысль» (1910–1918): философия и политика. – Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта (БФУ), 2024. – С. 468–477.

67. Бурьяк М.К. Перспективы восстановления народно-песенной традиции села Русское Устье Республики Саха (Якутия) // Русские арктические старожилы Якутии: генезис, идентичность, хозяйственный уклад: Сборник научных статей. – Новосибирск: ФГБУ «Издательство "Наука"», 2023. – С. 318–324.

68. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии / Военная Типография Главного Штаба Его Императорского Величества, СПб., 1821. Ч. 1. Т. 3. – 676 с.

69. Буякас Т.М. О проблемах становления чувства самоидентичности у студентов-психологов / Т.М. Буякас // Вестник МГУ. – Серия 14. – Психология. – 2000. – №1. – С. 56–62.

70. Былина о Жидовине: О сербских народных песнях косовского цикла; Южнославянские песни о смерти Марка Краевича. – 2-е изд. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2019 (сop. 2018). – 180 с.

71. Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. I. Сост., общая ред. и вступит. статья Л.Л. Субботина. – М., «Мысль», 1971. – 590 с.

72. Ван И. Военно-патриотическая тема в творчестве китайских композиторов начала XX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. – № 3(141). – С. 64.

73. Ван И. История происхождения китайской патриотической музыки // Научный аспект. – 2024. – Т. 58, № 5. – С. 7821–7827.
74. Васильев А. В. Что такое Отечество? – н/Д: Изд. Н. Парамонова «Донская Речь», 1905. – 67 с.
75. Василькова Е.В. Культурологические аспекты функционирования языковой картины мира: автореф. дисс. ... канд. культурологии: 24.04.01. / Василькова Елена Васильевна. – Киров. 2008. – 20 с.
76. Владимирова Т.Е. Концепт «брат» как архетип русского языкового бытия // Мир русского слова. – 2015. – № 2. – С. 47–53.
77. Войтоловский Л.Н. По следам войны: [Походные записки. 1914–1917]; [Предисл. Демьяна Бедного]. – Л.: Изд-во «Ленинградская правда», 1931. – 548 с.
78. Волкова Я.А. Тема воспитания гражданина в сочинениях Цицерона // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. – 2017. – № 1. – С. 44-58.
79. Вольтер О.В. «Русская идея». История и смысл: Концепция Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Вольтер Ольга Владимировна. – Краснодар, 2002. – 129 с.
80. Воронин Н. Н. Путь к катастрофе. Размышления об окаянном 1991-м и роли армии в судьбе страны. Свободная мысль. – 2021. – № 4(1688). – С. 156–170.
81. Вэй У. Музыка для китайских народных инструментов в период антияпонской войны 1937–1945 годов (на примере города Чунцин) // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2019. – № 1(51). – С. 82-87.
82. Гайда Ф.А. За Веру, Царя и Отечество: к истории происхождения знаменитого российского воинского девиза // История. Научное обозрение OSTKRAFT. Том 4. – М.: Модест Колеров, 2018. – С. 5–9.
83. Галустьянц Г.Л. Философское россиеведение как основание духовной идентичности и национального самосознания современной России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – № 2. Т. 21. – С. 106–119.
84. Гамильтон А. Афганистан: [Внутр. быт. Рус. и англ. политика по отношению к Афганистану, как буферу между Россией и Индией] / А. Гамильтон,

чл. Лондон. корол. геогр. о-ва; Пер. с англ. [и предисл.] С.П. Голубинова. –СПб.: В. Березовский, 1908. – [6], 334 с.

85. Гамов В.И. Образ войны в культуре: дис. ... док. философ. Наук: 24.00.01 / Гамов Виктор Иванович; [Рост. гос. ун-т]. – Армавир, 2000. – 343 с.

86. Ганкин Л.А. Звуковые образы постсоветской поп-музыки – М.: Институт музыкальных инициатив, 2021. – 301с.

87. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – СПб., Наука, 2000. – 477 с.

88. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: [перевод с немецкого. Кн. 1. – СПб.: Наука, 1994. – 349 с.

89. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. – 477 с.

90. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения / Гегель; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1978. – 437 с.

91. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – 495 с.

92. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. – СПб., Наука, 2000. – 477 с.

93. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

94. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х томах. Т. 1 / Лекции по эстетике, ч. 1: Идея прекрасного в искусстве, или идеал / Под ред. и с предисл. М. Лифшица. – 1968. – XVI, [1], 311 с.

95. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х томах. Т. 3 / Под ред. и с предисл. М. Лифшица. – М.: Искусство, 1971. – 620 с.

95. Геллнер Э. Нации и национализм / Эрнест Геллнер; Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. 319 с.

96. Герцен А.И. Сочинения: в 2 т. / АН СССР. Ин-т философии. Т. 2 / сост. и авт. примеч. З.В. Смирнова. – М.: Мысль, 1985–1986, 1986. – 652 с.

97. Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. – СПб.: Алетейя, 1995. – 334 с.

98. Гёте И.В. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Годы учения Вильгельма Мейстера. Кн. 1. – М.: Художественная литература, 1978. – 526 с.

99. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. – 2-е изд. в 3-х т. – СПб.: тип. Акад. наук, 1894-1900. – 1 т. – 1894. – 603 с.

100. Гиппиус Е., Ширяева П. Название. Боевой пролетарский гимн / Советская музыка. – № 7 (272), 1961. – С. 54–63.

101. Глинка Г.А. Древняя религия славян. / Сочинение Григория Глинки, профессора Дерптского университета. – Митава: В типографии у И.Ф. Штефенгагена и сына, 1804. – 150 с.

102. Глинский Б.Б. Современная война в русской поэзии: Вып. [1]–[2] / [Сост.] Б. Глинский. – Петроград: тип. т-ва А.С. Суворина, 1915. – 277 с.

103. Глинский Б.Б. Современная война в русской поэзии: Вып. [2]. Сказания и думы; Военные песни; Война; Сестра милосердия; Сатира и юмор; Частушки; Италия] / 2 т.; 21. – Петроград: тип. т-ва А.С. Суворина, 1915. – XIV, 252 с.

104. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // [Соч.] Николая Гоголя. – СПб.: тип. Деп. внеш. торговли, 1847. – [6], 287 с.

105. Голотюк Ю. Когда поют солдаты // Век XX и мир. 1990. – № 2.

106. Грешникова А.В. Русско-украинские фольклорные связи в необрядовой песенной лирике (на фольклорном материале Курской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Грешникова Анжела Васильевна. – Орел, 2007. – 22 с.

107. Гришин О.Е. Война, защита Отечества и религия / О.Е. Гришин, В. А. Матвиенко, А. В. Толочко // Вестник Российской нации. – 2018. – № 1(59). – С. 79–94.

108. Грушкин А.И. Петровская эпоха в фольклоре // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. – 1941. – 424 с.

109. Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. – М.: ЭКСМО, 2003. – 446 с.

110. Гурин С.П. Философия идентичности / С.П. Гурин // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2010. – № 4. – С. 218–226.

111. Гутова С.Г. Владимир Соловьев: синкретизм философии всеединства. Монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. – 166 с.

112. Давидович В. Е. В зеркале философии. Ростов-на/Д.: изд-во «Феникс», 1997. – 448 с.
113. Давидович В.Е. Сценарии будущего. Запад – Восток – Россия в диалоге культур. Гл. XII: Будущее человечества / В.Е. Давидович // Философия: учеб. пособие для вузов / Отв. ред. В.П. Кохановский. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – С. 557–569.
114. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1979. – 264 с.
115. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / [Соч.] Владимира Даля. Т. 1 / 2 т.; 18. – СПб.; М.: М.О. Вольф, 1879 (Санкт-Петербург). – LXIV, 685 с.
116. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
117. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / составление, вступительная статья и комментарии А.А. Галактионова. – СПб.: Изд-во «Глаголь», 1995. – 552 с.
118. Девятков В.С. Народная песня в современном российском информационном пространстве // Культура и искусство. – 2019. – № 7. – С. 1–11.
119. Девятков В.С. Русская народная песня в современных социокультурных условиях: пути сохранения и популяризации: дис. ...канд. культурологии: 24.00.01 / Девятков Владимир Сергеевич, 2022. – 200 с.
120. Девятков В.С. Сохранение и популяризация русской народной песни в современной России // Культура и цивилизация. – 2019. Том 9. – № 6А. – С. 56-65.
121. Девятова О.Л. Образ России в музыке постсоветского периода / Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки: Образ России в музыке постсоветского периода (1980 – 1990-е). – Вып. 15 N. 55 /2008. – С. 52–64.
122. Дежнев В.Н. Религиозный и нерелигиозный компоненты духовного

фактора в войнах России первой половины XX века // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков: Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае, Иваново, 28–29 марта 2018 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2018. – С. 62–67.

123. Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950. – 709 с.

124. Демина Л.В. Феномен военно-патриотической песни русского населения Среднего Зауралья: специальность: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Демина Лилия Васильевна. – Челябинск, 2011. – 39 с.

125. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. – Минск, Харвест, 2002. В 5 т. Т. 2. – 400 с.

126. Долуханян А. «На вас бессмертие глядит». Выпуск 5 / Литературная газета, № 17 (6507) (29.04.2015).

127. Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Рос. гос. соц. ун-т. – Москва, 2004. – 34 с.

128. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. / Сост., комментарии А.В. Белов / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.

129. Достоевский Ф.М. Парадоксалист // Русские философы о войне // [сост. И. С. Даниленко]. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – 495 с.

130. Драч Г.В. История мировой культуры (мировых цивилизаций) Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. спец. и направлениям / Г.В. Драч, В.Д. Бакулов, В.К. Королев, Паниотова Т.С. и др.]; Под науч. ред. д.филос.н., проф. Г.В. Драча. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 544 с.

131. Драч Г.В. Ростовская философская школа: научные идеи и основания / Г.В. Драч // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3(187). – С. 38–43.

132. Драч Г.В. У истоков ростовской философско-культурологической школы. Статья 1. М.К. Петров / Г.В. Драч // Наука. Искусство. Культура. – 2017. –

№ 1(13). – С. 5–16.

133. Драч Г.В. Философия в контексте культуры (методологические аспекты) / Г.В. Драч // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – № 4(146). – С. 12–18.

134. Драч Г.В. Философия о будущем цивилизации / Г.В. Драч, Т.С. Паниотова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2006. – № 4. – С. 99–105.

135. Драч Г.В. Цивилизационные исследования на Юге России / Г.В. Драч, Т.С. Паниотова, В.Н. Бадмаев [и др.]; отв. ред. Г.В. Драч; Южный федеральный университет. – Ростов н/Д; Таганрог: Южный федеральный университет, 2018. – 305 с.

136. Дрейден С.Д. Музыка – революции. – М.: Музыка, 1966. – 447 с.

137. Дружкин Ю.С. Песня как социокультурное действие. – М.: Государственный институт искусствознания, 2013. – 226 с.

138. Дружкин Ю.С. Песня как социокультурный феномен. Обсерватория культуры. – 2010. – № 3. – С. 63–67.

139. Друскин М.С. История и современность: статьи о музыке. – Л.: Советский композитор, Ленингр. отд-ние, 1960. – 319 с.

140. Друскин М.С. Русская революционная песня: Исслед. очерк / Гос. науч.-исслед. ин-т театра и музыки. – М.: Музгиз, 1954. – 164 с.

141. Дубовой А.А. Морально-психологическое обеспечение боевых действий советских войск на территории Афганистана (Исторический анализ): дис. ... канд. ист. Наук: 07.00.02 / Дубовой Андрей Андреевич. – М., 2004. – 228 с.

142. Ерыгин А.Н. Философия истории Гегеля и русская мысль XIX века. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2012. – 214 с.

143. Ерыгин А.Н. Вокруг «Феноменология духа» Гегеля: тема сознания и истории (1973–2013 гг.): монография / А.Н. Ерыгин; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет». – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. – 156 с.

144. Ерыгин А.Н. История и диалектика (диалектика и исторические знания в России XIX века). – Ростов н/Д, 1987. – 219 с.
145. Ерыгин А.Н. Русская философия в контексте «Феноменологии духа» Гегеля (историографические сюжеты) / А.Н. Ерыгин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2014. Т. 15, № 4. – С. 99–111.
146. Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры. Сущность культуры / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович. – 2-е издание, переработанное. – Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005. – 432 с.
147. Жидков В.С. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. – СПб.: Алетейя, 2001. – 633 с.
148. Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 145 с.
149. Жиров М.С. Культурообразующие основания песенного творчества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 20(115). – С. 267–273.
150. Житомирский Д.В. Из истории песен «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка», «Красное знамя», «Беснуйтесь, тираны». – М.: Советский композитор, 1960. – 38 с.
151. Житомирский Д.В. Из прошлого русской революционной песни: Очерки. – М.: Сов. композитор, 1963. – 70 с.
152. Жуков В.Н. К.Г. Юнг: коллективное бессознательное, архетипы, культура // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 311–325.
153. Заболоцкий Н.А. Поэтические переводы. Т. 3: Славянский эпос; Грузинская народная поэзия; Грузинская поэзия XX века; Европейская поэзия; Восточная поэзия. Т. 3. – 2004. – 382 с.
154. Замаараева Е.И. Феномен войны в русской философии: онтологические основания и аксиологические смыслы / Е. И. Замаараева // Соловьевские исследования. – 2025. – № 3(87). – С. 106–116.
155. Звонов А.В. Основные пути развития русской военной песни XIX века //

Вестник адъюнкта. – 2020. – № 2(8). – С. 14.

156. Звонов А.В. Особенности песен, исполняемых во время специальной военной операции на Украине, их роль в современной военной песенности // Культурный код. – 2025. – № 2. – С. 33–43.

157. Звонов А.В. Русская воинская песня и ее место в армейской музыкальной практике XIX века: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Звонов Александр Викторович; – Москва, 2021. – 438 с.

158. Земцовский И.И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды. – Л., «Советский композитор», 1977. – 176 с.

159. Зорькин А.А. Восприятие Афганской войны в стихотворениях и песнях участников событий 1979–1994 гг. // Исторический бюллетень. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 116–123.

160. Ибрагимов Р.Ю. Русский. Соборность, единство, братство // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 6. – С. 221–240.

161. Игнатов В.И. Русские исторические песни. Хрестоматия. – М.: «Высшая школа», 1970. – 225 с.

162. Избранные юнацкие песни сербского народа в переводах русских писателей; Объяснительные статьи. Песни о Косовской битве. Песни о Марке королевиче. Эпические песни разного содержания. Лирические песни. – СПб.: И. Глазунов, 1904. – VIII, 257 с.

163. Ильин В.П. Очерки истории русской хоровой культуры: вторая половина XVII – начало XX века. – СПб.: Композитор, 2007. – 375 с.

164. Ильин И. А. О путях России // Русская идея. – М.: Искусство 1994. Т. 2. – С. 128–134.

165. Ильин И.А. Духовный смысл войны. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 48 с.

166. Ильин И.А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 гг.: в 2-х томах: том 1–[2]. – М.: МП «Рарог», 1992. – 616 с.

167. Ильин И.А. О русской идее // Собрание сочинений. – М.: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 1. – 497 с.

168. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797–826.

169. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С. 797–826.

170. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1996. – 400 с.

171. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996. 608 с.

172. Ильичева О.С. Развитие военно-патриотической песни в постсоветский период: региональный аспект: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Ильичева Ольга Станиславовна. – Волгоград, 2020. – 185 с.

173. Иосиф Волоцкий. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. – М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. – 212 с.

174. Исидор Пелусиот (ок.436). Творения Святаго Исидора Пелусиота. Ч. 3. М.: в Тип. В. Готье, 1859–1860, 1860. – 478, IX с.

175. Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В XX книгах. – Кн. I–III: Семь свободных искусств / Пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л.А. Харитоновна. СПб.: Евразия, 2006. – 352 с.

176. Исторические песни / (Вступ. статья, подготовка текстов и примеч. В.И. Чичерова). – Л.: Сов. писатель, 1956. – 408 с.

177. Исторические песни XIX века / Подгот. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э. С. Литвин; Отв. ред. В. Г. Базанов. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 283 с.

178. Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О.Б. Алексеева, Л.И.Емельянов; Отв. ред. А.Д. Соймонов. Л., 1971. – 356 с.

179. Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О.Б. Алексеева, Л.И. Емельянов; Отв. ред. А.Д. Соймонов. – Л.: издательство «Наука», 1971. – 357 с.

180. Ишин А.В. Концепция «Москва – Третий Рим»: геополитическое измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени

В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68), № 1. – С. 3–8.

181. Каган М.С. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб.: Издательство «Лань», 1998. – 448 с.

182. Карапетян Е.А. Песенное творчество в годы гражданской войны // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2016. – № 120. – С. 813–822.

183. Карапетян Е.А. Песенное творчество представителей различных военно-политических лагерей в годы Гражданской войны // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2016. – № 9. – С. 151–161.

184. Карсавин Л.П. Восток, запад и русская идея. – СПб.: Academia, 1922. – 80 с.

185. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

186. Керсновский А.А. История русской армии: в 4-х т. / коммент. С. Нелиповича Т. 2. – М.: Голос, 1993. – 333 с.

187. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – 439 с.

188. Киреевский П.В. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8. – М.: В Типографии П. Бахметева, 1870. – [2], IV, [6], 344, СХІХ, [1] с.

189. Кислов С.М. Афганистан: три командировки на войну: [16+]. – М.: Вече, 2017. – 302 с.

190. Клаузевиц К. О войне / К. Клаузевиц; пер. с нем. А. Рачинского; [вступ. ст. В. Н. Лобова, с. 8-22]. – М.: Логос: Наука, [199?]. – 446 с.

191. Ключевский В.О. Сочинения. Сочинения: В 9 томах. Т.1: Курс русской истории. Ч.1. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.

192. Колесникова Н.А. Военная песня в духовной жизни российского общества: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Колесникова Надежда Александровна. – Москва, 2002. – 180 с.

193. Колесова И.С. Учение о соборности А.С. Хомякова // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. – С. 176–184.

194. Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?-1922?) / Б. И. Колоницкий // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 3-24.
195. Котеля В.А. Философско-культурологический анализ традиционной военно-патриотической песни: дис. ... канд. филос наук: 24.00.01 / Котеля Валентин Анатольевич. – Белгород, 2005. – 136 с.
196. Краснов П.Н. История донского казачества. Очерки истории Войска Донского. – М; Яуза, Эксмо, 2007. – 576 с.
197. Кремлев Ю А. Русская мысль о музыке: Очерки истории русской муз. критики и эстетики в XIX в.: [В 3-х т.]. 1861–1880 / 3 т. – Л.: Музгиз, 1954–1960, 1958. – 614 с.
198. Криницкая Г.С. Русская идея. Книга первая: монография. – Томск: ТГУ. 2013, – 164 с.
199. Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал. – М.: Эксмо-Пресс, 2004. – 861 с.
200. Крупянская В.Ю. Фронтной фольклор: [песни, частушки, пословицы, поговорки / записи, вступ. ст. и коммент. В.Ю. Крупянской; под ред. и с предисл. М.К. Азадовского]. – М.: Гослитмузей, 1944. – 131 с.
201. Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 211 с.
202. Кузнецова Н.С. Свадебный музыкально-этнографический комплекс в песенной традиции верхнего Приосколья: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Кузнецова Наталья Станиславовна. – М., 2017. – 22 с.
203. Кузуб Т.И. Музыкальная культура XX века как феномен эпохи глобализации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Кузуб Татьяна Игоревна.
204. Кулиш А.В. Музыкальная культура Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (Историческое исследование): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кулиш Анатолий Валентинович. – М., 2004. – 210 с.
205. Купец Л.А. Музыка советской эпохи как часть публичной истории (по материалам сайта Arzamas) // Художественная культура. – 2024. – № 2(49). – С. 186–219.

206. Кусков В.В. История древнерусской литературы [Учебник для филол. спец. ун-тов]. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. школа, 1982. – 296 с.
207. Лазарев В.В. Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.). – М.: ИФРАН, 2012. – 222 с.
208. Ланцева И. Религия и армия в России // Общество и этнополитика: материалы Пятой Междунар. науч.-практ. Интернет-конф., Новосибирск, 01 апреля – 01 2012 года / СибАГС; под науч. ред. Л. В. Савинова. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2012. – С. 159–163.
209. Лебедев С.Н. О методе и стиле раннего Бозция (на материале «Музыки» и «Арифметики») // Научный вестник Московской консерватории. – 2011. – № 3. – С. 24-39.
210. Лебедев С.Н. О методе и стиле раннего Бозция (на материале «Музыки» и «Арифметики») // Научный вестник Московской консерватории. – 2011. – № 3. – С. 24–39.
211. Лебедева Н.А. 20-тилетию вывода советских войск из Афганистана посвящаем. Культурологический аспект творчества воинов-афганцев. – Херсон: Стар, 2009. 137 с.
212. Лебедева-Емелина А.В. Русская хоровая культура второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Лебедева-Емелина Антонина Викторовна. – Москва, 1993. – 31 с.
213. Лебедева-Емелина А.В. Русское хоровое искусство второй половины XVIII в. – начала XIX в. как целостное художественное явление: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.02 / Лебедева-Емелина Антонина Викторовна, 2018. – 502 с.
214. Лелеко В.В. Мифопоэтика советской массовой музыкальной культуры (вторая половина 1950-х – начало 1980-х годов): дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Лелеко Вера Витальевна. – СПб., 2011. – 186 с.
215. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Изд. 5. Издательство политической литературы. – М.: 1969. Т. 26. Июль 1914 – август 1915. – 590 с.
216. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Изд. 5. Издательство политической

литературы М.: 1974. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. – 600 с.

217. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. Изд. 5. Издательство политической литературы. – М.: 1969. Т. 33. – 433 с.

218. Летопись Нестора, со включением поучения Владимира Мономаха. – 2-е изд., испр. – СПб.: И. Глазунов, 1912. – VIII, 202 с. – С. 125–127.

219. Лехно Б.В. Солдатские частушки, записанные со слов раненых. – М., 1915. – 36 с.

220. Липатов В.А. Солдат и песня: 300 лет вместе. – Екатеринбург, 2006. – 156 с.

221. Липатов В.А. Солдатские песни о локальных войнах и конфликтах второй половины XX в // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 3(24). – С. 105–112.

222. Листопадов А.М. Песни донских казаков в 5 т. Т. 1. Ч. 2. / Под общей редакцией Г. Сердюченко. – М.: Музгиз, 1949. – 479 с.

223. Лихачев Д.С. 1. Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М.: Художественная лит., 1969. – 799 с.

224. Лихачев Д.С. Раздумья. – М.: Детская литература, 1991. – 316 с.

225. Лихоманов И.В. О ложных и лживых формах русской идеи // Вестник НГУ. – 2009. Т. 7. Вып. 1. – С. 96–101.

226. Лорд А.Б. Сказитель: [Исслед. в обл. теории эпоса: пер. с англ.] / А.Б. Лорд. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 368 с.

227. Лосев А. Ф. Родина // Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496 с. – С. 420–428.

228. Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 526 с.

229. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.

230. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.

231. Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под общ. Ред. А.И. Зайцева. – СПб., Алетейя, 2001. – 480 с.

232. Луков Г.Д. Психология: Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов. – М.: Воениздат, 1960. – 256 с.

233. Лямкина Н.В. Аристид Квинтилиан о музыке, II 1-5 / Н.В. Лямкина, Т.Г. Мякин // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2012. – Т. 6, № 1. – С. 144–156.

234. Макарская Л.В. Военно-патриотическая песни советской России: от «оттепели» до суверенитета // Bulletin of the International Centre of Art and Education. – 2023. – № 6–1. – С. 37–41.

235. Маковецкая М.В., Селиверстова Н.А. Основные стратегии концептуализации музыкального значения // Философская мысль. – 2022. – № 1. – С. 1-12.

236. Маньков А.В. Армия и искусство: музыкальная культура в Красной армии (РККА) в первой половине 1930-х гг. // Военный сборник. – 2020. – № 8(1). – С. 4–12.

237. Маслихова Л.И. Особенности формирования русской идеи: история и современность // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2014. – № 1 (5). – С. 86–90.

238. Матвеев В.А. Русский военный оркестр. – М.; Л.: Музыка. [Ленингр. отд-ние], 1965. – 100 с.

239. Матвейчук В.П. Военные оркестры на тихоокеанском флоте и развитие музыкальной культуры Дальнего Востока: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Матвейчук, Василий Петрович. – Москва, 1996. – 242 с.

240. Матюхин А.В. Ценности «Русского мира» как фактор политической консолидации в период СВО // Журнал политических исследований. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 33–45.

241. Маякин Т.К. Военно-музыкальная культура России (историко-культурологический анализ): дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Маякин Тимофей Константинович. – Нижний Новгород, 2010. – 149 с.

242. Маякин Т.К. Организация хорового пения в частях и соединениях Красной Армии и Флота в 1918–1941 гг. // Сборник научных статей адъюнктов и

соискателей. – М.: Военный университет, 2009. – С. 39–50;

243. Маякин Т.К. Служебная и концертная деятельность военных оркестров и ансамблей песни и пляски Красной Армии и Флота в 1918–1941 гг. // Сборник научных статей адъюнктов. – М.: Московская военная консерватория, 2004. – С. 60–87.

244. Маякин Т.К. Становление и развитие музыкальной художественной самодеятельности в частях и соединениях Красной Армии и Флота в 1918–1941 гг. // Вестник Военного университета. – 2009. – № 4(20). – С. 62–67.

245. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

246. Минералова И.Г. Как «говорила Держава»: о мастерах-поэтах, писавших песни, о чувстве дома и стиле эпохи. Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2020. – № 2. – С. 102–113.

247. Мирианашвили Т.А. Поэзия Мирзы Геловани: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Мирианашвили Теймураз Андреевич. – Тбилиси, 1984. – 168 с.

248. Михайлов А.Д. Французский героический эпос: Вопросы поэтики и стилистики / А.Д. Михайлов; отв. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 1995. – 358 с.

249. Монтгомери Б.Л. Краткая история военных сражений. A concise history of warfare: A concise history of warfare: [пер. с англ.] / Бернард Лоу Монтгомери. – М.: Центрполиграф, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 459 с.

250. Мосиенко Д. Казахский музыкальный театр: история становления. – М.: Гнесиных, 2017. – 384 с.

251. Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева. – Изд. 5-е, доп. М.: Синодальная тип., 1901. – 366 с.

252. Муллоев Ш.Б. Творчество таджикских поэтов в годы Великой Отечественной войны // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2015. – № 4(6). – С. 206–209.

253. Муравьев А.Н. Борьба за логос, настоящую философию и образование / А.Н. Муравьев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2010. –

Т. 11, № 3. – С. 103–111.

254. Муравьев А.Н. Философия и образование: Историко-философский анализ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: общественные и гуманитарные науки (философия). – №5(10), 2005. – С. 249–250.

255. Мурзанова Л.А. Самобытность как концепт русской философии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. – № 6 (69). – С. 334–337.

256. Мякушин Н.Г. Сборник уральских казачьих песен: 162 песни и 18 стихотворений Урал. и др. казачьих войск / Собр. и изд. Н.Г. Мякушин. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890. – XVIII, – 289 с.

257. Никитин В.А. Русская идея и вселенское христианство в умозрениях русской религиозно-философской мысли XX века // Язык христианской традиции и современная культура: материалы конференции. – М.: Издательство «Летний сад», 2017. – С. 28–41.

258. Ничипоров И.Б. Авторская песня в русской поэзии 1950–1970-х годов. Творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 436 с.

259. Орлов М.О. Русская идея: историко-философские и социальные основания // Известия Саратовского университета. – 2011. Т. 11. – С. 58–62.

260. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – М.: Наука, 1988. – 690 с.

261. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: [Пер. с фр. / Морис Палеолог; Предисл. В. Сироткина]. – 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1991. – 236 с.

262. Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим» (Парадоксы европеизма в современной России) // Вопросы философии, 1996, № 10. – С. 19–32.

263. Паниотова, Т.С. Культурная история Запада в контексте модернизации: (XIX – начало XXI в.). – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 225 с.

264. Парфенова Г.В. Православие и русское воинство / Г.В. Парфенова, Е.И.

Тимошкин // Красноярские военно-исторические чтения: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 20 ноября 2023 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. – С. 446–449.

265. Парфенова Г.В. Роль Православия в патриотическом воспитании русского воинства // Эхо войны: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию начала Великой Отечественной войны, Омск, 25 июня 2021 года / Под общей редакцией К.В. Костина. – Омск: Омский государственный технический университет, 2021. – С. 290–293.

266. Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства: Новые материалы из собраний Пушкинского Дома / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. – 583 с.

267. Песни народов Северного Кавказа. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отд-ние, 1976. – 558 с.

268. Песнь о Сиде: Староиспан. героич. эпос. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленинградское отд-ние], 1959. – 255 с.

269. Петри Э.К. Взаимодействие немецкой и русской хоровой традиции в контексте культуры России XVII – XIX веков: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Петри Эльвира Корнеевна. – Нижний Новгород, 2005. – 250 с.

270. Петров А.П. Мессианство русской культуры (проблема продуцирования социокультурных феноменов архетипичного): 09.00.13 / Петров Андрей Павлович. – Екатеринбург, 2009. – 22 с.

271. Петров В.В. Искусство, наука и пайдейя в «О музыке» Аристиды Квинтилиана // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 935–965.

272. Петрунин А.М. Русская идея – основа ментальности (менталитета) русского народа // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. – 2014. – № 11. – С. 170–177.

273. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч.

А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 830 с.

274. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.

275. Платон. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым. – 2-е изд., испр. и доп. Ч. 3. – СПб: тип. духовный журнал «Странник», 1863. – 538 с.

276. Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. – М.: Алгоритм, 2010. – 944 с.

277. Подпрятков Н.В. Межнациональные противоречия и причины роста национализма в СССР в 50-80-е гг. XX в. / Н.В. Подпрятков, Р. А. Соловьев, М. Г. Суслов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. – № 2-1. – С. 23–26.

278. Помещикова В.В. Советская песня как исторический и культурный феномен отечественного искусства // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2015. – № 20. – С. 40–43.

279. Попова Т.В. О песнях наших дней. – М.: Музыка, 1969. – 490 с.

280. Посвятенко О.Н. Пропаганда в войсках Красной армии в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Клио. – 2012. – № 2(62). – С. 120–122.

281. Потемкин А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2003. – 576 с.

282. Потёмкин А.В. О специфике философского знания. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. – 187 с.

283. Потёмкин А.В. Проблема специфики философии в диатрибической традиции / А.В. Потемкин; Отв. ред. В.Н. Голованов. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1980. – 158 с.

284. Пропп В.Я. Русский героический эпос. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 640 с.

285. Путилов Б.Н. Исторические песни на Тереке. – Грозный: Грозн. обл. изд-во, 1948. – 144 с.

286. Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын отечества // Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. – 503 с.

287. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полное собрание сочинений: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. – 503 с.

288. Райкин А.И. Без грима. [Лит. запись В. Семеновского]. – М., 2006. Сер. Мой 20 век. – 386 с.

289. Рассохацкая О.В. Роль фольклора в становлении региональной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Рассохацкая Оксана Викторовна. – Нижневартовск, 2004. – 22 с.

290. Рожков В.П. Русская идея: образ и смыслы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, № 4. – С. 35–39.

291. Розанов В.В. Война 1914 г. и русское Возрождение. – М.: Книга по Требованию, 1915. – 243 с.

292. Романов О.А. Философия русского зарубежья о судьбе России и Русской идее // Вестник ГрГУ им. Янки Купалы. – 2013. – № 3 (162). – С. 74–79.

293. Ромахин А.П. Влияние религиозного фактора на формирование ценностных ориентаций военнослужащих // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 137–142.

294. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов. Т. 3 / отв. редактор – заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук А. Г. Маньков. – М., 1985. – 511 с.

295. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. Ред. заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук А. Г. Маньков. – 1986. – 512 с.

296. Румянцева Т.Г. Философия Г. Гегеля: от «феноменологии духа» к «Энциклопедии философских наук». – Минск: БГУ, 2014. – С. 95.

297. Руссо Жан Жак. Эмиль, или О воспитании / Жан Жак Руссо; пер. с фр. М.А. Энгельгардта. – СПб.: Газета «Школа и жизнь», 1912. – 491 с.

298. Саберова М.Ш., Шкапов П.Ю. Русская философия о национальной самобытности отечественной науки // Общество: философия, история, культура. –

2020. № 10 (78). – С. 21–25.

299. Садовский М.Э. Обучение школьников навыкам информационной гигиены в эпоху цифровизации знаний / М. Э. Садовский, В. Р. Иванов // Молодой ученый. – 2025. – № 5 (556). – С. 185–186.

300. Свящ. Николай Гончаров. Военное звание перед судом Слова Божия и разума святой Православной Церкви / Вестник военного и морского духовенства. – №19, 1914. – С. 664–671.

301. Семеновский Д. Современные частушки // Красная вновь. – Москва: Гос. изд-во художественной литературы, 1921, № 1. – 321 с.

302. Сенека Луций Анней. Философские трактаты. – СПб., 2001. – 400 с.

303. Сениявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки / Москва. Институт российской истории РАН. 1997. – 230 с.

304. Сениявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Ист.-психол. исслед. / Е.С. Сениявская; Рос. АН, Ин-т рос. истории. – М.: ИРИ, 1995. – 218 с.

305. Сениявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сениявская. – М.: РОССПЭН, 1999. – 382 с.

306. Сениявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. – М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 1997. – 230 с.

307. Сербский эпос / пер. Я. Берга, Н. Гальковского, Н. Кравцова; ред., исследования и комментарии Н. Кравцова. – М.: Academia, 1933. – 651 с.

308. Симаков В.И. Частушки: Изд. по записям 1914-1915 г. / В.И. Симаков. – 2-е изд., испр. и доп. – Петроград: тип. Л.В. Гутмана, 1915. – 95 с.

309. Симони П.К. Великорусские песни, записанные в 1619–1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1907. – 79 с.

310. Снесарев А.Е. Афганистан = Афганистан. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 154 с.

311. Соколова В.К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны. – Советская этнография, № 3 /1975. – С. 7–14.

312. Соколова И.А. Формирование авторской песни в русской поэзии (1950-1960-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.01.01 / Соколова Инна

Алексеевна; [МГУ им. М.В. Ломоносова]. – М.: Б.и., 2000. – 22 с.

313. Соловьев В.С. Русская идея [пер. с фр. Г.А. Рачинского]. – Репринтное воспроизведение издания: – М.: Путь, 1911 – [Л.: Наука, 1990]. – 51 с.

314. Соловьев В.С. Русская идея. Соч.: В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – 824 с.

315. Соловьев В.С. Смысл войны // Русские философы о войне / [сост. И.С. Даниленко]. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005 (Киров: Дом печати – Вятка). – 495 с.

316. Соловьев В.С. Смысл любви. – М.: Путь, 1995. – С. 7–51.

317. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе ... // Русские философы о войне / [сост. И.С. Даниленко]. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005 (Киров: Дом печати – Вятка). – 495 с.

318. Соловьева С. Л. Идентичность как ресурс выживания / С. Л. Соловьева // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 1(48).

319. Солоневич И.Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 624 с.

320. Сохор А.Н. Массовая, бытовая, эстрадная... – М.: Советская музыка. – 1965. – №10. – С.18–23.

321. Сохор А.Н. Путь советской песни. – М.: Советский композитор, 1968. – 108 с.

322. Сохор А.Н. Русская советская песня. – Л.: Советский композитор, 1959. – 506 с.

323. Старец Филофей. Послание великому князю Василию // Памятники литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1978–1994, 1984. – 768 с.

324. Стародубец С.Н. Идеологема «Русская весна» в языковой картине русского мира / С.Н. Стародубец, А.А. Дарики // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2(104). – С. 144–151.

325. Стивенс Э. Возвращение к архетипу: обновленная естественная история Самости. — М.: «Касталия», 2019. – 450 с.

326. Стожко Д.К. Гражданская война как политический феномен (к 100-

летию начала Гражданской войны в России) // Век глобализации. – 2018. – № 4(28). – С. 125–136.

327. Стрелецкий Я.И. Специальная военная операция России на Украине: философско-культурологический анализ / Я.И. Стрелецкий, М.А. Урюпина // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12(128). – С. 188–196.

328. Стрельцов А.С. Русская философия как духовный фундамент патриотического самосознания России // Философское образование. – 2013. – № 2 (28). – С. 3–20.

329. Стрельцов А.С. Философские основания культурно-исторической концепции ранних славянофилов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Широкова Марина Алексеевна: – Барнаул, 2013. – 43 с.

330. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. – М.: Воениздат, 1974. – 616 с.

331. Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. – С. 176–180.

332. Стулова Г.П. Традиции обучения хоровому пению в русской музыкальной культуре // Проблемы музыкально-исполнительского искусства и образования: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 28 марта 2018 года / Науч. ред. Г.П. Стулова. – М.: Чеховский Печатный Двор, 2018. – С. 8–14.

333. Судовцев Г. «Раны, словно ордена.... К 100-летию поэтессы Юлии Друниной / Газета «Завтра», № 18 (1581), 2024.

334. Суслова И.Б. Формирование гражданственности у военнослужащих по призыву посредством художественной самодеятельности / И. Б. Суслова, С. Н. Варнавский // Гуманизация образования. – 2022. – № 4. – С. 174–183.

335. Сухов Ю.Н. Отражение воинского долга в русской православной традиции, государственно-общественных и правовых памятниках: к анализу вопроса // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 67–76.

336. Талина Г.В. Московское царство XVII века: имперский затакт? // Имперская традиция в российской государственности в Новое и Новейшее время:

Материалы международной научной онлайн-конференции, Москва, 20 мая 2022 года / Под редакцией С.В. Леонова, Г.В. Талиной. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. – С. 32–43.

337. Талина Г.В. Политика первых Романовых и Петра I: разрыв традиций или преемственность // Социально-гуманитарные исследования: векторы развития науки и образования: Материалы VIII научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году педагога и наставника, Москва, 20–21 апреля 2023 года. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. – С. 352–362.

338. Тальберг Н.Д. Русская быль. От Екатерины II до Николая II / Век золотой Екатерины. Императрица Екатерина II [Электронный ресурс] / URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Talberg/russkaja-byl-ot-ekateriny-2-do-nikolaja-2/3 (дата обращения: 19.08.2024).

339. Танайлова В.А. (Не)быть ветераном чеченских войн // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 99–119.

340. Тащиан А.А. О музыке // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал "Знания". – 2022. – № 1.

341. Творения, Афанасий Великий В 4 т., [Перевод]. Т. 3. – 1994. – 524, XIII, [2] с.

342. Театр. Книга о новом театре: Сборник статей / А. Луначарского, Е. Аничкова, А. Горнфельда [и др.]. – СПб.: Шиповник, 1908. – 289 с.

343. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998, – 672 с.

344. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 649 с.

345. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1996. – 477 с.

346. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 30. Серия 1. Произведения. – М.: Издательство «Художественная литература», 1951. – 604 с.

347. Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. – С. 88–111.
348. Трубецкой Е.Н. Духовный смысл войны. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 48 с.
349. Трубецкой Е.Н. Смысл войны: Вып. 1 / Кн. Евгений Трубецкой. – М.: Путь, 1914. – 18. Вып. 1. – 1914. – 46 с.
350. У Вэй. Музыка для китайских народных инструментов в период антияпонской войны 1937–1945 годов (на примере города Чунцин) // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2019. – № 1(51). – С. 82–87.
351. У Вэй. Музыкальная жизнь во временной столице Китая Чунцин периода антияпонской войны: дис. ... кандидата искусствоведения: 5.10.3. / У Вэй. – Нижний Новгород, 2024. – 206 с.
352. Умнов А.Ю. Мужское хоровое пение в Карелии в контексте традиций русского хорового пения // Манускрипт. – 2024. Т. 17, № 2. – С. 114–120.
353. Урюпина М.А. Афганская война (1979-1989) в творчестве офицеров военно-воздушных сил Советского Союза // Воздушный щит Отечества (к 110-летию военно-воздушных сил России): Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, Краснодар, 28 апреля 2022 года. – Краснодар: КВВАУЛ, 2022. – С. 106–117.
354. Урюпина М.А. Война в Афганистане: опыт глобализации // Кострома. Genus Locī: Альманах. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Кострома, 23–24 апреля 2021 года. Том Вып. 4. – Кострома: Костромской государственный университет, 2021. – С. 62–68.
355. Урюпина М.А. Идея России в духовно-историческом опыте Великой Отечественной войны и специальной военной операции // Вестник культуры и искусств. – 2026. – № 1(85). – С. 122–128.
356. Урюпина М.А. Ислам и феномен лирики советских воинов-«афганцев» (1979–1989) // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 4(108). – С. 185–193.
357. Урюпина М.А. К вопросу о вкладе деятелей культуры в победу в

Великой Отечественной войне / М.А. Урюпина // Идет война народная, Священная война!: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, Краснодар, 16 июня – 17 2021 года. – Краснодар: КВВАУЛ, 2021. – С. 148.

358. Урюпина М.А. Лирика советских военнослужащих - участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979–1989): аксиологическое измерение / М.А. Урюпина // Наследие веков. – 2025. – № 2(42). – С. 13–41.

359. Урюпина М.А. Лирика советских военнослужащих – участников вооруженного конфликта в Афганистане (1979–1989): аксиологическое измерение // Наследие веков. 2025. № 2. С. 13–41.

360. Урюпина М.А. О чем поют солдаты // Творчество во имя Победы: культура и искусство в годы Великой Отечественной войны: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 25 апреля 2025 года. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2025. – С. 100–113.

361. Урюпина М.А. Образ Первой мировой войны в самоописании участников // Первая мировая война в контексте конфликта цивилизаций: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, Краснодар, 30 сентября 2024 года. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2024. – С. 203–209.

362. Урюпина М.А. Первая мировая война и судьба России: ретроспективный философский дискурс // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. – 2023. – № 1. – С. 124–135.

363. Урюпина М.А. Смысл войны в классических философских учениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. – 2022. – № 1. – С. 34–40.

364. Урюпина М.А. Смысл войны в философии Платона и Аристотеля У разрыва: Сборник материалов Второй международной научно-практической

конференции, Краснодар, 24 июня 2021 года. – Краснодар: Издательство «Магарин Олег Григорьевич», 2021. – С. 144–149.

365. Урюпина М.А. Солдатский фольклор в годы военных действий в демократической Республике Афганистан (1979-1989) // Россия вчера, сегодня, завтра: материалы международной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки: в 3-х частях, Луганск, 14 февраля 2024 года. – Луганск: ИП Орехов Д.А., 2024. – С. 172–184.

366. Урюпина М.А. Сущность войны: анализ основных концепций // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 4(120). – С. 77–83.

367. Устименко А.Л. Проблема двоеверия и идея трояственности «русской веры» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1(51). Ч. 1. – С. 194–198.

368. Федин К.А. Костер / Роман-газета. – М.: Гослитиздат, №1(253). 1962. – 90 с.

369. Федорченко С.З. Народ на войне: Фронтовые записи. – М.: изд. Советский писатель, 1990. – 400 с.

370. Федотова В.А. Влияние политических установок на формирование гражданской идентичности россиян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 78. – С. 249–259.

371. Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской. Сочинения. – М. – Л.: изд-во Академии наук СССР, 1961. – 507 с.

372. Феськов В.И. Советская Армия в годы «холодной войны» (1945–1991) / В.И. Феськов, К.А. Калашников, В.И. Голиков; – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 246 с.

373. Фивейская Л.В. Историзм как концептуальная основа философии культуры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 6А. С. 81–89.

374. Филарет (Дроздов), свт. Беседа к сердобольным вдовам, избранным для попечения о раненых и больных воинах действующей армии <17 ноября; 1854 г.>

// Творения. Слова и речи. Т. 5. – С. 281–284.

375. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 446 с.

376. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата. 2006. – 607 с.

377. Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. – С. 125–132.

378. Франк С.Л. Смысл жизни. – М.: АСТ, 2004. – 157 с.

379. Фронтной фольклор: [песни, частушки, пословицы, поговорки / записи, вступ. ст. и коммент. В. Ю. Крупянской; под ред. и с предисл. М.К. Азадовского]. – М.: Гослитмузей, 1944. – 131 с.

380. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

381. Хасанова А.Н. Ритмический строй вокально-инструментальных сочинений С. Сайдашева: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Хасанова Алсу Наилевна. – Казань, 2010. – 337 с.

382. Хвощевская И.В. Философия всеобщего духа как теоретико-методологическое основание культурологического познания уникальности России // Философия и культура. – 2024. – № 4. – С. 36–44.

383. Хмелевский С.В. Национальная военная музыка России как фактор патриотического воспитания // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 143–150.

384. Холодная война: В 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева). – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – 984 с.

385. Холопов Ю.Н. Теория музыки времени Палестрины: о трактате Дж. Царлино «Установления гармонии» / Ю.Н. Холопов, Р.Л. Поспелова // Русская книга о Палестрине: К 400-летию со дня смерти. – М.: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 2002. – С. 32–53.

386. Хомутова Е.Н. Феномен авторской песни в отечественной культуре

середины XX века: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Елена Николаевна Хомутова. – Нижневартовск, 2002. – 137 с.

387. Хомяков А.С. Хрестоматия по истории философии. От Нестора до Лосева. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 677 с.

388. Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность / Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А.Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 576 с.

389. Хоркхаймер М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс / Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно; перевод с немецкого: Т. Зборовская. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. – 94 с.

390. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. – М.: Медиум, 1997. 310 с. – С. 194.

391. Царевский А.А. Значение Православия в жизни и исторической судьбе России. – М.: Директ-Медиа, 2011. – 65 с.

392. Цекатунова Л.Б. Чеченский кризис. Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 11. – С. 145–147.

393. Цицанкин В.С. Музыкальная культура Российской армии и флота во второй половине XIX века: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Цицанкин Василий Сергеевич. – Москва, 1997. – 269 с.

394. Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве. О законах. – М., 1966. – 224 с.

395. Чаадаев П.Я. Философические письма. Статьи и письма. – М.: Юрайт, 2019. – 268 с.

396. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения в 18 т. / А.П. Чехов; АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького; [редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1983.

397. Чикаева Т.А. «Отечество» как философская категория // Вестник Омского университета. – 2018. – Т. 23, № 2. – С. 105–111.

398. Чикаева Т.А. Осмысление русской культурной идентичности как путь сохранения и развития русской нации: монография / Т.А. Чикаева. – М.: ИЭАУ,

2009. – 156 с.

399. Чикаева Т.А. Родина и Отечество. Функции Отечества // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы V Международной научной конференции, Москва, 23 апреля 2021 года. – Москва: Учреждение высшего образования «Московский художественно-промышленный институт», 2021. – С. 46–52.

400. Чикаева Т.А. Родина или Отечество: разграничение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2017. – № 1. – С. 90–99.

401. Чикаева Т.А. Родина. Отечество. Государство // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы III Международной научной конференции, Москва, 19 апреля 2019 года. – Москва: Учреждение высшего образования «Московский художественно-промышленный институт», 2019. – С. 43–50.

402. Чикаева Т.А. Русское и западное понимание того, что есть Родина // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2023. – № 33. – С. 38–41.

403. Чикаева Т.А. Русское и западное понимание того, что есть Родина // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2023. – № 33. – С. 38–41.

404. Чикаева Т.А. Философское понимание Отечества: монография / Чикаева Т.А. – М.: МХПИ, 2022. – 124 с.

405. Чикаева, Т. А. Социально-философское понимание самобытности русской культуры / Т. А. Чикаева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-2(38). – С. 208–210.

406. Чупраков К.С. Военная музыка как фактор формирования духовного мира военнослужащего современной Российской армии: дис. ... канд. философ. Наук: 5.7.7. / Чупраков Кирилл Сергеевич. – М., 2023. – 173 с.

407. Чупраков К.С. Специфика воздействия военной музыки на духовный

мир военнослужащего Российской армии // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 3. – С. 325–330.

408. Шарипова А.Р. Сущность русского хорового пения как духовного феномена культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Шарипова Альфия Рафисовна. – Казань, 2010. – 175 с.

409. Шелер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Пер. Денежкина А.В., Малинкина А.Н., Филлипова А.Ф.; Под ред, Денежкина А. В. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 490 с.

410. Шестаков В.П. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения / Сост. текстов и общая вступ. статья [с. 5-92] В. П. Шестакова. – М.: Музыка, 1966. – 574 с.

411. Шестаков В.П. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения / Сост. текстов и общая вступ. статья [с. 5-92] В. П. Шестакова. – М.: Музыка, 1966. – 574 с.

412. Шестаков В.П. От этоса к аффекту. История музыкальной эстетики от античности до XVIII в. Исследование. – М.: «Музыка», 1975. – 351 с.

413. Широкова М.А. Философские основания культурно-исторической концепции ранних славянофилов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Широкова Марина Алексеевна. – Барнаул. 2013. – 45 с.

414. Широкова М.А. Философские основания культурно-исторической концепции ранних славянофилов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Широкова Марина Алексеевна. – Барнаул. 2013. – 45 с.

415. Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения: в 2 кн. / С.О. Шмидт. – М.: Книжница: Русский путь, 2013. – Кн. 1. – 2013. – 575 с.

416. Щербаков А.Б. Эпический мир «Песни о Роланде» в контексте средневековой культуры: дис. ... кандидата филол. наук: 10.01.03 / Щербаков Александр Борисович. – Самара, 2006. – 215 с.

417. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Эмер Юлия Антоновна. – Томск, 2011. – 457 с.

418. Эпос сербского народа / Изд. подгот. [и послесл., С. 219–317, написал] И.Н. Голенищев-Кутузов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 354 с.

419. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.

420. Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 575 с.

421. Юкина Е.Ю. Семантико-стилистические особенности текстов английских и русских песен периода Второй мировой войны // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 194–205.

422. Юмакулов Н.Х. Роль и значение Русской Православной Церкви в системе воспитательной работы российской армии // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – № 3. – С. 140–143.

423. Юнг К. Г. Психоанализ и искусство / К. Юнг, Э. Нойманн; [Пер. с англ.: Г.Бутузов, О.О.Чистяков]. М.: REFL-book, Ваклер, 1998. – 302 с.

424. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 343 с.

425. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – СПб.: Питер, 2020. – 336 с.

426. Юнг К.Г. Психология бессознательного / Пер. с англ. – Издание 2-е., – М.: «Когито-Центр», 2010. – 352 с.

427. Юрасов И.А. Российское самосознание и философия управления // Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 199–203.

428. Яицкий В.А. Трансформация русской идеи как особенность формирования национального самосознания: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Яицкий Василий Александрович. – Н.-Новгород. – 141 с.

429. Adorno Theodor W. Philosophy of modern music / Theodor W. Adorno; Transl. by Anne G. Mitchell a. Wesley V. Blomster. New York: Seabury press, 1973. – XIV, 220 p.

430. Annegret Fauser. Sounds of War: Music in the United States during World War II 1st Edition. – New York: Oxford University Press. – 392 p.

431. Anthony D. Smith. *National Identity*. London: Penguin Books, 1991. – P. 226.
432. *Canciones de las Brigadas Internacionales*. – Берлин: Schallplatten, 1963. – 34 с.
433. Carl Dahlhaus. *Die Musik des 19. Jahrhunderts*. – Wiesbaden, 1980. – VI, 360 SS.
434. Crisnin L. Baade. *Victory through Harmony The BBC and Popular Music in World War II*. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 290 p.
435. Duggan J.J. Formulaic diction in the «Cantar de Mio Cid» and the old French epic // *Forum for Modern Language Studies: The Journal of Literary, Cultural and Linguistic Studies from the Middle Ages to the Present*. Vol. 10 (3). 1974. – P. 260–269.
436. Duggan J.J. General Introduction: Editing the “Song of Roland” 11 *La Chanson de Roland = The Song of Roland: The French Corpus*. Turnhout, 2005. Vol. 1. – P. 5–38.
437. Duggan J.J. Performance and transmission, aural and ocular reception in the twelfth-and thirteenth-century vernacular literature of France // *Romance Philology*. Vol. 43 (1). 1989. P. 49–58.
438. Duggan J.J. The «Song of Roland». Formulaic style and poet-ic craft. Berkeley, 1973. – 226 p.
439. Einstein A. *Music in the Romantic era*. – New York: W. W. Norton & co. inc., Cop. 1947. – XII, 373 p.
440. Foch F. (1920). *Principles of War*. Translated by J. de Morinni. New York: H. K. Fly Company. – P. 426.
441. Fukuyama Francis Trust *The social virtues and the creation of prosperity / Francis Fukuyama*. New York: The Free press, cop. 1995. – XV, 457 p. tab.
442. Habermas Jürgen. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Unters. zu einer Kategorie der bürgerlichen Ges.: Mit einem Vorw. zur Neuaufl. 1990 / Jürgen Habermas*. – 5. Aufl. – Frankfurt a. – M.: Suhrkamp, 1996. – 391 p.
443. Habermas Jürgen. *The theory of communicative action*. Vol. 1: Reason and the rationalization of society / Transl. by Thomas McCarthy. – London: Heinemann, 1984. – XLII, 465 p.

444. John Buch Jones. *The Songs That Fought the War: Popular Music and the Home Front, 1939 – 1945* – 1st Edition. – Brandeis University Press. – 364 p.
445. Karkou V., Meekums B. Dance movement therapy for depression: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, 2017. – P.51–59.
446. Macdonald L. *They called it Passchendaele: the story of the Battle of Ypres and of the men who fought in it*. London, England; New York, N.Y.: Pen-guin Books, 1993, – 308 p.
447. Putnam R. D. *Bowling alone the collapse and revival of American community* / Robert D. Putnam. New York: Simon & Schuster paperbacks, cop. 2000. – 541 c.
448. Putnam R. D. *Bowling alone the collapse and revival of American community* / Robert D. Putnam. New York: Simon & Schuster paperbacks, cop. 2000. 541 c.
449. *Renati Des-Cartes Musicae compendium*. – Amstelodami: Apud Joannem Janssonium juniorem, 1615. – 37 c.
450. Sheldon Winkler. *The Music of World War II: War Songs and Their Stories* - 2nd Edition. Merriam Press. Hoosick Falls. 2017. – 162 p.
451. Tonya Bolden. *Take-Off (Bk & CD): American All-Girl Bands During World War II*. Random House Children's Books, 2009. – 80 p.
452. Treitler Leo. *Music and the historical imagination* / Leo Treitler. – Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press, 1989. – 336 c.
453. Treitler Leo. *Source Readings in Music History* / Leo Treitler. – W. W. Norton & Company, 1998. – 132 p.
454. Weinstein D. *Why making music matters*. Oxford University Press. 2018. – 32 p.